

4-25
II 382060

Н. УГЛОВСКИЙ

У нас на Севере

Н. В. УГЛОВСКИЙ

Николай Васильевич Угловский родился в 1921 году в Велико-Устюгском районе, Вологодской области. В 1941 году окончил медицинский техникум и с августа находился в частях Советской Армии в качестве военфельдшера. Участвовал в боях против гитлеровской Германии и Японии. С 1948 года член КПСС.

После демобилизации работал фельдшером ремесленного училища в Великом Устюге, а позднее — в редакции местного радиовещания и в районной газете. Первый рассказ опубликован в 1941 году. Первая повесть «Наступление продолжается» вышла в Вологде в 1950 году. В этом же году опубликована повесть «Снова в строю», а в 1954 году — повесть «Огни в Снежном». Главы из повести «У нас на Севере» печатались в альманахе «Литературная Вологда» в 1958 году.

Редактор В. К. Пудожгорский.

Художественный редактор П. Ф. Макаров.

Технический редактор С. И. Соколова.

Художник Н. В. Седова.

Корректор М. В. Чернакова.

ГЕ01863. Сдано в набор 12.2.59 г. Подписано к печати 8.6.59 г.
Формат бумаги 84 × 108¹/₃₂. 3,5 б. л., 11,48 п. л., 12,3 уч.-изд. л.
Заказ 1213. Цена 4 р. 70 к. Тираж 15000.

Областная типография, Вологда, ул. К. Маркса, 70.

I

После многих долгих мытарств подошел такой момент, когда Антон Бескуров решил, что наконец-то его жизнь вошла «в нормальную колею». Да и пора бы: ему уже перевалило за тридцать, прожито и пережито было немало... В 1941 году он ушел на фронт из родной деревни несмышленным, наивным парнем, хотя и успел некоторое время поработать секретарем сельсовета, окунуться в беспокойные деревенские будни. Суровая армейская обстановка быстро сделала его взрослым. Благодаря сметке и проявленной в боях храбрости дослужился до командира взвода. По окончании войны снова вернулся в деревню, к матери. В те первые послевоенные годы повсюду жилось трудно, а в своем колхозе Бескурову показалось еще и невыносимо скучно. Сверстников почти не осталось, да и вообще народу поубавилось. Порой, особенно в зимние глухие дни, деревенские улицы угнетали Антона тишиной и безлюдьем. Жизнь текла как-то вяло, не суля никаких светлых перспектив. Антон пожил у матери с полгода, подремонтировал ей домишко и в один из ростепельных апрельских вечеров тайком, избегая лишних расспросов, подался в город. Устроился сперва наловым агентом, мотался по району в дождь и пургу, потом работал инкассатором в местном отделении Госбанка и окончательно осел в городском торге — сначала кладовщиком, затем счетоводом, а год назад был выдвинут на должность начальника общепита. Тут-то и развернулись в полной мере хозяйственные и организаторские способности Бескурова. Действительно, в

таком нужном и деликатном деле, как общественное питание, требовались большая сноровка и умение. С одной стороны, за недостатки и промахи ругало начальство, а с другой — неуклонно возрастали требования населения. Бескуров ревностно взялся за наведение порядка в столовых и буфетах и многое сумел сделать за эти месяцы.

И все-таки, несмотря на занятость и моральную удовлетворенность работой, Бескурову чего-то не хватало, жизнь не казалась ему полной до тех пор, пока он не встретил Зою. Она работала официанткой, и вот на вечере, посвященном женскому дню 8 Марта, они познакомились. Впрочем, Зоя и раньше бросалась ему в глаза. В этом не было ничего удивительного: она обращала на себя внимание всякого, кто видел ее — будь это в первый или десятый раз. В столовой посетители предпочитали садиться за ее столики, обращались к ней с подчеркнутой вежливостью и непременно старались разговориться. «Ну, что там, Зоя, у вас на второе? А вы как будто сегодня грустные, уж не влюбились ли в кого?..» Подобная фамильярность не оскорбляла Зою, пожалуй, даже нравилась ей. Известно было, что у нее много знакомых мужчин, но никто не знал, с кем она дружит по-настоящему.

На этом памятном вечере Бескуров, боясь в том признаться самому себе, хотел разгадать ее тайну... Большой обеденный зал столовой, где происходило торжество, был переполнен, играл известный в городе баянист, среди танцующих оказалось много приглашенных со стороны. Но Зоя все время танцевала с кем-либо из подруг, и Антон решился. Выбрав удобный момент, он подошел к группе девушек, заговорил с ними, а когда баянист вновь заиграл, он будто случайно, с таким видом, словно ему было все равно, с кем танцевать, пригласил Зою. Они закружились. И хотя Бескуров считал себя неплохим танцором, на этот раз он с ужасом почувствовал, что танцует не просто плохо, а прямо-таки безобразно. Краснея, Бескуров то и дело извинялся, а Зоя так мило и непринужденно кивала черноволосой головкой, так поощрительно улыбалась полными розовыми губами, что он окончательно терялся и почти не владел ногами. Они присели за столик, он налил ей и себе пива и, отпив, сказал:

— Давайте, попробуем еще раз. Не может быть, чтобы я совсем разучился.

— Конечно, попробуем, Антон Иванович. Просто мы не станцевались, — улыбнулась она.

— Не называйте меня хоть здесь Антон Ивановичем, — попросил он.

— Ну как же, неудобно, Антон Иванович. Вы же наш начальник, — щуря свои темно-карие загадочные глаза, повторила Зоя.

— Да нет, мы сейчас просто хорошие знакомые, к чему же эти церемонии? — настаивал он. — Другое дело на службе.

— Хорошо, Антон Иванович, — кивнула Зоя. — Пойдемте.

Танцевали они долго. И хотя Бескуров уже вполне сносно справлялся со своими обязанностями кавалера, ощущение какой-то радостной и тревожной скованности не покидало его. Да, именно такой и представлялась в его воображении Зоя еще тогда, когда он издали присматривался к ней, — простой, веселой и обаятельной девушкой. «Сколько радости может она дать тому, кто полюбит или уже любит ее», — с откровенной завистью размышлял он, ни на минуту не веря, что такое счастье возможно для него. Слишком Бескуров был взволнован и ослеплен броской Зоиной красотой, чтобы надеяться на это. А между тем Зоя думала почти о том же. Когда кто-то из подружек шепнул ей: «Слушай, Зойка, а ведь из вас получилась бы неплохая пара», — Зоя невольно покраснела. Она уже давно задумывалась о замужестве, но не могла выбрать из своих знакомых ни одного, с кем бы стоило связать свою судьбу. Как видно, поэтому и влюбиться всерьез ей не удавалось. Впрочем, это ее ничуть не тревожило. Зоя знала себе цену и не сомневалась, что выбирать будет она. Бескуров ей понравился. Он явно влюбился в нее, а главное — занимал хорошее положение.

Обо всех этих практических соображениях Бескуров, конечно, не подозревал. Ему и раньше приходилось встречать и увлекаться красивыми девушками, но, честное слово, прежние увлечения даже отдаленно не походили на то, что он переживал теперь. Если бы ему сказали, что вот кончится вечер и он никогда больше не увидит Зою, Бескуров наверное всю жизнь

не смог бы забыть ее. Почти не дыша, он кружил и кружил Зою, касался щекой ее волос, смотрел в карие глаза, читал в них то, что хотелось ему прочесть, и чувствовал, что в эти минуты в его душе происходит что-то необычайное. Присутствие других людей казалось ему ненужным и нелепым. И как же он обрадовался, когда Зоя, выбравшись из толпы в полуосвещенный коридор, сказала:

— Мне пора домой, Антон Иванович. Вы не проводите? Я недалеко живу, но одной как-то страшновато ночью идти.

— Спасибо, — глупо ответил он, но так как номер от ее пальто был в его руках, Бескуров даже не обратил внимания, что сказал какую-то несуразность. Да, пожалуй, это и не имело теперь значения...

Через месяц они поженились. Поскольку квартира у Зои была больше и удобнее, Антон без колебаний переехал к ней, навсегда, как думалось ему, простившись с неудобной холостяцкой комнатой. Так началась для него новая, «вполне нормальная», упорядоченная жизнь, обещавшая столько радостей, что порой Бескурова невеста с чего охватывала безотчетная тревога за прочность этого неожиданно выпавшего на его долю счастья...

II

В начале июля, в один из теплых, солнечных, но не знойных дней, наступивших после затяжных моросящих дождей и потому особенно приятных для не избалованных хорошей погодой северян, Антон Бескуров сидел в кабинете секретаря партийной организации Екимовского и ждал, пока тот кончит разговор по телефону. Вызов был неожиданный, и Бескуров терялся в догадках, что бы это значило. Опять какое-нибудь поручение? У него и без того их уйма. Скорей всего, по чьей-нибудь жалобе. Екимовский заведовал отделом кадров и, естественно, мог вызвать в любое время. Но на этот раз, неизвестно почему, Антона томило недоброе предчувствие.

— Так вот, Антон Иванович, — сказал Екимовский, худощавый, очень высокий, с угловатой бритой головой и редкими седыми бровями на таком же угловатом, костистом лице. — Вчера я был в райкоме, речь

шла о нашем подшефном колхозе «Восход». Помогаем мы им в общем неплохо, но и похвалиться особо пока нечем. Сам знаешь, какие там дела. Председатель у них не ахти какой руководитель, сжился с беспорядками, а теперь серьезно заболел. С желудком что-то. Сейчас в больнице лежит, потом на курорт поедет, ну, и в общем просит его освободить. Колхозу нужен хороший, настоящий хозяин...

— Так там же заместитель есть, свежий человек, добровольно из райцентра уехал, — поспешил сказать Антон.

— Звонков-то? — Екимовский колкоче глянул из-под седых бровей. — Не то, Антон Иванович, не то. Знаешь, как к нему колхозники относятся? Да и поехал-то он туда потому, что теща приказала. Видишь ли, с хозяйством ей трудновато стало управляться, вот она и вызвала Звонкова на подмогу. Я вот говорил в райкоме, и мне прямо указали на твою кандидатуру.

— Вот как! — усмехнулся Бескуров, весь внутренне похолодев.

— Именно, — безжалостно подтвердил Екимовский, не любивший начинать подобные трудные разговоры издалека. — Я тут советовался с нашими, и мы тоже считаем, что ты справишься с этим делом.

— Это почему же вы так решили? Просто хотите отыграться на мне? — уже весь дрожа от возмущения, сказал Бескуров.

— Мы, конечно, ничего без тебя не решали. Но считаем, — подчеркнул Екимовский, — что ты смог бы оправдать доверие нашей парторганизации и колхозников. Подожди, дай досказать... В том-то и гвоздь, что колхозники первые подсказали райкому твое имя — тебя ведь там хорошо знают. И мы твои способности знаем. И наконец, как коммунист, ты должен отлично понимать, какое значение придает партия подъему сельского хозяйства. Тысячи посланцев партии уже давно работают в колхозах. Могу назвать некоторые знакомые тебе фамилии...

— Нет, я не понимаю — почему именно я? — вспыхнул Бескуров; он встал со стула, но тут же снова сел. — Какие у меня способности? Ведь я же давно оторвался от сельского хозяйства.

— Вот именно — оторвался. Увидел, что в дерев-

не плохо — и уехал. А между прочим, тогда ты уже был коммунистом, — жестко проговорил Екимовский и вышел из-за стола; скупая улыбка раздвинула его тонкие губы. — Ну, не буду тебя агитировать, не умею я это делать. Надеюсь, ты понял меня. Иди, подумай, посоветуйся с женой. Ежели надумаешь — шагай завтра прямо в райком к Василию Васильевичу Комарову, а не надумаешь — позвони мне, вот и все. Как решишь, так и будет. Без личного же согласия такие дела не делаются, сам знаешь. Ну, до завтра.

Бескуров едва пожал сухую, горячую руку Екимовского и вышел из кабинета.

* * *

Возмущение, обида и горечь охватили его на улице. Итак, рушилось все, к чему он стремился и чего достиг. Почему именно он, а не кто-то другой? И без того жизнь была нелегкой, и вот еще одно испытание. Допустим, Антон знает сельское хозяйство, но ведь тут главное — знать людей, как Екимовский этого не понимает? Или делает вид, что не понимает? Что он там толковал о райкоме? Наверняка сам же порекомендовал Антона, а теперь ссылается на райком: совестно, небось, признаться. Еще бы! Попробовал бы сам взяться за такое немыслимое дело, наверняка заговорил бы по-иному. Тоже, нашел чем упрекнуть: уехал из деревни. Пожил бы он сам тогда в деревне. Да будь Екимовский семи пядей во лбу, все равно ничего не изменил бы. Плюнул на все и тоже сбежал бы в город...

Сбежал? Что ж, перед самим-то собой нечего душой кривить: тогда Антон действительно сбежал. Иного слова не подберешь. И сбежал-то тайком, боясь быть уличенным в трусости. Да, он видел, что в деревне было трудно, плохо, не раз у него чесались руки взяться за наведение порядка, возникала мысль как-то все перевернуть, изменить, но... испугали трудности, жалко стало молодых сил, способных, как думалось ему, на что-то большее. С тех пор много воды утекло, и колхоз, писала мать, пошел в гору, за прошлый год выдали по два килограмма хлеба на трудодень, по полтора рубля деньгами. Выходит, нашлись люди, которые и без Антона сумели многое сделать. У них-то, ви-

дать, сердце не дрогнуло и сил хватило. А он скитался в это время по району, выписывал квитанции, приглядывался, как живет народ, даже критиковал многих председателей колхозов за бесхозяйственность, а потом уезжал, сидел в своей уютной бухгалтерии и заставлял себя не думать о том, что видел в деревне. Но о ней напоминало все: и газеты, и разговоры на собраниях, и особенно поездки в подшефный «Восход». Еще совсем недавно, в мае, Бескурову пришлось прожить там две недели. Сев шел туго, и Антон с головой окунулся в несвойственные ему заботы: выступал на заседаниях правления, вносил предложения, стыдил нерадивых, с раннего утра носился по бригадам, тормошил всех и вся. Ему, как новому человеку, бросалось в глаза многое такое, что для остальных как-то примелькалось, казалось привычным, неизбежным, но что на каждом шагу тормозило дело. Уезжал Антон с острым сожалением, что не успел сделать и десятой доли из задуманного.

Все это так, но теперь речь идет совсем о другом. Ему предлагали взять на себя всю ответственность за большое и сложное хозяйство — и не на неделю, даже, быть может, не на год. И это в тот момент, когда там все находится в трудной, подчас противоречивой перестройке, когда многое, по сути, предстоит делать сначала и заново. Как убедить и доказать людям, что они могут, если захотят, жить лучше, чем они живут и хозяйствуют сейчас? Черт возьми, все это еще с час назад показалось бы Бескурову очень простым (он читал в газетах об опыте лучших председателей), но насколько же трудным представлялось теперь, когда он мысленно увидел себя в роли председателя. В том, что колхозники его изберут, Антон почти не сомневался, хотя в глубине души не отвергал и возможность провала. Что же сказать завтра Екимовскому? Антон понимал, что выбор парторганизации пал на него не случайно, что в него действительно верили, и именно это доверие заставило его, наконец, принять решение. Да, просто немыслимо отказаться, раз ему доверяют. Как он будет смотреть в глаза товарищам, если откажется? И, кроме того, если уж говорить откровенно, Бескурову всегда было как-то стыдно перед самим собой за свой давний побег из родного дома, за свое ны-

нешнее благополучие, за те не очень-то сложные обязанности, которые он исполнял. Неужели же Бескуров не способен на что-нибудь большее? Нет, будь что будет, а он попробует. Так завтра и скажет в райкоме: если вы считаете, что я справлюсь, я согласен.

И вдруг Антону стало жарко, кровь отчаянно застучала в висках: а Зоя? Как он мог забыть о ней? Что он ей-то скажет? За месяцы, прожитые с ней, Бескуров достаточно изучил ее привычки и наклонности, многое казалось ему странным в ее характере, а временами они просто не понимали друг друга, хотя до сих пор и избегали ссор. Любовь сглаживала острые углы, и Антон, закрывая глаза на некоторые странности жены, продолжал чувствовать себя таким же счастливым, как и в первые дни. И лишь теперь, в ту минуту, когда он принял решение и вспомнил о Зое, он с беспощадной отчетливостью понял, что это счастье может оказаться недолговечным... А вдруг Зоя не поедет с ним? Антон почему-то припомнил ее несложную биографию: родилась и росла в деревне, окончила там не то пять, не то шесть классов, потом переехала к старшему брату в райцентр, мыкалась по разным учреждениям, пока не устроилась официанткой... Боже мой, причем тут биография? Какое это имеет значение, когда весь вопрос в том, любит ли она его? Нет, опять не то. Дико было бы сомневаться в ее любви — все эти месяцы казались обоим медовыми. Значит, дело за тем, захочет ли Зоя расстаться с привычной обстановкой, с многочисленными друзьями и знакомыми, добрую половину которых Антон так и не успел узнать.

Бескуров хотел было сразу же пойти в столовую и поговорить с Зоей, но на половине пути раздумал. О таких вещах не говорят на людях. В последнее время он вообще избегал без нужды появляться в столовой, где Зоя работала уже не официанткой, а буфетчицей. Бескуров не имел никакого прямого отношения к движению жены, однако чувствовал, что его служебное положение тут сыграло определенную роль. Ему было очень неловко, и он даже упрекал Зою за то, что она согласилась на предложение заведующей. Зоя только усмехалась и была страшно довольна. Антон примирился и с этим, хотя ему было горько и обидно

узнать, что буфет для Зои, как видно, оказался заветной целью ее мечтаний.

Придя домой, Бескуров, пожалуй, впервые внимательно и с затаенной грустью оглядел свое уютное, милое жилище. Да, Зоя была отличной хозяйкой. Она любила вещи и каждой из них, начиная от гардероба и кончая пудреницей, умела найти свое место — именно то, на котором вещь выглядела особенно красиво. Антон пренебрежительно относился к разного рода безделушкам, они всегда ему мешали, падали при малейшем прикосновении, даже тогда, когда он просто ходил по комнате, но Зоя и тут умудрилась сделать так, что мраморные слоники, вазочки, коробки и салфеточки со временем оказались словно приклеенными к своим местам, придавая комнате нарядный, неповторимый облик. И Антон не только больше не ронял их, но привык и даже как-то полюбил. Он вертел сейчас в руках самого маленького слоника, удивлялся его миниатюрности и вспоминал, как они с Зоей покупали весь этот набор. Один он, конечно, никогда не додумался бы купить эти пустяки, но искреннее, почти детское восхищение Зои умилило его, и он радовался, что смог угодить ей. Дома она долго подыскивала слоникам место, ставя их то на комод, то на этажерку, наконец, расставила полукругом на туалетном столике в углу, и потом они долго сидели обнявшись и придумывали велух, что бы такое приобрести, чтобы украсить их и без того уютное «гнездышко»...

Да, все это было и есть и стало неотделимой частью его жизни. Трудно даже представить, как он жил бы без Зои. Но поедет ли она с ним? Понятно, ехать ей придется не сейчас, позже, когда Антон обоснуется в деревне по-настоящему. Он постарается это сделать поскорее, потому что мысль о предстоящей разлуке с женой даже на несколько дней угнетала Антона. Чего это она так долго не идет? Бескуров уже в десятый раз беспокойно посмотрел на часы и вспомнил: она ведь всегда запаздывала. И всегда так мило, искренне и весело извинялась, что он попросту забывал ее упрекнуть.

Бескуров заставил себя взять газету и читать. Это была своя районная газета, которую Бескуров обычно начинал читать с четвертой полосы — остальные лишь

бегло просматривал. Но сейчас он сразу устремил взгляд на третью страницу, где были помещены письма и корреспонденции из колхозов. Так вот, значит, как обстоят дела. В «Красной звезде», оказывается, все еще выжидают, когда подрастут травы. Как будто они везде растут одинаково! Бескуров знал тамошнего председателя: нерасторопный, закоснелый мужик... Но, с другой стороны, попробуй утляди за всем. Нет, одному не управиться. Нужны люди, помощники, инициаторы, а не равнодушные наблюдатели. В «Восходе» они есть, а если еще поискать — найдутся новые. Но поедет ли Зоя? У них ни разу не возникал разговор о деревенской жизни, лишь однажды, вернувшись от матери, по-прежнему остававшейся в колхозе, Зоя облегченно вздохнула: «Ох, наконец-то я опять дома. Скучища там — просто ужас. С ума можно сойти...» А пробыла в деревне всего один день. Да, но тогда ведь с ней не было Антона. Это совершенно меняет дело.

Бескурову пришлось прочесть газету от передовой до объявлений, а жены все не было. Ожидание стало невыносимым. Черт возьми, опять наверно встретилась на углу с Любкой и перебирает косточки своим знакомым. Просто удивительно, до чего любят эти женщины всюду совать свой нос, судачить о пустяках. Ясно, что Любка портит жену, и пора этому положить конец. Как этого не понимает сама Зоя? А, да что говорить, остальные знакомые у нее не намного лучше. Но они, видите ли, «настоящие интеллигенты», а что это означает — Зоя и сама толком объяснить не может.

Бескуров был основательно взвинчен, и Зоя, едва открыв дверь, тотчас увидела, что он не в духе. Однако это ничуть не смутило ее, не испортило того радостно возбужденного настроения, в котором она находилась. Все было так хорошо: на работе полный порядок, ее по-прежнему все любили и уважали, а главное — она только что смотрела чудесный фильм в клубе «Кинопроката», куда приглашали далеко не каждого. Конечно, Зоя не могла отказаться от приглашения, тем более, что Любка заранее расписала подруге некоторые пикантные подробности картины. Зоя даже хотела и Антона пригласить, звонила ему в торг, но его там не оказалось.

— Ты не подогрел суп? — оживленно заговорила

она, кладя сумочку на комод. — Я забыла взять из столовой что-нибудь на второе, да нам и супу хватит. Есть еще кисель, хочешь? Я сейчас соберу. Чего это ты сегодня такой хмурый?

— Я уже собрался идти встречать тебя. Это ни на что не похоже, — сдержанно сказал Антон: ему не хотелось начинать серьезный разговор с упреков.

— И чудесно, если бы встретил. А ты все боишься, что я потеряюсь? — с ласковой улыбкой спросила Зоя. Теперь она решила не говорить ему о «Кинопрокате», раз уж не удалось пригласить его. — Ох, и ревнивый ты у меня. Соскучился? И я тоже. — Она повернула его голову к себе и поцеловала в губы. — Ну и отлично. Сейчас будем ужинать.

Так часто кончались их размолвки, и тут Антон не в силах был ничего изменить. Вот и сейчас у него отлегло от сердца. Он смотрел, как Зоя надевала свой цветастый яркий передник, как зажигала керосинку, ставила суп, причесывалась перед зеркалом, ласкал взглядом ее темно-каштановые волосы, раздумываясь о ее лице, тугую девичью грудь под нарядным зеленым платьем — и едва удерживался, чтобы не встать и не прижаться к жене, к ее горячему плотному телу, как делал это раньше. Но она сама подошла к нему, села на колени, снова поцеловала и, надув губы, обиженно спросила:

— Нет, почему все-таки ты сегодня такой скучный?

— Видишь ли, у меня был серьезный разговор с Екимовским...

— О чем? Что-нибудь неладно?

— Нет, все хорошо, но... Понимаешь, меня парторганизация рекомендует председателем нашего подшефного колхоза.

Зоя порывисто встала.

— Пусть ищут дураков в другом месте. Екимовский просто хочет выслужиться, вот он и мудрит. Ну, и что ты ему ответил?

Резкий тон жены возмутил Антона. «Как для нее это просто... и грубо: там дураки, мы умные. А я ждал совета, помощи». Он сказал устало:

— Пока ничего определенного. Оставил до завтра.

— Незачем и оставлять было. Пускай бы не надея-

лись и думать об этом забыли. Ну, с какой это стати ты должен ехать в колхоз? Вот еще! Как будто и не провинился, и не заворовался, с чего они на тебя напустились? Во всяком случае, насильно они не имеют права тебя посылать.

— Никто насильно и не посылает. — Бескуров поднял голову, испытующе посмотрел на жену. — Но я, очевидно, соглашусь. Я не могу иначе.

— Вот как! — От неожиданности Зоя тяжело опустилась на стул, но сейчас же вскочила, отошла к комоду. — Это ты серьезно?

— Да, кажется, вполне серьезно. Пойми, я не могу иначе...

— Тут и понимать нечего! — почти выкрикнула она. — Я завтра сама пойду к Екимовскому и все ему выскажу. Они приневолят тебя, я знаю. Наверно, уж пообещали дать выговор. Есть другие, более подходящие, а твою семью они не имеют права разбивать. Только начали жить и вот, пожалуйста...

— Разбивать? — Бескуров готовился к этому и все-таки растерялся: сердце застучало с перебоями, и почему-то похолодело лицо. — Но почему же разбивать?

— Ты сам этого хочешь, а не я. Кто тебя заставляет ехать в деревню? Что ты там не видел? И как там можно жить? Нет, я не представляю, я просто не могу... — Она обернулась, хотела поймать его взгляд, но Антон смотрел куда-то мимо нее невидящими глазами. Тогда Зоя тихо окликнула:

— Антон! — И стремительно подбежала к нему, прижала его голову к груди. — Антоша, милый, ну, признайся, что ты пошутил, да? Разозлился, что я опоздала, и решил пошутить, правда? Как тебе не стыдно! Ну, скажи, что никакого разговора с Екимовским не было, и давай ужинать, я очень есть хочу.

Антон чуть не задохнулся от внезапного прилива нежности к ней. Он обнял жену за талию, и так они пробыли долго, не в силах говорить. Нет, расстаться с Зоей невозможно. Он так любил ее! И она его любила, в этом не оставалось никакого сомнения. То, что она сказала вначале, было вызвано именно глубоким чувством к нему. Она вся дрожала в его руках и все сильнее прижимала голову Антона к себе, как бы не же-

лая отдавать его кому бы то ни было. И не отдаст, какой бы ответ ни дал он завтра в райкоме. Да, их жизнь только начинается, она права, и они всегда будут вместе, не все ли равно — где. Главное — вместе, а остальное не имело значения. Сейчас Антон понимал, почему Зоя вспыхнула в первый момент: все это оказалось для нее слишком неожиданным и невероятным. Понадобится немного времени, и Зоя примирится с его решением, с мыслью о переезде и загорится желанием устроить их жизнь на новом месте не хуже, а лучше, чем здесь. Требуется лишь время, вот и все. По правде сказать, любая женщина в ее положении поступила бы точно так же. Да и ему, Антону, нелегко расставаться со всем обжитым и знакомым и браться за новое сложное дело. Пожалуй, он разговаривал с Екимовским ничуть не мягче. А теперь острота первого впечатления сгладилась, и Антон уже полон всяких замыслов на ближайшее будущее. То же самое случится и с Зоей. Нужно дать ей успокоиться, у них есть еще время все обдумать и решить, что и как.

Антон осторожно приподнял жену на руках, перенес ее через комнату и опустил возле керосинки.

— Гляди, суп уже кипит, — весело сказал он. — Давай, я нарежу хлеб.

Зоя сняла суп и поставила на керосинку чайник. Бескуров не сводил с жены восхищенного взгляда. «Все будет хорошо, — думал он. — Она поймет меня, об этом и толковать нечего. Поплачет, может быть, так ведь на то она и женщина. У них всегда такие вещи переживаются иначе. Уж не за это ли мы и любим их?»

Теперь уж не он, а Зоя выглядела хмурой и расстроенной. Она рассеянно, почти машинально собирала на стол и все молчала, молчала, как видно, решая про себя какой-то трудный вопрос. А Антон болтал о всяких пустяках и делал вид, что ничего, собственно, не произошло. Наконец она спросила:

— Так ты завтра скажешь Екимовскому?

— Ну, да, — беспечно ответил он. — Вернее, я ему только позвоню, а говорить буду в райкоме. И обязательно, имей в виду, скажу, что поссорился с женой.

— Ладно, делай как хочешь, — медленно проговорила Зоя. — Я тут не виновата...

III

Утром было то же: Зоя больше молчала, а Бескуров делал вид, что ничего не случилось, и в то же время проявлял особую предупредительность к жене. Но завтрак вышел скучным, хотя Зоя, казалось, примирилась с решением мужа и не пыталась оттоваривать его. На работу она ушла раньше обычного, сказав Антону, чтобы он не ждал ее к обеду: в буфете накопилось много дел...

Бескуров сразу же направился в торг — на всякий случай привести в порядок кое-какие бумаги, решить неотложные вопросы. Екимовский сам зашел к нему. Тепло поздоровался, внимательно поглядел на нахмуренное лицо Бескурова, спросил:

— Ну?

— Что ж, Петр Семенович... Если вы считаете, что справлюсь, то я поеду. Кому прикажете сдать дела?

— С этим успеется. Сначала сходи в райком, я сейчас туда позвоню. По правде сказать, иного я и не ждал от тебя. С женой говорил?

— Да... — Бескуров отвел взгляд.

— Понятно, — крикнул Екимовский. — Значит, не одобряет?

— Ничего, все утрясется. Слишком все это было неожиданным для нее, — словно извиняясь за жену, сказал Бескуров.

— Да, я понимаю, — кивнул Екимовский и озабоченно прибавил: — Вообще говоря, это серьезный вопрос. От того, как он решится, зависит многое. Сам-то ты уверен в ней?

— Конечно, — ответил Бескуров, желая кончить этот разговор.

Екимовский ушел, чтобы позвонить в райком, минут через пять он вернулся.

— Комаров куда-то вышел, тебя просит зайти Лысов. Ну, ты с ним особо не дискутируй, иди прямо к Василию Васильевичу. Сказали, что он будет у себя через полчаса.

Лысова, второго секретаря райкома, Бескуров знал хорошо по прежней работе, когда тот был заместителем председателя райисполкома. Встречаться с ним не хотелось, тем более, что все предыдущие встречи с Лы-

совьям кончались для Бескурова серьезными неприятностями.

— Не понимаю, для чего я ему понадобился?

— А черт его знает, — с внезапным раздражением сказал Екимовский. — Можешь и не ходить к нему, если не хочется. С Комаровым у меня все согласовано, он тебя ждет.

Бескуров пожал плечами, закрыл ящик стола и вышел из кабинета. Райком находился недалеко, в соседнем переулке, и Антон не спешил. Разные мысли теснились в его голове. Почему Лысов заинтересовался им? О чем говорил с ним Екимовский? Как поступит Зоя, что она скажет ему вечером, когда уже все будет решено? Тревожило и другое: за посильное ли дело он взялся? С чего начать? А главное — как отнесутся к нему колхозники, поверят ли ему? Антон медленно шагал по улице, кивал встречным знакомым и думал: все это скоро кончится, и он будет лишь изредка приезжать в райцентр и чувствовать себя здесь временным гостем...

В прихожей райкома у настенного телефона сидела дежурная. Бескуров спросил, у себя ли Комаров. Дежурная тотчас встала, с заученной вежливостью и в то же время со свойственной многим техническим работникам райкома ноткой официальности сказала:

— Товарищ Бескуров?... Первого секретаря пока нет, вас просил зайти товарищ Лысов. Вот сюда, пожалуйста.

Она могла бы не показывать дверь — Антон отлично знал, куда идти. Что ж, любопытно, что скажет Федор Семенович. Как говорится, благословит на ратный «подвиг» или сразу начнет с директив?

Федор Семенович Лысов, уже минут десять по телефону выяснявший у директора Согринской МТС положение с выводом тракторов и комбайнов в колхозы, наконец, не выдержал, бросил трубку и с измученным видом откинулся на спинку старенького, жалобно скрипнувшего кресла.

— Бюрократ! — безнадежно сказал Федор Семенович по адресу директора и перевел дух; затем вытер платком румяную могучую, как у борца, шею и обратился к молча сидевшему на неудобном, с прямой спинкой, стуле Бескурову. — Понимаешь, я ему одно, а

он — другое. В других МТС давно вся техника на местах, а у него черт знает что творится.

— Он, кажется, просил вас приехать, разобраться вместе, — сказал Бескуров, досадовавший на длительное ожидание и пустую трату времени.

— По-твоему, я за него должен работать, а он дурака валять? Вот вызовем на бюро, тогда он другое запоет. Привыкли надеяться на «дядю», а чтоб самим инициативу проявить — не догадаются.

Бескуров промолчал. Директора Согринской МТС Назарова он знал мало, поэтому судить о его деловых качествах не считал возможным. Да и не это сейчас занимало Бескурова.

— Мне Екимовский сказал, что ты дал согласие поехать в «Восход», — заговорил Лысов, снова скрипнув креслом. — Интересно, как ты сам считаешь: справишься?

— Раз дал согласие, постараюсь справиться, — задетый и недоверием, и покровительственным тоном секретаря, хмуро ответил Бескуров; пожалуй, ему уже стали надоедать эти разговоры.

«Раз решено — надо действовать. Неужели и Комаров начнет об этом же?»

— Так, понятно, — барабанил по столу пальцами, сказал Федор Семенович. — Признаться, мы начинаем напрасно транжирить кадры: в один колхоз посылаем сразу двух коммунистов из города, в то время как в других нет ни одного.

— То есть, как двух? — не понял Бескуров.

— Ну, как же! Буквально полгода назад в «Восход» направлен Звонков Платон Николаевич, а теперь ты. Я сам рекомендовал Звонкова, так как знаю его давно, когда-то вместе начинали работать. Да ты же, кажется, был знаком с ним?

— Да, припоминаю, — кивнул Бескуров. — Шустрый такой... Сперва он племрассадником заведовал, да скоро выяснилось — не по специальности попал. Потом его в раймаслопром перевели, а в последнее время в «Заготлен», так, кажется?

— Звонкова ставили туда, где он был нужен, — многозначительно и строго проговорил Лысов. — Он хороший хозяйственник и уже успел многое сделать для колхоза. Так что, — Лысов помолчал, читая ка-

кую-то бумагу, — если ты не передумаешь и колхозники тебя изберут, у тебя будет отличный помощник.

Бескуров с недоумением смотрел на второго секретаря, но тот продолжал разглядывать бумагу и как будто забыл о посетителе. Наконец, Бескуров понял, вспыхнул и поднялся со стула.

— Я не настаиваю на своей кандидатуре, — резко сказал он. — Даже наоборот: я отказываюсь ехать, поскольку у райкома уже есть более подходящий человек.

— Ну, это решит бюро, — с улыбкой сказал Лысов и с мягкой укоризной прибавил: — А ты, оказывается, горячка, товарищ. Так нельзя... У нас еще много колхозов, которые надо укреплять, и такие люди, как ты, очень нужны.

— Речь шла о «Восходе», — перебил Бескуров.

— О «Восходе» или о другом — какая разница? — убеждающе сказал Лысов. — Впрочем, пойдем к Василию Васильевичу, там договоримся.

Он, несмотря на свою грузную фигуру, легко поднялся с кресла, первый пошел к двери. Бескуров направился за ним. Он пытался припомнить Звонкова, встречи и разговоры с ним, ту характеристику, которую дал Звонкову Екимовский, но в голове все перемешалось, не только разговоры — даже внешность Звонкова было трудно представить. «Ах, да не в нем дело, что он мне дался? Но почему так уверенно говорил о «Восходе» Екимовский? С кем он согласовывал этот вопрос? Во всяком случае, не с Лысовым. Ну, тогда посмотрим...».

Бескурову лишь два раза приходилось встречаться и беседовать с первым секретарем, и он не успел составить о нем определенного мнения. В последний раз, когда Комаров расспрашивал его о поездке в «Восход» и о проделанной там работе, он показался Антону несколько суховатым и излишне придиричвым. Однако Бескуров еще тогда заметил, что Комаров хорошо знает сельское хозяйство и, в частности, положение дел в «Восходе». Первым секретарем он был избран на прошлой конференции, до этого работал, кажется, в соседнем районе председателем райисполкома.

Они прошли в приемную, где сидела пожилая, с

озабоченным лицом, женщина. Лысов взялся за ручку двери и сказал:

— Подожди минутку, я узнаю, свободен ли Василий Васильевич.

Бескуров оделал вид, что не расслышал, и решительно протиснулся в кабинет вслед за Лысовым.

Первый секретарь был один. Он с кем-то разговаривал по телефону — негромко, короткими, четкими фразами. Это был приземистый, плотный, с грубовато-простым лицом человек, в черном диагональном кителе домашнего шитья. Ничего такого, что бросалось бы в глаза, сразу запоминалось, разве что глубокие строгие морщины вокруг рта да маленькие умные глаза, смотревшие пристально и несколько настороженно. То ли дело Лысов! Солидный, всегда в расстегнутом длинном, чуть не до колен, пиджаке, в небрежно повязанном шелковом галстуке на румяной холерной шее. И лицо у него было круглое, холерное, с черными бровями, тонким орлиным носом, с беспокойно щупающими красивыми глазами... Когда Комаров и Лысов сидели рядом в президиуме, соседство оказывалось не в пользу Комарова, так что многие, видевшие их впервые, принимали первого секретаря за заведующего каким-нибудь отделом, а Лысова — за работника обкома. Говорили, что Федор Семенович, несмотря на молодость, имеет влияние на Комарова, но Бескуров, зная Лысова, не верил этому. Скорей всего, Федор Семенович просто завидовал Комарову и наверняка считал, что не стоило того везти сюда из другого района, чтобы избрать первым секретарем.

Василий Васильевич положил трубку и, обойдя взглядом севшего напротив Лысова, сказал:

— Здравствуйте, товарищ Бескуров. Садитесь, чего же вы у дверей стали, будто провинившийся школьник?

Бескуров сел на ближайший стул, а Лысов с улыбкой заметил:

— Вы не подумайте, Василий Васильевич, что он такой скромный. Мы сейчас чуть с ним не поссорились.

— По какому же поводу? — живо спросил Комаров.

— Дело вот в чем, — уже серьезно заговорил Фе-

дор Семенович, выбрасывая руки на стол, за которым обычно собирались члены бюро; ему, как видно, неудобно было говорить сидя, хотелось по привычке встать и не спеша развить свою мысль, но он только сдвинул брови и продолжал: — Я считаю, Василий Васильевич, что мы нерационально используем свои кадры. Почему Бескуров обязательно должен поехать в «Восход»? Ведь там уже есть наш посланец, отчего же мы не доверяем ему? Учтите, Звонков зарекомендовал себя в колхозе с лучшей стороны. Надо, по-моему, испытать его до конца, а Бескурова рекомендовать в другой колхоз, ну, хотя бы в «Труженик»...

«Черт возьми, а я-то уж вроде бы привык к «Восходу», — издевался над собой Бескуров, покусывая изнутри губы. — Теперь уж не откажешься, раз в принципе согласился поехать. Но зачем было Екимовскому меня обманывать?»

— Ну, а вы как считаете, Антон Иванович? — спросил Комаров.

Бескуров встал, но Комаров жестом попросил его сесть.

— Я дал согласие поехать в «Восход» и считаю, что это для меня самое подходящее. Знаю там людей, земли, не раз бывал на собраниях. И люди меня немного знают, так что им не придется выбирать вроде как кота в мешке.

— Звонкова они, надеюсь, знают лучше, — вставил Лысов.

Бескуров пожал плечами, а Комаров сказал:

— В том-то и дело, что лучше... Так вот, когда мы обсуждали кандидатуру Бескурова, мы имели в виду именно «Восход». И именно по тем самым причинам, о которых говорил сейчас Бескуров. Не могу сказать наверняка, что его изберут единогласно, Федор Семенович, а вот что Звонкова не изберут — это я знаю точно.

— Не понимаю, — высоко вскинув левую бровь, сказал Лысов.

— Звонков не тот человек, который нужен колхозу, — жестко проговорил первый секретарь. — Много слов, много прожектов и самоуверенности, но нет главного — упорства и методичности в достижении цели. Короче, любит пустить пыль в глаза, а нам не

это требуется. Верно, часть колхозников стоит и будет стоять за него горой, но большинство выступит против. Дешево нажитая популярность недолговечна. — Чувствовалось, что Комаров знает о Звонкове больше того, что сказал, и Бескуров хотел, чтобы он дал полную характеристику человека, с которым предстояло вместе работать, однако Василий Васильевич внезапно спросил: — Так, значит, вы твердо решили, Антон Иванович?

— Конечно, как же иначе?

— А жена как, возражает?

— По-моему, это не имеет значения, — смутившись, ответил Антон.

— Имеет, и очень большое, — возразил Комаров. — Надо ее убедить. Впрочем, это дело личное, чужие советы тут ни к чему. Сегодня в шесть вечера у нас бюро, прошу явиться в шесть сорок. Там и договоримся, как вам действовать на первых порах.

Бескуров поднялся, встал и Лысов, держась за спинку стула, мрачно проговорил:

— Имейте в виду, Василий Васильевич, я вынужден буду на бюро голосовать против. Мотивы я высказал...

— Это ваше право, пожалуйста. Но вряд ли это пойдет на пользу делу, — сухо заметил Комаров и взялся за телефонную трубку.

IV

Однако Лысов не голосовал ни против, ни за, он воздержался. Остальные члены бюро, в особенности председатель райисполкома Дмитрий Егорович Атаманов, горячо поддерживали первого секретаря. Атаманов попросил Бескурова подождать до перерыва и потом долго говорил с ним о положении в «Восходе», откуда недавно вернулся. Бескуров пришел домой поздно. Зоя уже лежала в кровати, может быть, спала, а может, и нет, но глаз не открыла. На столе был собран ужин. Антон, бесшумно переставляя посуду, наскоро поел, закурил перед сном последнюю папиросу. И так, все было решено. И как всегда в таких случаях, Антона уже лихорадило нетерпение: скорее бы к делу. Изберут его или нет — хотелось узнать это тотчас же,

неизвестность тяготила. Но он не мог выехать завтра, предстояло еще уладить немало всяких дел в городе.

Эти два дня перед отъездом Антон редко видел Зою. Она как будто примирилась с решением мужа и больше не пыталась отговаривать его. Она или молчала, или отвечала на вопросы односложно, рассеянно. Ее привычной фразой стало: «Делай, как знаешь...» Движения были вялыми, словно скрытая болезнь подтачивала ее. Антон чувствовал — что-то в их отношениях круто и непонятно изменилось. Не стало той теплоты и искренности, которые были раньше. И он не знал, как помочь ей, что сделать, чтобы все было, как прежде.

Прощание вышло сухим, гнетущим. С тяжелым сердцем поехал Бескуров в колхоз, не зная даже, когда он сумеет опять побывать в городе, дома. И не раз по дороге в его душе шевелилась предательская мыслишка: «Уж лучше бы не избрали, стыда в том нет...»

Но его избрали. Слишком хорошо знали колхозники Бескурова, выходца из деревни, не раз работавшего с ними бок о бок в горячие дни уборки или сева. Правда, были и споры. Несколько голосов в задних рядах настойчиво выкрикивали имя Звонкова. Сам Звонков сидел в президиуме, спокойный, бесстрастный, как будто все происходящее его никоим образом не касалось. Бескуров с любопытством приглядывался к нему. С виду Звонков походил на тех районных работников, которых уже редко встретишь: защитного цвета полувоенный костюм, такая же фуражка, хромовые сапоги, потертый тугой портфель, неизвестно зачем понадобившийся и неизвестно чем наполненный. На некрупном, досиня выбритом лице — деловито замкнутое выражение, очевидно, усвоенное и прижившееся с давних пор. С Бескуровым Звонков вел себя сугубо официально, с остальными — просто, даже фамильярно, но с явным оттенком превосходства.

Председательствовавший на собрании секретарь парторганизации Иван Иванович Сухоруков, постучав карандашом о графин, чтобы утихомирить шум, предложил:

— Давайте, товарищи, голосовать, а то нам до утра не договориться.

Сразу раздалась крики:

— В самом деле, нечего волынку тянуть.
— Пусть Антон Иванович слово скажет.
— Чего говорить? И без слов человека знаем.
— Звонкова первым на голосование ставьте, нечего там...

— Не было такого уговору...

— Бескурова в председатели! — дружно громыхнули первые ряды.

Тогда поднял руку Звонков. Шум несколько стих. Спокойно пригладив ладонью седоватый ежик на голове, Звонков сказал:

— Я снимаю свою кандидатуру, товарищи. Товарищ Бескуров, как известно, рекомендован райкомом, и я, как коммунист, не могу идти против линии партии. Прошу учесть это обстоятельство.

— Ладно, и без просьбы учли, — раздался чей-то насмешливый голос от дверей.

Голосовали дружно, но Бескуров заметил: на задних рядах поднятых рук было мало. Свет двух ламп слабо проникал туда, и нельзя было рассмотреть лиц, однако по густому табачному дыму Бескуров заключил, что там сидели в основном мужики. Не успели проголосовать, как известный в колхозе старик Иван Максимович Худяков вдруг мрачно пробасил:

— Оно, может, товарищ Бескуров и дельный хозяин, а ничего у него не выйдет. Были и до него хозяева, а толк один.

— Это почему же не выйдет? — строго спросил Сухоруков.

— А потому, что мы сами, того-этого, разучились хозяйствовать, — сердито ответил Максимыч.

Опять поднялся гомон, похожий на возмущение. Но Сухоруков призвал к порядку и объявил, что собрание переходит к текущим делам. Собственно, все текущие дела сводились к одному — к сеноуборке. Выступали члены правления, бригадиры, отдельные колхозники. Выяснилось, что сенокос и особенно силосование разворачиваются медленно. Хотя Худяков сидел далеко, Бескуров всякий раз различал его иронические реплики и каверзные вопросы. «Занозистый старик, — решил Бескуров. — Видать, его не очень-то здесь любят».

Нелестный отзыв старика о новом председателе

несколько смутил Бескурова, но в то же время и подстегнул, возбудил его. «Ладно, поживем — увидим...»

Когда, казалось, все вопросы уже были решены и Сухоруков официально закрыл собрание, Максимыч серьезно, без тени насмешки, сказал:

— Теперь бы протокол-то на стенку прибить, а то разойдутся и забудут, о чем решили.

Кое-кто рассмеялся, а уставший, охрипший Сухоруков только рукой махнул, как бы говоря: «Хватит тебе головы морочить, не маленький».

Было уже за полночь, и просторный зал клуба скоро опустел. Остались Звонков, Сухоруков, бригадир Овчинников, с которым Бескуров был хорошо и давно знаком. Высокий, широкоплечий, но какой-то худой, весь костистый, угловатый, Овчинников с довольной ухмылкой пожал шершавой рукой руку Бескурова, сказал:

— Значит, насовсем к нам, Антон Иванович?

— Как видишь.

— Ну-ну. Что ж, работаем, стало быть. Дело-то знакомое.

Звонков подошел к Бескурову с вежливой улыбкой, тоже протянул руку.

— Поздравляю. Хотя... — он сощурил один глаз, — радоваться особо нечему. Колхоз тяжелый, хлопот не оберешься. Ну, ничего, поможем, с сего дня я в вашем распоряжении.

— Спасибо.

Звонков, подхватив под мышку портфель, ушел. За ним, перешагивая прямо через скамейки, отправился и Овчинников. И тут только Бескуров вспомнил, что ему негде ночевать. В суете и спешке напряженного дня он просто забыл, что отныне придется жить здесь и, следовательно, ему нужна, хотя бы на первое время, какая-то квартира. Бескуров сказал об этом Сухорукову. Иван Иванович, заправляя за ремень пустой левый рукав сатиновой рубахи, виновато пробормотал:

— Да, я и забыл... Можно бы ко мне, только прямо скажу: не понравится. Тесно, ребятишек куча, прислониться будет негде. Тебе же с удобством надо — пописать там, отдохнуть по-человечески. Идея! Сейчас устроим. Пошли.

Они вышли на улицу. Было темно от нависших над деревней облаков, накрапывал мелкий нудный дождик, порывами дул ветер. В редких окнах неясно желтели огни. После душного помещения Бескуров сразу озяб и с тоской вспомнил, что Зоя сейчас, наверно, сладко спит в широкой теплой постели и, конечно, не представляет, как ему одиноко и тяжело в этой заснувшей глухой деревне под низким мрачным небом. Куда ведет его Иван Иванович? Как он относится к его избранию? Впрочем, за Ивана Ивановича Антон был спокоен — знал, что тот не будет держать камня за пазухой.

Иван Иванович сам когда-то председательствовал в «Восходе». Потом началась война, пришлось передать дела другому. Вернулся домой ранней весной 1945 года без левой руки, вернулся коммунистом. В первое время занялся похилившимся за войну личным хозяйством, в колхозные дела почти не вмешивался. Иногда заходил к нему председатель, старый, болезненный человек, приносил пол-литра, отводил душу, жаловался на недуги, под конец слезно упрашивал Ивана Ивановича снова принять руководство колхозом. Сухоруков отнекивался:

— Куда мне с одной рукой? Да и отвык я от такого-подобного. Прямо говорю: ничего не выйдет.

Несмотря на ремонт, изба Ивана Ивановича по-прежнему казалась покосившейся. Он, когда ему указывали на это, смеялся: «Так она дольше простоит, а начни выправлять — и вовсе развалится». Изба досталась еще от деда, известного в этих краях плотника. Сухоруков вырос в него: приземистый, ширококостный, рано облысевший. Будь сейчас обе руки, ходил бы он по деревням, строил бы дома, хлевы, сараи — добротно, красиво, как учил дед. А нынче вот собственный домишко не смог на ноги поставить. Однако плотницкого дела не бросил — руководил в колхозе строительной бригадой, зимой рубил колья и жерди для изгородей, брал заказы на разные предметы домашнего обихода.

Парторганизация в колхозе была небольшая — шесть или семь человек. Бескуров присутствовал од-

нажды у них на собрании и помнил, что народ там подобрался все серьезный, кряжистый, но молчаливый. Поэтому он и спросил у Сухорукова:

— Что-то твоих коммунистов сегодня не слышать было. Что они-то думают, ты знаешь?

— Могу сказать, — пыхнув сигаркой, ответил Иван Иванович. — Который за Звонкова кричал из-за чужих спин, так то Федько Ярыгин был, а остальные за тебя руки поднимали. Ярыгин-то Платону старый другзяк, кажись, вместе в маслопроме работали. Я тебе еще скажу, — помолчав, сказал Иван Иванович. — Тут мы обсуждали с мужиками, как и что. Иные говорили: мало ли кого нам пришлют, мы сами с усами, Звонкова-де, выберем, человек свой, местный. Ну, однако, таких оказалось немного. Егорка Пестов — помнишь, в военном картузе сидел? — ругался так, что брызги изо рта летели. Нам, говорит, хозяина надо, а Платон кто? Пылесос и больше ничего... Не знаю уж, откуда он такое слово достал — пылесос. Однако многих убедил. Да оно и без агитации Звонков не прошел бы — народ-то не верит ему, какой-то он двуличный, черт его знает... Прямоты в нем нужной нет.

Бескуров улыбнулся в темноте, спросил:

— Ты куда меня ведешь?

— Сейчас, сейчас... Ага, огонь. Я так и знал.

Действительно, в окнах приземистого, окруженного темной, шелестящей под дождем зеленью, дома горел свет. Бескуров попытался припомнить, кто в нем живет, но не смог.

Уже поднимаясь на крыльцо, Иван Иванович объяснил:

— В самый раз будет квартира. Татьяна Андреевна Белоглазова, бригадирша на ферме, слышал? Она тут с матерью проживает, места много и чисто, очень удобно будет, вот увидишь...

Бескурову было все равно — лишь бы поскорей в тепло, под крышу. Иван Иванович осторожно побренчал железным кольцом, заменявшим ручку у наружной двери. Открыли не сразу. Как только Бескуров очутился в избе и взглянул на хозяйку, он тотчас вспомнил, где ее видел раньше. Это было весной, в поле. Татьяна Андреевна привезла на подводе семена к сеялке, и Антон помогал ей сгружать тяжелые мешки.

Тогда-то они и познакомились. Татьяна Андреевна была красивой черноволосой женщиной лет тридцати, склонной к полноте, но еще ладной и стройной, похожей на горожанку в своей безукоризненно белой шелковой кофточке, оттенявшей в меру загорелые руки и смугловатое чистое лицо.

Как видно, она только что кончила пить чай и сейчас мыла посуду. На столе стоял самовар, зеленая сахарница и блюдо с печеньем. Матери не было — она давно спала на печке, занавешенной ярким ситцевым пологом.

— А мы на огонек, Андреевна, — заговорил Иван Иванович, отряхиваясь от дождевых капель. — Экая вредная мокреть, опять сено попортит. Ты как, хозяйка, смотришь на такое дело, ежели товарищ Бескуров переночует у тебя? Главное, что у тебя комнатенка отдельная имеется, опять же и пацанов нет, стеснения никакого не должно быть. Много ли вам вдвоем со старухой надо?

— Да, может, я хозяина в дом приведу, откуда ты знаешь? — сощуря черные разбитные глаза, с вызовом сказала Татьяна Андреевна.

— Хотя бы временно, потом я куда-нибудь переберусь; — поспешил вставить Антон.

— И к тому же он по воскресеньям в город уезжать будет, тоже льгота, — не совсем кстати сказал Иван Иванович, уже пробравшийся к столу и сладко жмурившийся при виде горячего самовара.

— Это почему же? — с любопытством спросила Татьяна Андреевна.

— Да ведь у него молодая жена там, она-то, небось, сама сюда не побежит.

Татьяна Андреевна посмотрела на Бескурова, усмехнулась:

— Жена — это, конечно, дело серьезное. — И деловито заговорила: — Что ж, товарищ председатель, садитесь за стол, пока самовар не остыл. Живите, мне не жалко, даже веселее будет. Может, щей налить, небось, проголодались?

От щей Бескуров отказался, не желая беспокоить хозяйку, зато чай они с Иваном Ивановичем пили с нескрываемым удовольствием. Татьяна Андреевна сидела возле самовара, подливала в стаканы кипяток,

угощала печеньем. Иван Иванович, довольный, что все так хорошо устроилось, говорил:

— Я ж тебя сразу предупредил, Антон Иванович, что лучшей квартиры и не найти. Просторно, в случае чего обед старуха стоговит и все такое прочее. Ты ведь видал, как я живу? На лавке пришлось бы спать... Да оно, пожалуй, так и полагается, чтобы мы с тобой наотдальке друг от дружки проживали. Ну, как же, я секретарь парторганизации, обязан контроль за тобой держать, а мы бы из одной миски ели, из одного ки-сета табачком пользовались. Ну и обвинили бы в семейственности, как пить дать.

Бескуров улыбнулся, однако в душе испытывал без-отчетную неловкость перед хозяйкой. «И на черта было Ивану Ивановичу о моей жене упоминать? Или он нарочно это сделал, чтоб я поменьше в город бегал, «летуном» не оказался?» Татьяна Андреевна, словно прочитав его мысли, вдруг спросила:

— Ну, а жена ваша как — скоро приедет?

— Право, не знаю, — окончательно смутившись, ответил Антон. — Вот обживусь, там видно будет. — Он отвернулся к Сухорукову, как бы оправдываясь, заговорил: — Меня не это сейчас беспокоит. Вот давеча на собрании Худяков заявил, что ничего у меня не выйдет. Конечно, одному тут не справиться, я понимаю, но ежели всем действовать заодно — должно выйти. Неужели колхозникам не осточертело в отстающих ходить?

Иван Иванович осторожно опрокинул пустой стакан на блюдце, усмехнулся, сказал раздумчиво:

— Кому надоело, а кому и нет. Есть такие, что давно рукой махнули на все колхозное, с рынка кормятся. Город-то недалеко. А есть и другого сорта типы. Возьмем, к примеру, хоть такую устрицу, как Петька Саватеев. Он бывший фронтовик, ранение в ногу имеет, ну, и пользуется этим. Там и рана-то пустяковая, а он с костылем не расстается, чуть что — сейчас же этим костылем в нос бригадиру тычет: не видишь, дескать, что я инвалид, какой с меня может быть спрос? А сам косой ли, вилами орудует — дай бог всякому. Только он для себя орудует, не для колхоза. В прошлом году лучшую траву по кустам да по речкам чисто обобрал, сена у него и для коровы, и для базара

хватило. И до чего же сволочной человек стал, прямо диву даешься. Зимой он грабли и всякий другой инвентарь дома мастерил. Ну и пусть бы мастерил — все-таки польза колхозу. Но только вместо пользы один вред выходит. Он эти грабли у себя под замком хранил, а подошла нам нужда — Саватеев и говорит: я вам товар, вы мне участок выделите, лошадку в город съездить, пятое, десятое... Вот и поговори с таким. Или взять эту занозу Серафимку Хватову: люди в поле, а она — в город прется с разным добром...

— А что ж ей делать? — сказала Татьяна Андреевна. — Трудодень-то у вас пустой, вот она и промышляет.

— Будет пустой, пока мы таких Саватеевых да Хватовых не прищемим, — зло отозвался Иван Иванович. — А мы их должны, Антон Иванович, прищемить, чтоб другим неповадно было.

— Правильно, — кивнул Бескуров. — Надо укрепить у людей веру в колхоз, тогда и дело иначе пойдет.

— Да как ее укрепить-то? — с тонкой улыбкой спросила Татьяна Андреевна. — Вот вы на собрании хорошо говорили, какие у нас резервы да возможности. Так об этом и прежние председатели, и разные уполномоченные сто раз уже говорили. Ну, людям и непонятно: возможности, выходит, есть, а достатка все нету.

— А ты как бы хотела? — блестя вспотевшей лысиной, накинулся на хозяйку Иван Иванович. — По-твоему, эти возможности за нас дядя должен использовать, а мы бы поглядели со стороны, что получится? Нет, голубушка, я так скажу: плохо мы тужились, сами себя обкрадывали. Возьми соседа нашего, ту же самую «Ниву». Там условия такие же, как у нас, а за два года они как шагнули вперед! То-то и оно.

— В чем же, по-твоему, причина, что они шагнули, а мы нет? — спросил Бескуров.

— Черт его знает, — поскреб небритую щеку Сухоруков. — Видать, люди там другие, ну, и руководители, конечно...

— Насчет руководителей согласен, а люди, Иван Иванович, и у нас не хуже. Таких, как Саватеев, немного, не они погоду делают. И вот что еще надо: обе-

щения выполнять. Уж ежели сказал колхознику, что он заработает столько-то — сдержи слово, выплати. Тогда и вера у людей появится.

— Это, пожалуй, верно, — согласился Иван Иванович. — А то, действительно, обещать мы горазды, а выполнять посулы не любим. Ну и, понятно, расхаживаем народ. Но и так делать, как делает Платон, тоже не годится. Он, ежели бы дать ему волю, все колхозникам бы отдал без разбору, а потом опять бы пошел к государству с протянутой рукой — помогите, дескать... И без того мы в долгах, как в шелках.

— Ладно, разберемся, кому мы должны, а кто — нам, — сказал Бескуров.

— Ох, мать честная! Светать скоро начнет, — спохватился Иван Иванович. — Ну, я пошел, Антон Иванович, спокойной ночи. Спасибо за угощение, хозяйка.

Татьяна Андреевна, стелившая для постояльца постель в боковой комнатухе, не откликнулась. Сухоруков хлопнул дверью, слышно было, как он затопал по крыльцу. Бескуров закурил, чтобы не подать виду, что он страшно устал и хочет спать. Вышла Татьяна Андреевна, сказала тепло и просто:

— Отдыхайте, Антон Иванович, я вам постелила.

— А вы куда же? Это ведь ваша комната.

— У нас еще одна есть, за печкой. Не беспокойтесь, места хватит.

Бескуров поблагодарил, тяжело поднялся, прошел за занавеску.

Очутившись на чужой кровати, он еще некоторое время разрозненно думал об Иване Ивановиче, о предстоящей работе, о Зое, о хозяйке, которая мыла посуду и убаюкивающе позванивала стаканами, и вскоре заснул...

VI

Бескурову, конечно, не раз приходилось читать в газетах о том, как начинали работу посланные партией в колхозы председатели. Один с первых же шагов брался за строительство, другой — за животноводство, третий делал упор на какую-нибудь особо урожайную и доходную культуру. Будучи в свое время налоговым агентом, Бескуров бесчисленное множест-

во раз встречался с разными председателями, приглядывался к ним, иных даже критиковал, иным давал, казалось бы, дельные советы и удивлялся — почему они тотчас же не выполняли эти прекрасные советы. Разве не ясно им было, что в наших северных колхозах лен и животноводство — самые перспективные и выгодные отрасли хозяйства? И, однако, во многих колхозах эти отрасли далеко не давали того дохода, который получали передовые артели.

Внутренне примирившись с тем, что он уже избран и, следовательно, несет полную ответственность за большое и сложное хозяйство, Бескуров со свойственной ему дотошностью взялся за дела. И сразу же выяснилось, что этих дел, и притом самых срочных, великое множество. В разгаре были сенокос, силосование, подготовка к уборке хлеба и других культур. И если в первое утро после собрания, упорно припоминая разные газетные статьи, Бескуров все еще задавал себе мучительный вопрос: с чего же начать? — то уже на третий день, незаметно окунувшись с головой в беспокойные страдные будни, этот вопрос разрешил просто: начинать надо было с того, что не терпело отлагательства. В конце концов, какому же председателю, да еще новичку, приятно сидеть на предпоследнем месте в сводках, быть в районе «притчей во языцах»?..

На первом же заседании правления Платон Николаевич Звонков серьезно и с видом полной доброжелательности заявил Бескурову:

— У нас, как тебе известно, Антон Иванович, заместителю председателя принято ведать животноводством. Я считаю, что мы отступим от этого шаблона. Тем более, что мне на днях обещали прислать зоотехника, молодого и, надо полагать, энергичного специалиста. Он и будет отвечать за эти дела. Предлагаю поручить мне общее заведование хозяйством, конечно, под твоим непосредственным и прямым руководством. Я имею достаточный опыт, а тебе без завхоза будет трудно. Я не боюсь лишних обязанностей, можешь возложить на меня самые запутанные дела. Например, расчеты с дебиторами и кредиторами, транспорт, строительство, складское хозяйство и тому подобное.

— Не слишком ли много? — недоверчиво покосился Бескуров.

— Я руководствуюсь только соображениями целесообразности, — нисколько не обидевшись и все с той же убеждающей искренностью сказал Звонков. — Ошибка многих председателей состоит именно в том, что они хотят все взвалить на себя. А я хочу освободить тебя от мелочей, чтобы ты мог целиком заняться производством. Допустим, ты решил строить новый скотный двор. Это — принципиально, это решает председатель...ну, понятно, с согласия членов правления. А я, как завхоз, обязан буду заготовить стройматериалы, найти плотников, организовать дело и выполнить директиву. По-моему, вполне разумно.

Он пожал плечами, как бы предоставляя всем убедиться в разумности его доводов. Бескуров обвел взглядом членов правления. Те переглянулись. Лишь бригадир третьей бригады Яков Игнатьевич Прохоров, благообразный, длинношей, скрестив на впалом животе руки, остался неподвижен, как будто дело его не касалось. Впрочем, никто и не ожидал, что он первый подаст голос. Прохоров любил «заключать» прения и раньше, бывало, делал это после председателя. Матвей Сидорович Овчинников тоже не спешил высказаться — он не любил Звонкова, за глаза называл его «оптиком», что в его понимании означало «пройдоха». И теперь Матвей Сидорович опасался, что хитрый Звонков «заберет власть» и тогда с ним не расхлебашься. Лучше помолчать, там видно будет.

Сказал Иван Иванович Сухоруков:

— А что, Платон Николаевич, пожалуй, прав. Опыт во всяких таких делах у него есть, пускай руководствует.

Бескуров подумал и согласился, хотя и досадовал в душе на явное безразличие остальных членов правления. Невольно припомнился давний разговор с одним председателем, который под горячую руку заявил: «Все приходится самому. Правление? Ну, какое там правление? Поставь на стол десять стаканов, посади меня одиннадцатого — вот тебе и правление. С них, брат, невелик спрос, ну и помалкивают». Бескуров тогда не поверил ему, знал, что тот безбожно стучит краски, а сейчас понял, что была в его словах до-

ля правды. Ладно, этих-то он, Бескуров, сумеет расшевелить. Смущало его лишь какое-то брезгливое молчание Прохорова. Дело в том, что на второй день после собрания услужливые люди передали новому председателю, будто Яков Игнатьевич выразился так: «Это хорошо, что Бескуров молод. По крайности нос задирать не станет, с ним столкнуться будет легче».

«Смотря о чем столкнуться, старый хрыч», — почему-то с неприязнью подумал Бескуров и, тут же устыдившись за эту ничем, собственно, не вызванную неприязнь, сказал:

— Смотрел я, товарищи, сегодня ленок — душа радуется. Хорош! Одно только непонятно: почему вы так мало его посеяли?

— Хо! — удивился Овчинников. — Двадцать га — это разве мало?

— Мало. За счет чего же, в таком случае, вы думаете доходы поднимать?

— А как по-вашему? — спросил Прохоров.

— Конечно, прежде всего — за счет льна и животноводства, — твердо ответил Бескуров, прямо глядя в выцветшие, колючие глаза бригадира.

— Зряшная затея, — спокойно сказал Прохоров и не спеша разжал сложенные на животе длинные жилистые пальцы. — Однако любопытно: сколько же вы предлагаете сеять льна?

— На первый раз гектаров семьдесят-восемьдесят, не меньше.

— Ого! — рассмеялся Овчинников. — Так мы уже пробовали, сеяли в прошлом году полсотни, а доходов-таки не получили. Гектаров десять даже вытеревить не успели, а остальное погнило да где-то завалилось — и концов не найти.

— А сил сколько угробили, — вздохнул один из бригадиров.

— Тогда грош нам цена как коммунистам и руководителям, если мы собственное добро губим, — резко сказал Бескуров. — Как, по-твоему, Иван Иванович?

Сухоруков посмотрел на Бескурова с интересом — он, признаться, не ожидал от нового председателя подобной прыти, хоть и знал его как дельного работника. Пыль в глаза хочет пустить или всерьез надеется одолеть такую трудность? Ему-то полбеда, ежели

снимут — вернется в город, с голоду не пропадет, а ему, Ивану Ивановичу, придется перед народом глазами моргать. С другой стороны, ежели Бескурова сейчас не поддержать — тоже худо, в косности могут обвинить.

Почесывая затылок, Сухоруков раздумчиво сказал:

— С маху такие дела нельзя решать. Ты думаешь, мы не знаем цены льну? Преотлично знаем, газеты об этом часто пишут. Вон, — он указал на большой плакат на стене, — тут все расписано: и агротехника, и сроки, и выгода, только одного нет — как людей убедить, чтоб работали как черти, ни одной травинки в поле не оставляли.

— Обязательно убедим! — сказал Бескуров. — Вот на этих двадцати гектарах для начала убедим. Создадим для них материальный интерес, организуем льноводческие звенья из лучших колхозников, установим поощрительную оплату.

— Вот это дело, — обрадованно подхватил Иван Иванович. — За это я обеими руками...

— Где вторую-то руку возьмешь? — захохотал Овчинников.

— Ладно тебе...

— Значит, льноводам — все, а остальным ничего? — сказал Прохоров. — Слыхали и такие речи. Тогда, товарищ Бескуров, не интерес, а полное разложение получится. Да и не пойдет на это народ, точно говорю.

— Как это не пойдет? Ведь согласились же колхозники на дополнительную оплату дояркам. Правда, невелика она, зря поскупились, и мы это дело должны поправить. А льноводам и подавно жалеть не надо. Будем с хорошей трестой — и общий трудовень станет богаче. Это же можно фактически, на цифрах доказать. Вот, смотрите...

И Антон, взяв для примера минимальный урожай, быстро подсчитал, сколько тысяч рублей может дать каждый гектар льна, если его вовремя убрать и хорошо обработать. Сухоруков поддакивал, соглашались и остальные, однако под конец Прохоров заметил:

— Это же на бумажке, а на практике, ясное дело, навряд ли так выйдет.

— Все от нас зависит, и ты тут, Яков Игнатьевич,

панику не разводи, тем более, что у тебя и льна-то нет, он весь в первой бригаде, — строго проговорил Сухуров.

— Мне везет, — усмехнулся Овчинников. — У меня и лен, и ферма, и хлебов до черта.

— На то и бригада твоя первой зовется, — весело сказал Бескуров. — Ничего, общими силами справимся, главное — захотеть...

— Вот именно, — поднял голову от какой-то бумаги Звонков, все время не вмешивавшийся в спор, однако не пропустивший из него ни слова. — Вот тут я набросал, Антон Иванович, кое-какие соображения, как нам на первое время финансовое положение поправить, а то доярки давно обещанного аванса требуют.

— А я думал — вы уж их авансировали.

— Да нет пока, другие расходы пристигли. Вот тут указано...

— Давай лучше без бумажки, пусть все послушают...

VII

В суеде и хлопотах незаметно пробежала неделя, пошла вторая... Обычно Бескуров вставал с зарей и на квартиру возвращался с сумерками. Татьяна Андреевна тоже вставала рано, ее мать, болезненная, сторбленная, но все еще подвижная старушка, поднималась еще раньше и успевала вскипятить самовар, разогреть вчерашний суп. Бескуров наскоро выпивал два-три стакана чаю, иногда кружку молока и спешил на улицу.

— А варенья чего же не попробовали? — говорила Татьяна Андреевна, относившаяся к постояльцу тепло и приязненно, однако любившая иногда подтрунивать над ним. — Не стесняйтесь, оно же не покупное, я сама варила.

Вечерами к Бескурову все время приходили люди, хотя он и предупреждал, чтобы со всеми вопросами к нему обращались в конторе. Но люди шли, и Бескуров, чувствуя, что это очень стесняет хозяйку, вынужден был допоздна засиживаться за разными деловыми разговорами. После ухода мужчин Татьяна Андреевна проветривала избу от махорочного дыма, подметала пол, занавешивала окна, недовольно говорила:

— Прутся, а того не понимают, что человеку отдохнуть надо. Известно, мужичье порядка не знает. В городе, небось, не так было, Антон Иванович?

— Да, конечно, — рассеянно отвечал Бескуров.

Татьяна Андреевна присаживалась к столу, щурила свои темные с лукавинкой глаза, начинала жаловаться на деревенскую скуку и сочувствовать Бескурову: дескать, ему с непривычки здесь еще тоскливее.

— Старуха у меня не хочет в город ехать, а то бы я давно туда подалась, — снижая голос, как-то прижалась она. — Ей уже за семьдесят, болеет часто... Ну, а без нее я вольная птица...

— Из колхоза мы тебя никуда не отпустим, — хмурясь и бесцельно передвигая на столе предметы, сказал Антон.

— Да я пока и не прошусь, — тонко улыбнулась Белоглазова. — Там видно будет, как и что. Вы-то разве, Антон Иванович, насовсем в деревню захоронились?

— Да, насовсем, ежели не прогонят колхозники.

— Странный вы человек, — насмешливо сказала она. — Не хотите признаться, а я ведь понимаю: разрешили бы уехать — только бы и видели вас.

— Ну, это ерунда, никто меня не неволил, я сам согласился здесь работать, — сдерживая раздражение, ответил Бескуров.

Она видела, что этот разговор ему не нравится, однако продолжала с той же насмешливостью, едва прикрытой нотками сочувствия:

— Сторяча это у вас вышло. Ну, и как же дальше думаете жить? Жена-то ведь сюда не поедет, да оно и понятно. Кому же охота в навозе копать? Так и будете изнывать, кому же от этого польза? Вы поглядите на себя в зеркало, вон как вас за неделю вымотало, а дальше еще хуже будет. Все вы, партийные, какие-то высушенные, так и проходит мимо вас настоящая жизнь...

— Ну, вот это ты загнула! — невольно рассмеялся Бескуров и сразу почувствовал, как у него отлегло от сердца.

— Да уж известно, — убежденно сказала Татьяна Андреевна. — Нет, я все равно уеду отсюда. Морока тут одна, а не жизнь. Это которые семейные, они за свой огород зубами держатся, а мне одной мало надо.

— Замуж надо выходить, вот и интерес в жизни появится, — посоветовал Антон.

— Какие тут женихи? — горько усмехнулась Белоглазова. — Так, видимость одна. Есть один подходящий, да и тот женатый.

Бескуров хотел спросить, кто же он, однако воздержался: незачем ему вмешиваться в эти дела. И без того Бескурова несколько смущало, что он продолжает жить у молодой вдовы, хотя в первый же день заявил, что поселяется здесь временно. Правда, он как-то спрашивал у Ивана Ивановича, нет ли где более подходящей квартиры, но тот с полной убежденностью заявил, что лучше и искать нечего. Не мог же Антон рассказывать Сухорукову о своих сомнениях. А между тем Бескуров стал все чаще примечать, что красивая и с виду неприступная Белоглазова, щеголявшая даже на скотном дворе в праздничных нарядах, проявляет к нему явную симпатию. Было ли это простое женское кокетство или желание задобрить его и получить какие-то поблажки — он не мог угадать. Днем Бескуров не думал о ней, но, оставаясь с ней наедине, разговаривая вечерами о пустяках, он против своей воли и подчас не отдавая в том отчета, любовался и ее лицом, и статной фигурой, и мягким, чуть насмешливым голосом, а особенно улыбкой, когда Татьяна Андреевна была в хорошем настроении и улыбалась поминутно. В такие моменты он забывал о своей тоске и, ложась спать, с еще большей нежностью вспоминал о Зое и сгорал от нетерпения ее увидеть.

Но не так-то просто было вырваться в город. По разным мелким делам туда ездили бухгалтер Давидонов, а чаще Звонков, и Бескуров не раз наказывал ему зайти к жене, предупредить, что он пока не может приехать, но скоро будет непременно. Просто взять и поехать без какого-либо повода Антону казалось неудобным, а повода все не было. «Хоть бы на какое-нибудь совещание вызвали», — мечтал он между делами, которых, что ни день, становилось не меньше, а больше. Антон еще не успел хорошо узнать и запомнить всех людей и, может быть, поэтому ему казалось, что без него вряд ли хоть одно дело будет исполнено так, как надо.

Как-то Бескуров весь день пробыл с Овчиннико-

вым, наблюдал, как тот, позабыв даже умыться, бегают из избы в избу, чтобы дать колхозникам наряды, поторопить их с выходом на работу. Выяснилось, что учета у Матвея Сидоровича никакого нет: кто вчера трудился, кто прогулял или опоздал — все это бригадир держал в памяти. А когда приходило время заполнять трудовые книжки, выработка в них проставлялась на глазок. Приметил Бескуров и такой факт. Не только у Овчинникова, но и в других бригадах отдельные колхозники постоянно были заняты на высокооплачиваемых работах, а иные — на низкооплачиваемых. Передовиком же считался тот, кто имел больше трудодней, хотя в действительности он, случалось, прогуливал по два-три дня в неделю. Иной злостный прогульщик оказывался куда настойчивей бригадира: не захотел выполнять работу посложнее — ему давали полегче и по выгоднее. Бескурову рассказали, например, что Мария Пивоварова, женщина острая на язык и своенравная, будучи к тому же соседкой Матвея Сидоровича, до того осточертела ему своими жалобами и кляжузами, что он попросту не знал, как от нее отделаться. И, наконец, нашел выход — назначил ее молоковозчиком на ферму. И теперь Пивоварова, здоровая, проворная баба, посвистывает на лошадку, получая по трудодню за каждую поездку до ближайшего сливкоотделительного пункта.

Бескуров приказал немедленно освободить ее от этих несложных обязанностей и дал взбучку Овчинникову за мягкотелость.

— Прохоров как делает, знаешь? Я был вчера у него, советую и тебе сходить, убедиться. Он, брат, за каждым колхозником не бегают, как ты, они к нему сами за нарядом приходят. И, заметь, не утром, а с вечера. А у тебя что получается? Дал ты сегодня Попову задание на мельницу поехать, а он пока собрался, телегу смазал, вожжи да хомут нашел — добрых два часа прошло. Заглянул в конюшню, а лошадь на выпасе, надо еще за ней идти. Разве это порядок? Завтра же, будь добр, заведи табель-наряд и вывеси его на видном месте. Пусть все видят, кто прогулял, кто честно поработал. А дня через три бригадное собрание созови, там мы выведем лодырей на чистую воду. Без строгого учета и дисциплины не будет, как ты этого не поймешь?

Разговор происходил на улице, недалеко от стоянки тракторов и других сельхозмашин. Возле них хлопотали механизаторы. Овчинников, жуя губами цигарку и искоса поглядывая на трактористов, терпеливо ждал, когда председатель кончит. Вдруг он яростно выплюнул окуроч, хотел, видно, по привычке раскричаться, но, вспомнив, что Бескуров говорит с ним спокойно, убеждающе, с явным желанием помочь, глухо сказал:

— Я и сам вижу, что без учета худо. Сколько разов просил у Звонкова учетчика, так и не дали. А мне тоже не разорваться. Сам же заседаешь: то делай, это давай, а я один. И между прочим, лодырей не я лично развел, а правление их пораспустило. Я их пробовал прижимать, так меня же одернули: дескать, круто берешь, здесь тебе не завод, гудка и всего прочего нет. Того же Петьку Саватеева взять...

— А он мог бы быть учетчиком?

— Чего же не мог? Грамота у него есть, да не хочет.

— Ладно, учетчика мы тебе подберем, но ты и сам борись за дисциплину, пора с этой кустарщиной кончать.

— А то как же? Конечно, пора. — Матвей Сидорович серьезно и как-то тепло посмотрел на Бескурова. — Я-то все сделаю, что потребуется, в случае чего — ты поправишь. Признаюсь по совести, с тобой, может, и трудновато поначалу будет, без ругни не обойтись, зато надежда есть, что не подведешь. А Прохорову-угоднику ты веры не давай, фальшивый он мужик. Он там, у себя в бригаде, благо далеко она, все равно что второй председатель, казнит и милует по-своему. Боятся его, потому и разговоров об этом нет. Ну, ты сам уразумеешь, что и как, присмотришься только хорошенько...

Однако Бескуров считал эти подозрения неосновательными. Он был у Прохорова в Ельниках, небольшой, но многолюдной деревне, затерявшейся в лесу. Народ там и вправду оказался Антону особенным — лесовики, охотники, расчетливые хозяева, крепко связанные родством и давней обособленностью от окружающей жизни. Когда-то, до объединения, в Ельниках был свой колхоз, а руководил им тот же Яков Игнатьевич

Прохоров. Так и оказалось, что сейчас в третьей бригаде всего было понемногу: немного зерновых, немного пастбищ и лугов, своя маленькая молочная ферма, небольшой свинарник. Однако все выглядело добротно, всюду чувствовался порядок. Яков Игнатьевич, польщенный похвалой председателя, охотно показывал свое хозяйство, рассказывал, как у него ведется дело. Но под конец Бескуров заметил:

— Непонятно, Яков Игнатьевич, как это ты, хороший хозяин, обходишься одним допотопным овином? Где будешь сушить хлеб для государства? У тебя же колхозники новые дома строят, а ты сушилки настоящей не можешь соорудить.

— Верно, упущение с моей стороны, — склоняя желтовато-коричневую лысину, сказал Прохоров. — Исправим, не беспокойтесь.

— В случае чего — вези хлеб к Овчинникову, у него сушилка типовая, не чета твоему шалашу.

— Что ж, можно и привезть, ежели запарка выйдет, — неохотно согласился бригадир. — Там видно будет...

На обратном пути Антон много размышлял о Прохорове, сопоставлял некоторые факты и свои первые впечатления. Именно тогда, в дороге, ему странным показалось, что в добротном и чистом прохоровском свинарнике свиньи дают меньший приплод, чем на центральной ферме. Да и надой молока в третьей бригаде невелики, хотя скот выглядит куда упитаннее, чем у Овчинникова. Возможно, кое в чем Прохоров фальшивит, хорошее выставляет напоказ, а плохое искусно прячет, но, в конце концов, разве это свойственно одному Прохорову? Уж если говорить откровенно, у Овчинникова недостатков куда больше, однако же и того и другого не заменишь сразу и не сделаешь их идеальными. В Овчинникове Бескурову нравилось главное — горячая заинтересованность в общем деле, а остальное со временем приложится. Сколько ни задумывался Антон о путях подъема колхоза, он неизменно приходил к выводу: главное — преодолеть в людях равнодушие. Оно, это равнодушие, у многих родилось не сейчас и не на пустом месте. Трудности военных лет, убыль работников, плохое руководство, а подчас и прямое разгильдяйство отдельных председателей — вот отчего пошат-

нулось хозяйство артели. Теперь, конечно, другие времена. Партия и государство столько сделали для колхозников, такую предоставили им инициативу и права, что Бескуров был уверен: движение вперед обеспечено, оно неизбежно. Он мог бы назвать много колхозов, которые когда-то находились в худшем положении, а теперь слынут богатейшими. И каждый из них пришел к успеху своим путем...

Да, своим путем... Как-то на заседании правления Звонков, рассказывая о том, что ему удалось добыть в разных городских организациях, развивал блестящие перспективы: дескать, за год мы построим новый скотный двор, зерносклад, крытый ток, здание колхозной конторы... Где взять средства? Помилуйте, от продажи одного леса мы можем иметь десятки тысяч, а лесу нам не занимать, еще и потомкам останется, наконец, на строительство государство дает ссуду — пожалуй-ста, бери сколько хочешь; есть и другие источники... Он обещал быструю победу, но Бескуров знал: легких побед не бывает. Можно, конечно, продать часть леса, но это временный выход. Можно взять и ссуду, но чем потом расплачиваться, если животноводство и полеводство по-прежнему будут давать мизерные доходы? Нет, не с того конца начал Звонков. И трудностей впереди много, неужели он не видит их? Или не хочет видеть? Трудностью были для Бескурова и благообразный Прохоров, и честный работяга Овчинников, и злостный лодырь и «шабашник» Петька Саватеев, и сам Звонков... Трудностью была и его, Бескурова, тоска по жене, по теплему, душевному участию, которое прибавило бы ему сил...

VIII

Пришел из сельсовета почтальон и принес Бескурову телефонограмму: завтра к 9 часам явиться в зал заседаний райисполкома на совещание.

«Какой завтра день? — начал припоминать Антон. — Пятница? Ну, да все равно, у Зои выходной понедельник. Что бы такое ей привезти? — И тут же рассмеялся про себя: — Что можно привезти из деревни? Разве букет полевых цветов? Несolidно и неоригинально. Пожалуй, я пойду сегодня, хоть вечер побуду дома».

Он вызвал Звонкова. Протягивая ему телефонограмму, сказал:

— Вот, вызывают... По-моему, насчет подготовки к уборке. Давай, Платон Николаевич, что там у нас еще не готово — проверь и прими меры. Поручи Ивану Ивановичу, чтобы завтра же починили мост через Согру, иначе комбайну к нам не пробраться. И надо кончать с сенокосом, пока погожие дни. Силосную яму на том бугре все еще не вырыли?

— Людей нет, Антон Иванович, — сказал Звонков, чтобы только что-нибудь сказать, потому что ямы он еще не видел, и она его нисколько не интересовала; все эти дни множество проектов, один другого заманчивее, занимали все его мысли.

— Поговори с Костей Проскуряковым, он соберет ребят, живо сработают, — посоветовал Бескуров, имея в виду секретаря комсомольской организации.

— Ладно, попробую, — неохотно кивнул Звонков. — Будете в городе — пошевелите там шефов, пускай хоть на силосовании помогут. Ваши-то из горторга были, а вот с литейно-механического что-то никого не видать.

— Они ведь не над одним колхозом шефствуют. Впрочем, поговорю, чем они могут помочь. Я, пожалуй, сегодня выеду, чтоб завтра не спешить.

— Ну и правильно, — живо подхватил Платон Николаевич. — Отдохнешь дома, да и жена заждалась. Скучает Зоя Михайловна, нервничает, почему долго тебя нет. Я, конечно, ей объяснял, что дела не пускают, а она не верит. Известно, женщины... — И он понимающе улыбнулся.

Бескуров промолчал, отвернулся. В конторе никого не было, кроме бухгалтера Давидонова. Этот самолюбивый, остроносый, с претензией на щегольство молодой человек (он носил под вельветовой курткой крахмальный воротничок и ярко-красный галстук) почему-то не нравился Бескурову, но дело, судя по всему, знал хорошо. Антон спросил, есть ли бумаги на подпись, и подписал все, что было. С особенным удовольствием он подписал ведомость на выдачу аванса дояркам — это был первый аванс в этом году. Правда, чтобы достать денег, пришлось-таки продать часть леса, но иного выхода пока не было. Больше половины вырученных денег Звонков предложил затратить на строитель-

ство, и правление с ним согласилось. В первую очередь решили построить зерносклад, поскольку старые амбары совершенно развалились. Затем с речью выступил Звонков.

— Посмотрите, товарищи, вокруг, — патетически сказал он, указывая рукой на голые темные стены просторной избы, где помещалась контора. — Срам! Проходной двор! Какой была эта изба лет тридцать назад, такой и осталась. И это называется конторой колхоза «Восход», который стремится к коммунизму. Да любой приезжий человек по одному виду нашей так называемой конторы поймет, что дела у нас идут неважно. Неужели мы настолько консервативны и немощны, что не можем создать божеские условия для работы руководящего ядра? Я предлагаю и берусь это здание отремонтировать, чтоб не стыдно было перед посторонними.

Члены правления посмеялись (действительно, изба была старой и нисколько не походила на контору), однако с предложением Звонкова решили повременить. Бескуров заявил, что с конторой можно и подождать, а вот зерносклад и крытый ток надо строить немедленно. Звонков настаивал. Он уверял, что все сделает без лишних затрат, в МТС ему обещали пилораму, тес будет свой, кроме того, с соседним лесопунктом он договорился о покупке автомашины, поскольку машин сейчас в райпотребсоюзе нет, а автомашина быстро себя окупит и будет давать дополнительные доходы... Возможно, Звонков не предполагал пока об этом говорить, но слишком уж увлекся. Бескуров сказал, чтобы завхоз никаких покупок на стороне не делал, тес использовал на дело и вообще почаще советовался с правлением о всяких там приобретениях, требующих расходов. Звонков умолк, обиженный и, по-видимому, не примиренный...

Подписав все документы и сделав кое-какие распоряжения, Бескуров тотчас направился на квартиру, забрал полевую сумку с бельем, а нужные бумаги положил в карман. Татьяна Андреевны дома не было, поэтому Антон предупредил ее мать, что уходит в город. Был уже шестой час, и он спешил, чтобы успеть на катер через Двину. С неизъяснимым чувством свободы и облегчения, которое всегда испытываешь, отрешаясь на какой-то срок от повседневных обязанностей, Антон

скорым шагом миновал деревню, спустился по крутому склону на необозримый Согринский луг и, мурлыча под нос свое любимое — «Далеко-далеко, где кочуют туманы», прямиком зашагал к сверкавшей под заходящим солнцем Двине...

IX

Противоречивые чувства испытывал Бескуров, оказавшись снова в городе, шагая по знакомым улицам и переулкам к дому. Как здесь все было непохоже на то, что он видел и делал в деревне. Нет, он не чувствовал себя сейчас гостем, потому что еще не успел по-настоящему привыкнуть к деревне, «вжиться» в ее будни и праздники. А город Антон знал и полюбил давно, еще в то время, когда мальчишкой приезжал сюда с отцом на базар. Это был древний город на берегу большой реки, за обладание которым много десятилетий враждовали между собой ростовские, новгородские, владимирские и московские князья. Многое здесь напоминало о прошлом, и все-таки город выглядел молодым. Соборы и церкви, особняки именитых купцов и остатки земляных укреплений как-то терялись среди новых улиц и зданий, фабричных и заводских корпусов и труб, среди буйной зелени и многолюдной толпы, особенно оживленной на центральном Советском проспекте. Бескуров, однако, не пошел по проспекту, чтобы случайно не встретить знакомых и избежать лишних расспросов. Сойдя с катера, он направился по пустынной в этот поздний час Набережной к парку. Как ему хотелось хоть на полчаса зайти за эту зеленую резную ограду, побродить по знакомым аллеям, посидеть на любимой скамейке в гуще молодых берез. «Ничего, уж завтра-то мы наверняка выберемся сюда с Зоей», — утешил он себя, оглябая ограду и слушая доносившуюся из глубины парка музыку. Черт возьми, все-таки он еще совсем молод и легкомыслен, если думает сейчас о танцах, а не о том, что волновало его три часа назад — о сенокосе, о подготовке к уборке, о силосных ямах и прочем. Да и что толку? Пожалуй, если бы его не избрали, в «Восходе» все шло точно так же, как и при нем. Ничего особенного ему не удалось сделать и неизвестно, удастся ли. Он увидит через несколько минут Зою, обнимет и успокоит ее, расскажет,

как он тосковал по ней. За эти дни разлуки Зоя стала ему еще милее и желаннее, было такое ощущение, словно Антон не видел ее целый год. Не хотелось даже думать о том, как она решит с переездом — ведь Зоя, наверно, соскучилась не меньше, чем он, и этот вопрос решится само собой. Напрасно он не присмотрел подходящую квартиру или один из пустующих домов, который можно было бы купить в рассрочку и недорого. Но и об этом сейчас не хотелось думать — ведь до встречи с Зоей оставалось каких-нибудь пять минут. Они вместе обдумают и решат эти вопросы...

А вот и дом. Это был давнишней постройки двухэтажный дом, добротный и уютный. В нем жило шесть или семь семей, но Антон так и не успел познакомиться с ними как следует, даже в лицо знал не многих. Он ни разу не был на втором этаже, так как сам жил в первом. Еще издали Антон увидел свет в своей комнате, и сердце его забилося. Чья-то тень за занавеской... Быть может, Зоя стоит у окна и смотрит на улицу — ждет его. Но вот тень качнулась и исчезла. Антон легко взбежал по ступенькам крыльца, вошел в сени, открыл дверь в коридор. И сразу услышал музыку — из комнаты, из их комнаты отчетливо неслись звуки патефона. Не то песня, не то вальс. Ну, конечно, Зоя скучает. В самом деле, легко ли одной? На работе еще ничего, а дома? Напрасно она не зовет к себе подруг, разумеется, тех, которые уже замужем. Незачем ей связываться с этой попрыгуньей Любкой Синицкой. Уж она-то ничему хорошему не научит. Интересно, когда Любка уgomонится и возьмется за ум? В сущности, она красивая девушка, и ухажеров вокруг ее ходит немало. Пора бы ей сделать выбор...

Антон усмехнулся: чего это он вдруг вспомнил о Любке? Какое ему до нее дело? Он хотел было открыть дверь в прихожую, но тут же убедился, что дверь на крючке. Резко постучал. Патефон смолк, слышались шаги, и на пороге, сияющая и взволнованная, в светло-голубом шелковом платье, появилась Зоя.

— Антоша! Вот кстати! — воскликнула она и потянула его за рукав. — Никак не ожидала, что ты сегодня приедешь. Пропал и весточки не подаешь. Что хочешь думай...

— Разве Звонков у тебя не был? — спросил он, мгновенно разглядев и накрытый стол в комнате, и Любку Синицкую, с любопытством выглядывавшую из-за портьеры, и двух молодых людей, сидевших за столом.

— Был, говорил, что у тебя дела и все такое... Ну, ты лучше сам расскажешь, а сейчас раздевайся и садись с нами.

— А что, собственно, здесь происходит? — сухо спросил Антон. Все это страшно взбесило его: не такой представлял Антон встречу с женой еще пять минут назад. Он был уверен, что увидит ее грустной, ласковой и примирившейся, а она вышла к нему нарядная и сияющая, как будто у нее свадьба. Но главное — она не одна. Она приглашала его к столу, вместо того, чтобы обнять его, поцеловать и расспросить, как он жил эти дни, что делал и что будет делать дальше. Антон бросил в угол сумку, снял пиджак и повернулся к Зое, не обращая внимания на встревоженные и выжидающие взгляды гостей.

— Да ничего особенного, Антон, — спокойно ответила Зоя. — Просто у Любы сегодня день рождения, а у нее, знаешь, как неудобно — комнатуншка маленькая, а тут еще мать заболела. Ну, я и пригласила к себе. Что же в этом плохого? — Она говорила тихо, видимо, не желая, чтоб их слышали. — Я потом тебе все объясню, если ты не веришь, а сейчас пойдем, ты должен поздравить Любу.

— Да, да, Антон Иванович, вы должны меня поздравить, а то я рассержусь, — выпорхнула из-за портьеры Синицкая и протянула ему руку.

— Поздравляю, — буркнул Антон, неприязненно взглянув на улыбающуюся, раскрасневшую Любку. Что ему было делать? Не сидеть же в прихожей, пока разойдутся гости. Выгнать их? Но он чувствовал, что не сумеет это сделать вежливо, а заводить скандал было бы глупо. Зоя взяла его под руку.

— Ну, что же ты? Так и будешь тут стоять? Не понимаю, чего ты дуешься? Что в этом ты находишь плохого? Пойдем.

Мрачный, Антон вошел в комнату. Зоя оживленно сказала:

— Знакомьтесь, товарищи. Это мой муж, Антон.

Иваныч. А это, Антон, Сергей Будахин, работает плановиком на литейно-механическом... Рекомендую: Сеня Чебышев, преподаватель какого-то предмета в библиотечном... А это тоже Люба, только Мальцева, а кем работает — она сама скажет, я уж позабыла. Помню, что на заводе, вместе с Сергеем, а кем — это не так уж важно.

Антон невольно улыбнулся. Если уж Зоя так рекомендует своих знакомых, то, значит, между ею и ими ничего серьезного нет. Скорей всего, она сама познакомилась с этими парнями не раньше, чем вчера, а может быть, и сегодня. К тому же присутствие Любы Мальцевой меняло дело: вполне вероятно, что этих ребят привели Мальцева и Синицкая, а Зоя просто предоставила им возможность побыть вместе. Но все-таки, как это неожиданно и неприятно. Конечно, они не ждали его, он им помешал. Черт возьми, как все было бы лучше, если бы они не приходили совсем.

Все сели за стол, и Зоя наполнила стопки вином. Разговор не клеился. Впрочем, Антон теперь не испытывал ни злости, ни обиды на тех, кто испортил ему встречу с женой. Он без стеснения разглядывал гостей, не обращая внимания на их смущение. Сергей Будахин показался Бескурову самонадеянным и недалеким человеком (почему — он и сам не смог бы объяснить), а Сеня Чебышев — просто юнцом, хотя был преподавателем и старался выглядеть старше своих лет. Но оба они были красивые молодые люди, по крайней мере, в глазах женщин, оба испытывали неловкость, и Бескуров мысленно простил их. А Люба Мальцева ему даже понравилась. Очевидно, ей было не больше девятнадцати. «Как она могла познакомиться с Зоей и с этой маникюршей Синицкой? Ведь они намного старше ее», — подумал он. Антон заметил, что его появление меньше, чем кого-либо, смутило Мальцеву. Она непринужденно, даже с некоторым вызовом пожала ему руку, потряхнув при этом густыми каштановыми волосами и обнажив в улыбке ровные мелкие зубы. У нее было несколько удлиненное, матово-загорелое, выразительное лицо, красиво очерченный, будто вырисованный, рот, нежный округлый подбородок и темные, с затаенной смешинкой, глаза.

Поскольку Синицкая объявила, что они выпили раньше, все стали настаивать, чтобы Антон выпил

«штрафную». Антон отказался, предложив выпить всем вместе. Он устал, проголодался, пить и веселиться у него не было никаких причин. Зоя пододвинула ему вискелик и колбасу, но на этом и кончилось ее внимание к мужу. Она выпила вино и перешла к Любе Мальцевой, чтобы уговорить ее допить стопку до конца. Люба морщилась и отмахивалась платочком, говоря, что она не может: очень уж горько, к тому же она и без того опьянела. Будахин бережно касался ее оголенной до локтя руки и смотрел на Любу восхищенным и умоляющим взглядом. Синицкая о чем-то шепталась с Се-ней Чебышевым, и никому, как видно, не была дела до Антона. Он хмуро жевал пресный ломтик колбасы и не мог понять, зачем он здесь и почему в его квартире находятся эти чужие люди. Ведь могли бы они повеселиться и в другом месте. Как это Зоя не чувствует, что эта вечеринка — в сущности, пошлая и ненужная в ее положении затея. Что подумают соседи? Хорошо еще, что он увидел все это сам, а если бы услышал от посторонних? Для чего ей это нужно? Чтобы развлечься? Но ведь он-то не искал развлечений без нее. И почему Зое захотелось развлечься именно в холостяцкой компании? К чему это приведет? Нет, им надо быть вместе, и чем скорее он увезет ее отсюда, тем лучше.

Бескуров тяжелым взглядом обвел гостей, посмотрел на заразительно смеющуюся Зою (Люба, уморительно сморщив красивое лицо, малюсенькими глотками допивала вино) и вдруг понял: в деревню жена не поедет. Пожалуй, она даже и не задумывалась серьезно об этом. Быть может, уже в тот день, когда он объявил об отъезде, она решила не ехать, а что из этого получится — ее, видно, не особенно интересует. Да, так оно и есть, и никакая любовь, если она была, тут не поможет. Антон похолодел. Ему показалось, что Синицкая шепчется с Чебышевым о нем. Почему бы нет? Возможно, что она знает о Зое больше, чем он сам, знает, что произойдет между ними дальше. Что ж, если это так, он должен все выяснить поскорее, сейчас же...

Антону было противно пить чужое вино. Он встал и открыл буфет. Там у него хранилась бутылка на случай, если придет кто из друзей. Бутылки на месте не было. Он внимательно осмотрел буфет — все оказалось на месте, но бутылки нигде не было.

— Что ты ищешь, Тоша? — спросила Зоя, не сходя, однако, с места.

— Так, ничего, — ответил Антон, возвращаясь к столу. — Что ж, друзья, — громко проговорил он, — выпьем за здоровье новорожденной, раз уж мне посчастливилось попасть на этот праздник. Рад был с вами познакомиться и посидеть подольше, но, к сожалению, время позднее, а завтра рабочий день. Ваше здоровье, Любовь Марковна!

Синицкая растерянно взяла пустой стакан, а Зоя удивленно спросила:

— Какое же позднее? Всего одиннадцать часов...

— Нет, четверть двенадцатого, — тоном, не допускающим возражений, сказал Антон, хотя часы на стене показывали ровно одиннадцать.

— Я не понимаю, — возмущенно сказала Зоя, взявшись ладонями за виски и смотря на мужа расширенными глазами. — Как ты можешь так говорить, Антон?

— По-моему, я ничего особенного не сказал, — усмехнулся Антон. — Я сказал, что время позднее, только и всего. Как будто ясно?

Первой опомнилась Люба Мальцева. Она встала, оправила платье и спокойно произнесла:

— Да, правда, уже поздно, а мне завтра рано вставать. Да и голова что-то разболелась. Спасибо, Зоя, за гостеприимство.

— О, я тут не при чем, — со стоном ответила та, опускаясь на диван.

Все задвигали стульями, поднимаясь. Синицкая обняла Зою за плечи и вышла молча, не взглянув на Антона. Потоптавшись и так и не решившись подать руку Бескурову, вышли Чебышев и Будахин. Одна Люба Мальцева подошла к нему со словами:

— Извините, Антон Иванович, что так получилось. Во всяком случае, я не знала, что так может получиться. До свиданья.

— До свиданья, Люба. Я тоже не ожидал, что так все выйдет, — искренне извиняясь перед ней, сказал Антон. Ему было действительно неудобно перед этой девушкой, так как он понимал, что, идя сюда, она, вероятно, ни о чем не подозревала, быть может, даже не знала, что Зоя замужем.

Дверь за ней захлопнулась. Зоя все так же сидела на диване, закрыв лицо ладонями, а Антон стоял у стола, словно окаменевший.

Так длилось с минуту.

— Как ты мог, Антон? — вдруг тихо проговорила Зоя, испытывавшая жгучее чувство стыда перед своими новыми знакомыми (Синицкая была не в счет). — Как это грубо! Что они тебе сделали? Что они теперь подумают обо мне?

— Напрасно ты пригласила их к себе, — устало сказал Антон. — Они прекрасно могли бы провести вечер у Синицкой или у кого-нибудь другого. Это не твоя компания. Неужели ты этого не понимаешь?

— А какая же у меня должна быть компания? — повысила голос Зоя. — Какая, по-твоему? Старики и старухи, да? Как же, нужны они мне! Погляди сперва на себя, какая у тебя компания...

— У меня? — изумился Антон.

— Да, конечно! — уже чуть не кричала Зоя. — Думаешь, я ничего не знаю? Как бы не так!

— Да в чем дело, Зоя? Что ты такое знаешь? О чем ты говоришь? — недоуменно сказал он, подходя и садясь с ней рядом.

— Будто сам не знаешь? У кого ты живешь там, в деревне? Не мог найти другой квартиры, весь свет на этой Белоглазовой клином сошелся, да? Ну, еще бы! Молодая, одинокая, чего лучше... И ты еще говоришь мне, что у меня плохие знакомые? А что ты о них можешь сказать плохого? Что?

От неожиданности Антон не сразу сообразил, о чем идет речь. Так вот оно что! Кто же ей мог сказать подобную чушь? Просто смешно, что Зоя приняла это всерьез.

Черт возьми, да ведь сказать мог только Звонков. Это ему Антон поручал зайти к жене — и даже не один раз. Что же он наболтал? Какая гадость! И для чего Звонкову это было нужно?

Ярость жены невольно передалась и ему. Но Антон сдержал себя, ответил по возможности спокойно и веско:

— Все это такая ерунда, о которой не стоило бы и говорить. Не знаю, что сообщил тебе Звонков, быть может, он упомянул о моей квартирной хозяйке без

всякой задней мысли, а ты уже, значит, поспешила сделать свои выводы? Какая чушь! Как ты могла подумать про меня такое? Я не искал эту Белоглазову, даже не слышал о ней, просто мне посоветовали пока остановиться у нее, поскольку там есть отдельная комната. Да, она молодая и одинокая, так что ж из того? Мне-то до этого какое дело, раз у меня есть жена?

— Много ты думал о жене! — с горечью вырвалось у нее.

Антон больно ожгло это «думал», а не «думаешь»: как будто все уже у них в прошлом, тогда как он только и делал в эти дни, что размышлял об их будущей совместной жизни на новом месте. Случайно или намеренно Зоя сказала так? Что она имеет в виду? Как бы там ни было, почва ускользала у него из-под ног, это он начинал понимать все яснее. И все-таки он еще верил Зое, не мог и не хотел не верить...

— Думал и сейчас думаю только о тебе, — горячо сказал он. — Зря ты сердишься на меня: твои друзья и сами поняли, что пора уходить. Ведь они не знали, что я приду. Уверен, они нисколько не обиделись. Пожалуйста, приглашай их завтра, я буду дома. И мы отлично столкнемся, вот увидишь.

— Нет уж, приглашай сам, раз ты их выгнал, — зло ответила Зоя. — Мне им в глаза смотреть стыдно после всего этого.

— Ну, знаешь! — вспыхнул Антон. — Это уже слишком! И вообще, Зоя, мы говорим не о том, о чем надо.

Он злился на себя за то, что предложил пригласить ее знакомых, хотя встречаться с ними у него не было ни малейшего желания. Но Зоя! Неужели ее больше волнует преждевременный уход гостей, чем их собственные взаимоотношения? А что, если это была не первая вечеринка?

— Кстати, Зоя, у меня в буфете была прихоронена бутылка вина на всякий случай. Помнишь? Где она?

— Право, я не помню, — рассеянно ответила Зоя. — Я ее не видела. Я думала, ты взял ее с собой.

— Ты прекрасно знаешь, что я не брал. Впрочем, это пустяки, просто я хотел выпить сейчас с тобой по стаканчику. Ну, чего ты куксишься? — нежно прого-

ворил Антон и обнял жену за плечи. Но она отвела его руки, сказав:

— Тебе хорошо так говорить, а мне какво? Пришел, всем нагрубил и меня же еще упрекаешь...

Антон встал.

— По-твоему, мне не надо было приходиться? — спросил он. — Я тебе помешал, так? Скажи прямо, и все будет ясно.

— Пожалуйста, не придирайся, — ничуть не смутившись, тем же озлобленным тоном сказала Зоя, вытирая платком уголки глаз. — Никому ты не помешал, но так вести себя, как ты вел, просто неприлично. Я и не знала, что у тебя остались подобные деревенские замашки.

— Вот как! Деревенские замашки! — повторил Антон, чувствуя, как все клоочет у него в груди. — Интересно, как же тогда назвать вот эти твои замашки, — и он указал на стол, где в беспорядке стояли пустые бутылки, закуски, темнели мокрые пятна на белой скатерти. — Может быть, это случается не в первый раз, а?

— Можешь справиться у соседей, если это тебя интересует, — вызывающе сказала Зоя.

— Ты знаешь, что я не пойду ни у кого справляться. Этого еще не хватало! Но я хочу знать, Зоя: как ты хочешь жить дальше? Со мной в деревню ты, очевидно, не поедешь...

— Нет, не поеду, Антон, — опустив глаза, твердо ответила она. — Я не могу. Ну, что я там буду делать? Что? Полоть грядки и убирать навоз? Разве я к этому стремилась, когда выходила за тебя? Ты должен, Антон, добиться, чтобы тебя вернули в город. Да если бы ты захотел, если бы подумал тогда обо мне, ты сразу мог бы отказаться. Что, разве не мог? Конечно, мог, и ничего бы тебе за это не было. Но ты сам не захотел. А ведь я тебе говорила. Кто же теперь виноват?

Антон был поражен ее логикой. Да, она знала, к чему стремилась, ка́кая у нее цель. И он тоже знал, вернее, только догадывался, но не придал серьезного значения своим догадкам. Слишком уж он любил ее. А она? Горечь и обида подавили в нем раздражение, он растерянню, и все еще на что-то надеясь, спросил:

— Зоя, скажи, когда ты выходила за меня, ты любила меня?

— Конечно, любила, — не задумываясь, сказала Зоя.

— А сейчас?

— И сейчас люблю, но ты должен вернуться в город. И мы всегда будем вместе. Все зависит от тебя.

Теперь он уже не верил ей. И все-таки он еще не мог примириться с мыслью, что все потеряно.

— Пойми, Зоя, я не мог иначе. Не думай, что я тогда забыл о тебе. Мне казалось, что раз ты любишь, значит, мы будем счастливы где угодно. Просто ты не подумала об этом. Поедем со мной, и ты увидишь, как все хорошо устроится. В деревне сейчас разворачиваются такие дела... Тебе не обязательно полоть грядки, можешь сидеть дома или поработать в библиотеке, в клубе. У нас много молодежи, есть самодеятельность, кино, столько интересных людей. Мы можем купить там дом, и ты обставила бы его так, как хочешь...

Зоя отрицательно покачала головой. Все это, как видно, ее нисколько не прельщало. У нее были свои планы, это ясно. На все уговоры Антона она тихо, но непоколебимо отвечала:

— Ты должен добиться перевода в город. Ты можешь это сделать, если захочешь. Все зависит от тебя, а не от меня, Антон.

И он понял, что все его слова — о покупке дома, о клубе, о развлечениях — Зое не нужны. Он и сам чувствовал, что говорит не то, его корбило от собственных слов. Никогда Антон не испытывал подобного унижения. К чему это все, раз нет главного — любви? А может, никогда и не было? Уж очень быстро они сошлись, да и прожили не так уж много, чтобы успеть хорошенько узнать друг друга. А ведь они, в сущности, разные люди. Да, в этом все дело. До сих пор он, оказывается, не понимал Зою, а она его. Любил ли он ее? Да, конечно. Зоя была так мила, что он души в ней не чаял. Она и сейчас выглядит очень милой, красивой женщиной, но, боже мой, что у нее за философия! Вернуться в город! Как Антон мог это сделать? Что сказали бы Екимовский, Сухоруков, Комаров, колхозники, если бы он попытался только заикнуться об этом? Зое, конечно, на них наплевать. А ему нет. В таком случае, как же она думает жить дальше?

Антон спросил ее об этом. Она сказала:

— Так вот и буду жить, пока ты не вернешься.

— Это не ответ. Ты отлично знаешь, что я не могу уйти из колхоза. По крайней мере, в ближайшее время.

— А я не могу поехать в деревню. У меня здесь хорошая работа, квартира, знакомые, а там что? Ради чего я должна все это бросить?

— Ради мужа, ради семьи, — сказал Антон. — Что же, твой буфет и твои знакомые дороже семьи? Как это глупо!

— Пусть глупо, — упрямо заявила Зоя. — А ты ради семьи не можешь бросить деревню? По-твоему, это умно? Вспомни, сколько лет я потратила на то, чтобы выбиться в люди, а теперь, выходит, все надо начинать сначала. Нет уж, спасибо.

— Ты считаешь, что выбилась в люди? — сказал Антон. — Значит, в деревне настоящих людей нет и быть не может? По-твоему, заведующая буфетом — это туп земли? Ну, знаешь ли, ты скоро перецеголяешь Любку Синицкую. Ладно, кончим об этом. Убери-ка лучше со стола, противно смотреть.

Он совершенно успокоился — настолько, что сам удивился, как это может теперь воспринимать все случившееся с таким безразличием. Неужели он уже не любит Зою? Но ведь так не бывает, чтобы можно было разлюбить в один вечер человека, которого любил многие месяцы и считал родным. А может, бывает? Ну, вот, например, в тех случаях, когда выясняется, что они люди разные? Или когда оказывается, что это была вовсе и не любовь, а просто сильное увлечение? Но как он мог ошибиться? Ему ведь не восемнадцать лет. Что теперь предпринять? Он мог бы, собственно, ничего не предпринимать пока, если бы верил Зое. В том-то и беда, что Антон не верил ей. Но, может быть, она в самом деле будет ждать его, тем более, что он может почти каждую неделю найти повод побывать в городе, дома? Нет, это не по нему — такая жизнь его совсем не устраивает. Да и Зою вряд ли удовлетворит.

Несмотря на то, что положение представлялось ему крайне сложным и почти безвыходным, Антон был по-прежнему спокоен. Не хотелось больше ни о чем думать и тем более мучиться. Да, с Зоей у него, видимо, ничего не выйдет, но что сейчас предпринять — он не знал. Будущее покажет...

Совещание в райисполкоме было широким как по числу вызванных из района лиц, так и по количеству обсуждаемых вопросов. Собрались и председатели колхозов, и директора МТС со своими главными специалистами, и руководители шефствующих организаций, и работники разных районных учреждений. В президиуме сидели Комаров, Лысов и председатель райисполкома Дмитрий Егорович Атаманов. Он и был главным докладчиком. Розовощекий, с выпуклыми светлыми глазами, с тонким, но напористым голосом, он производил впечатление человека неизбывной энергии и нестареющей молодости, несмотря на облысевшую голову и седые редкие косички волос, сохранившиеся на висках. Хотя доклад посвящался только подготовке к жатве, Атаманов, как и в других подобных случаях, говорил и о зеленой подкормке скота, и о силосовании, и о строительстве, и о расчетах с государством. И Бескурову, который впервые присутствовал на таком совещании, все эти вопросы казались действительно важными и срочными, и он старательно записывал в блокнот самое главное. Его удивляло, что остальные председатели, хотя и держали в руках карандаши, почти ничего не записывали, а некоторые, не слушая докладчика, шепотом переговаривались друг с другом. И Антон невольно спрашивал себя: почему они так невнимательны? Одно из двух: или у них все в порядке, или просто им известно наперед, что еще скажет председатель райисполкома. Конечно, думал Антон, Атаманов говорит о вещах общеизвестных, но зато справедливых. Готов ли, к примеру, колхоз «Нива», сосед «Восхода», к уборке? Наверняка там недоделок не меньше, чем у Бескурова. И сенокос тоже идет не гладко, об этом-то Антон хорошо был осведомлен. Однако председатель «Нивы» Василий Фомич Лобанцев, знай себе, оживленно беседует с сидящим рядом мужчиной, как будто недостатка, о которых говорит Атаманов, к нему никак не относятся. А может, Василий Фомич за многие годы председательства настолько привык к таким совещаниям, что умеет одновременно и говорить, и слушать? Непременно надо будет спросить его об этом.

Позже Антон Бескуров понял, что самое главное

происходит во время перерывов. Действительно, как только был объявлен перекур, во всех комнатах и коридорах райисполкома поднялись невообразимый говор и суетня. В одной кучке горячо обсуждался вопрос, насколько выгодно скармливать зеленую горохо-овсяную смесь скоту, в другой — где достать цементу, в третьей разгорелся спор, что лучше: теребить ли лен вручную или машиной. Один доказывал, что вручную, конечно, медленнее, зато потом легче, ибо после машины остается много путанины, вяжет она плохо. Другой отстаивал машинную уборку, а третий, припоминая собственный опыт, прикидывал, кто прав. Многие председатели сновали из отдела в отдел, улаживая и согласовывая какие-то свои дела. На директора Согринской МТС наседали какой-то человек в широченных диагональных галифе, требуя, чтобы тот наладил доставку горючего через реку на катере. В окружении оказался и Атаманов. Поминутно вытирая платком мокрую, морковного цвета, лысину, он подписывал подаваемые ему просьбы и заявки, отвечал на вопросы, спрашивал сам, ругал кого-то за снижение надоев молока в последней декаде.

Бескуров с живейшим интересом присматривался и прислушивался ко всему, расхаживая по коридору и дымя папиросой. Неожиданно к нему подошел Лысов. Словно впервые увидев, сказал:

— А, и вы здесь, Бескуров. Ну, как обживаетесь в новой должности? Каковы успехи?

— Об успехах пока говорить не приходится, — сдержанно ответил Антон и пожал руку секретаря райкома. — Обживаюсь, так сказать, понемножку...

— Спешить надо, браться за дело обеими руками, — наставительно проговорил Лысов, делая такое движение головой, словно воротник давил ему шею. — Сеноуборку когда кончишь?

— В основном — дней через пять.

— Торопитесь, но и не оставляйте невыкошенным ни одного клочка. Со Звонковым сработались?

— Как будто бы...

— Честное слово, тебе повезло, Бескуров. Такого толкового заместителя вряд ли еще где найдешь. Ты ему только палки в колеса не вставляй, дай ему развернуться.

— Он и так уже разворачивается, даже слишком, — хмуро отозвался Бескуров.

— Знаю, знаю, неутомонный он человек, — не поняв или сделав вид, что не понял намека, сказал Лысов. — Кстати, надо тебе перебираться насовсем в деревню, жену перевезти. Не годится работать в одном месте, а жить — в другом. Работа от этого страдает, ну и, естественно, могут последовать соответствующие оргвыводы. Так что ты решай этот вопрос побыстрее, подружески советую. Василий Васильевич в этих делах строг.

— Да, я знаю, — кивнул Бескуров.

— Желаю успеха. Постараюсь в ближайшее время побывать у тебя, посмотреть, как хозяйствуешь.

— Пожалуйста, всегда буду рад.

Но Бескуров кривил душой. Ничего радостного в том, что Лысов приедет в колхоз, Антон не находил. Хотя бы потому, что своими вопросами о Звонкове и жене он уже сейчас испортил Антону настроение. Да, именно поэтому. Чего он восхищается этим Звонковым? Если уж он такой талантливый, в чем же дело? Надо было Лысову самому приехать на собрание и убедить колхозников избрать Звонкова председателем. Почему же он тогда этого не сделал? А теперь говорит так, будто Звонков — золото, а он, Бескуров, случайно занял его место. Ладно, посмотрим, кто прав. И уж вовсе некстати Лысов заинтересовался женой. Конечно, вопрос этот надо решать (Антон знал, что два новых председателя, не желавшие перевозить свои семьи в колхозы, получили партийное взыскание), однако такие дела скоро не делаются. Те двое хотели сохранить городские квартиры на случай, если бы они не справились с работой в деревне, а может быть, вообще считали свое пребывание там временным, а у Антона не было и в мыслях этого. Да, правда, такие мысли были, но еще до того, как его избрали. В данном случае причина не в нем, как Лысов этого не понимает? Хотя — откуда он может знать? А если не знает, тем более незачем было поднимать эту проблему.

Бескуров горько усмехнулся: проблема! Но это было действительно так. Для него Зоя представляла проблему, и он пока не знал, как ее решить. Зоя отдалялась от него все дальше, он это чувствовал, хотя внешне как

будто ничего не изменилось. Утром она поднялась рано, приготовила завтрак, рассказывала о городских новостях, и Антон понял, что она не хочет вспоминать о вчерашнем. А это значило: все остается так, как она решила. Не стоило заводить прежнюю волюнку, портить друг другу настроение. Теперь они, по сути, были только официально мужем и женой, ни о какой душевной близости не могло быть и речи. Как ни тяжело было Антону сознавать это, помочь горю он, очевидно, не в состоянии...

После перерыва выступал Комаров, затем Лысов, директор МТС Назаров и снова председатель райисполкома.

Совещание закончилось в четыре часа. Бескуров сразу же хотел уйти, чтобы успеть сперва в горторг, а потом на литейно-механический завод и договориться с шефами о помощи, но его позвал к себе Атаманов. В просторном кабинете председателя райисполкома, окнами на Советский проспект, находился Назаров. Бескуров присел на стул у самых дверей.

— Давай поближе, что ты уселся, как проситель какой-нибудь, — весело заговорил Атаманов, блестя лысиной. — Знаешь, зачем я тебя позвал?

— Понятия не имею, Дмитрий Егорович, — улыбнулся Бескуров. — Не иначе как поругать за что-нибудь.

— Рано еще тебя ругать, не торопись. Ты что думаешь, я только и делаю, что ругаюсь? — рассмеялся Атаманов. — Хотя, правда, ругаться приходится чаще, чем хотелось бы. Да ведь и меня за наши прорехи по головке не гладят. А их у нас еще много, ой много... Ну, ладно, ты вот что мне скажи: тебе зоотехник нужен?

— Вот так нужен, Дмитрий Егорович, — радостно черкнул ладонью по шее Бескуров. — У самого руки до всего не доходят, а за животноводство я, признаться, еще и не брался.

— И я тоже думаю, что нужен, — подтвердил предрик. — Тут, понимаешь, областное управление расщедрилось, дало нам трех специалистов, из молодых, последнего выпуска. На днях только экзамены сдали. Вообще-то им отпуск сейчас полагается, но тут одна девчина пришла ко мне и заявила, что может обойтись

без него. Какая там нетерпачка ее забрала — не знаю, но факт остается фактом. Ты когда домой-то поедешь?

— Завтра утром. Надо еще с шефами повидаться, — почему-то смутившись, сказал Бескуров.

— Правильно, — кивнул Атаманов. — Так вот, приходи завтра в райисполком к девяти часам, а я этой девчине сообщу, она тоже тут будет. Заберешь ее с собой и дело с концом. Лошади у тебя нет?

— Нет, я пешком.

— Ну, ладно, она местная, вещей много брать пока не будет. А чемоданчик ты, надеюсь, поможешь ей донести.

— Конечно, какой может быть разговор.

— Вот что, Антон Иванович, — сказал Назаров, — можешь завтра взять мою машину. Она мне будет не нужна, я пробуду в городе весь день, а шоферу все равно надо ехать в лесопункт за запчастями. Как раз по пути.

— Вот спасибо, Александр Михайлович, — сказал Бескуров. — И вам спасибо, Дмитрий Егорович, за то, что не забыли «Восход». Как гора с плеч.

— Но, но! — уже строго заговорил Атаманов и потряс указательным пальцем. — Ишь ты, гора ему с плеч! Не вздумай все свалить на зоотехника, она же только со студенческой скамьи, никакого опыта, а скота у тебя дай боже всякому. На первых порах всячески помогай ей, научи с людьми работать, зря не кричи и не дергай. Понятно?

— Понятно, Дмитрий Егорович. Я же так и думал, что помочь обязательно придется.

— То-то, — удовлетворенно заключил Атаманов, и опять его большие, навывкате, глаза жизнерадостно заулыбались. — Я приеду, проверю, как ты относишься к молодому специалисту.

Бескуров тепло распростился с ним и с Назаровым и поспешил на улицу. «Ну, ясно, этот Атаманов чудесный мужик, — думал он, шагая по многолюдному проспекту и не замечая встречных. — С ним как-то легко разговаривать, не то что с Лысовым. И если бы он спросил про жену, я, пожалуй, рассказал бы ему, как обстоит дело. А, кому это нужно! Сам заварил эту кашу, сам и расхлебывай...».

В девять часов Бескуров был уже в райисполкоме. Его смущало, что он забыл вчера спросить у предрика фамилию «девчины», которую ему предстояло везти, и теперь не знал, как и где ее искать. Однако едва Антон поднялся на второй этаж, как навстречу ему поднялась с деревянной решетчатой скамьи высокая светловолосая девушка и, извинившись, остановила его.

— Скажите, не вы будете товарищ Бескуров, председатель колхоза «Восход»?

— Точно, — кивнул Антон. — А вы, значит... — Он запнулся.

— Я направлена к вам зоотехником. Меня зовут Клавдия Васильевна Клементьева.

— Очень приятно. А меня — Антон Иванович. Вы готовы? Где ваши вещи?

— Вот чемодан. Мне Дмитрий Егорович сказал, что у вас машина, поэтому я решила взять с собой кое-что.

И хотя на душе у Бескурова было тяжело и мутно, он ободряюще улыбнулся ей, подхватил чемодан и стал спускаться по лестнице. Она застучала каблучками босоножек следом за ним. Так как машина уже была на той стороне реки, им предстояло дойти до переезда и дожидаться пассажирского катера. На Набережной Клементьева поравнялась с Бескуровым и попыталась взять у него чемодан. Он, конечно, не отдал, хотя в другой руке он нес сумку с бельем и другими необходимыми на первый случай вещами. Впрочем, до переправы было недалеко. Вскоре подошел и катер. Когда он отвалил от стенки дебаркадера, Клементьева прошла на нос и, опершись о борт, устремила взгляд на удаляющуюся набережную. Что-то задумчивое и грустное было в ее лице и фигуре, как будто она прощалась с кем-то, кто оставался в городе. Но на берегу никого не было, никто не махал ни рукой, ни платком. «Ну, ясно, ей тяжело расставаться с городом, с привычным укладом жизни и ехать в неизвестность, — почему-то с неприязнью подумал Антон. — Тут было хорошо, уютно, весело, мама с папой и все такое прочее, а там... Там еще на воде вилами писано, что из нее выйдет. А как вырядилась, хоть сейчас на бал. Что, не знает она, что ли, куда едет? Ведь ей по навозу ходить

придется, под коровами лазить. И почему она не использует отпуск? Может быть, тем временем мне бы более опытного специалиста подыскали».

Но Бескуров тут же пристыдил себя за то, что плохо судит о человеке, которого не знает. Тем более, что, вопреки худым мыслям, Клементьева ему чем-то нравилась. Пожалуй, ей было не восемнадцать-девятнадцать лет, как большинству девушек, оканчивающих сельхозтехникум, а года на три-четыре больше. Бескуров не сумел бы объяснить, почему он так думает, но был уверен, что не ошибается. Внешне Клементьева выглядела эффектно: высокая стройная фигура, легкое светлое платье, белая шляпка с широкими полями и зеленой лентой. Не доставало только нарядного зонтика от палящих лучей солнца, чтобы сойти за праздную курортницу, отправившуюся на речную прогулку. У нее было красивое, несколько худощавое лицо, выразительные карие глаза с бирюзовым зрачком, и взгляд их сразу, еще в райисполкоме, поразил Бескурова: он был слишком уж серьезен, задумчив и грустен. Наверное, именно этот взгляд и дал повод Антону думать, что она старше, чем можно судить по ее внешности.

На той стороне их ждал открытый «газик». Они уселись, и шофер, наскоро дожевав остаток пирожка с рыбой, включил мотор. День начинался солнечный, теплый, с подсиненными неоглядными далями. Солнце стояло еще не высоко, но уже чувствовалось приближение зноя. На величественном и тоже синем небе — ни облачка. Пыльный, извилистый и кочковатый проселок расстилался то по зеленому лугу, то нырял в неглубокий, заросший кустарником овраг с журчащим понижу ручейком, то врезался в массив созревающей ржи, и повисшие на длинных стеблях колосья мягко шуршали о потертые бока машины. Легкая, как пудра, пыль весело выпархивала из-под колес и долго висела в неподвижном воздухе, пронизываемая солнечными лучами. Далеко впереди темнела стена леса, а здесь — простор, редкие перелески перемежались полями, слева бесшумно несла свои воды могучая Северная Двина, справа мелькала прилепившаяся на приторке деревня и снова — то луг, усеянный стогами, то рожь, необычайно густая для этих скурых подзолистых мест.

Бескуров сидел рядом с Клементьевой и думал о

том, что ему, как видно, не скоро удастся снова вы-браться в город и что, может быть, это к лучшему. Зое, жене, надо дать время поразмыслить, взвесить и понять то, что он сказал ей, наконец, проверить себя, любит ли еще она его и нуждается ли в нем. Она должна прийти к какому-то единственному решению — вот что он заявил ей на прощанье. Всякая неопределенность только ухудшит дело. Да, так он заявил, и только сейчас ему в голову пришла обжигающая мысль: почему он все взвалил на жену и ничего не решил сам? Не едешь и не надо — вот как нужно было бы сказать. Нет, это не решение. Это, в сущности, только отсрочка, та же неопределенность. Ладно, пусть все остается так, как есть. До следующего его приезда. И больше он не будет об этом думать. Хватит.

Почти всю дорогу его спутница молчала, а Бескуров, в свою очередь, не хотел навязываться к ней с разговором. Иногда он подхватывал ее под локоть, оберегая от слишком резких толчков, но как только дорога выравнивалась, он тотчас убирал руку. Однажды, как бы извиняясь за бесшабашную тряску, Бескуров сказал:

— Ничего, скоро доедем. Я вот позавчера шел пешком, и мне очень понравилось. Здесь чудесные места.

— Да, тут красиво, — не сразу откликнулась Клементьева. — И день хороший. Я бы тоже с удовольствием прошла. Может быть, нам сойти? — несмело добавила она.

— Не стоит, — улыбнулся Бескуров. — Я боюсь за ваши босоножки. Они такие белые, что просто жаль их пачкать.

Она вспыхнула и зачем-то одернула на коленях платье. Бескурову вдруг стало жаль ее, и он сказал:

— Вы не обижайтесь, Клавдия Васильевна, я ведь без всякой задней мысли. В самом деле, босоножки у вас новые и незачем их портить.

— Я взяла и рабочие туфли.

— Ну, вот, тем более... Вы живете в городе? Есть мать, отец?

— Одна мама... — Она быстро взглянула на него своими серьезными, грустными глазами, хотела еще что-то сказать, но отвернулась и ничего не сказала.

— Значит, пока вы не перевезете мать к себе, вам предстоит износить не одни туфли по этой дороге. А осенью, волей-неволей, придется надевать сапоги. Эх, вертолет бы нам, Клавдия Васильевна, вот было бы славно!

Она улыбнулась и уже более доверчиво посмотрела на него. Потом задумчиво проговорила:

— Завидую я вам, товарищ Бескуров. Вот вы едете и знаете, что вас ждет, что надо делать. А я страшно волнуюсь. Просто не представляю, как все это у меня выйдет...

Такая откровенность удивила и растрогала Бескурова. «Так вот она какая! А я-то думал...» — он не стал припоминать, что он думал о ней тогда, на катере, во всяком случае, сейчас его мнение об этой девушке с грустными и серьезными глазами и в ослепительно белой шляпке с зеленой лентой круто переменялось.

— Волнуетесь — это хорошо, как же иначе? — сказал Антон мягко. — И я бы на вашем месте волновался. Я и волновался, когда две недели назад ехал сюда, и еще как! Вы, что же, думали, что я старый «морской волк» в колхозных делах? Ничего подобного. Я тоже новичок. Ничего, привыкнем. Я вам помогу, а уж поддержку в любых делах обязательно окажу.

— Спасибо, — с признательностью сказала она.

Пойма речки Согры, где росли богатейшие травы, тянулась нескончаемо, но, наконец, миновали и ее. Машина, натужно рыча, взобралась на крутой угор, и сразу же началась деревня. С кудахтаньем взметнулись из-под колес куры. Бабы на дороге и старики из окон провожали машину изумленными взглядами. Не прошло и пяти минут, как вся деревня уже знала: «Наш председатель жинку привез. Уж до чего красивая да нарядная, прямо как артистка и даже лучше».

Шофер лихо затормозил у самого крыльца конторы, и Бескуров чуть не ахнул от удивления: контора была та и не та. На месте прежнего покосившегося крыльца стояли новые столбы и уже были прикинуты свежеструганные ступеньки. Старая, полуобвалившаяся обшивка оказалась содранной со стен, а рядом белели кучки новой рейки. Внутри помещения орудо-

вали плотники, из открытых настежь окон валила пятидесятилетней давности седая, затхлая пыль.

Оглядевшись, Бескуров понял: Звонков осуществлял свое намерение превратить старую деревенскую избу в образцовое учреждение, хотя правление и не одобрило его планов. Бескуров и раньше подозревал, что со многими членами правления Звонков особенно не считался, а его, Бескурова, просто решил поставить перед свершившимся фактом. Сейчас его и разозлила и в то же время рассмешила эта затея. Конечно, что и говорить, контора была никудышная — сарай, а не контора, но ведь она могла бы и подождать, а вот крытый ток и зерносклад нужны позарез. Придется со Звонковым побеседовать серьезно, раз и навсегда покончить с подобным самовольством. Слишком уж Звонков прыток и самонадеян, если думает, что ему все сойдет. Интересно, откуда у него это?..

Бескуров помог Клементьевой сойти с машины, достал чемодан и сумку, поблагодарил шофера. В это время из окна выпрыгнул Сухоруков, в грязной, без пояса, рубашке, с клочками изопревшего мха во взлохмаченных волосах, и радостно воскликнул:

— Антон Иванович! С приездом! А мы думали — ты дня через три прибудешь, не раньше. Что там в центре нового?

— Да ничего особенного. Что тут у вас происходит? — недовольно кивнул Бескуров на развороченную избу.

— А, это? — теребя пустой рукав и виновато глядя на председателя, сказал Иван Иванович. — Да вот, потрошим эту самую богадельню. Вместо ее новую сделаем. Ну, в самом деле, какая же это была контора, Иваныч? Срам один. Ты не беспокойся, мы ее быстро переоборудуем. Приехал бы ты дня через три — все было бы готово. Люди есть, материал — вот он, одних только обоев не хватает. Ну, обои — пустяк. Платон их живо достанет.

— Так, понятно, — сухо сказал Бескуров. — А для тока и склада материалов нету?

— А вот и есть! — торжествующе объявил Иван Иванович. — Ты думаешь, мы с кандачка тут размахнулись? Худо ты нас знаешь, дорогой товарищ Бескуров. Мы, брат, все обмозговали и рассчитали. Значит

так, — растопырил он перед Бескуровым грязные пальцы и пригнул один из них — во-первых, послезавтра сюда пилораму доставят, значит, тес у нас будет, во-вторых, столбы на току уже ставятся, а в-третьих, эту вот реечку Звонков взаимобразно у лесопункта взял, чего же она будет зря лежать?.. Э, нет, ты, пожалуйста, не спорь, а прямо скажи: нужна тебе контора или не нужна?

— Ладно, раз уж начали — доделывайте, — махнул рукой Бескуров. — Я вижу, тебя Звонков основательно сагитировал. Ведь не было же решения правления о конторе.

— Верно, не было, — охотно согласился Иван Иванович. — Выходит, тебе форма нужна? А мы по существу рассудили. — Он приблизился к Бескурову, шепотом спросил: — Это ты кого привез? Жену, что ли?

— Зоотехника. Будет у нас работать. Знакомься — Клементьева Клавдия Васильевна...

Сухоруков изумленно округлил глаза, потряхнул рубаху и быстро вытер о штаны ладонь. Девушка с любопытством смотрела на него и, когда Иван Иванович подошел, первая протянула ему руку.

— Извините, рука-то у меня... того, — смутился Сухоруков, осторожно пожимая маленькую белую ладонь Клементьевой. — К нам, значит? Ну и правильно, ученый человек нам позарез нужен. Небось, комсомолка?

— Да, комсомолка.

— Тогда вам Костю Проскурякова надо найти, на учет встать.

— Хорошо, — кивнула она.

— Вот что, Иван Иванович, — вмешался Бескуров, — для Клавдии Васильевны нужна квартира. Что ты можешь посоветовать?

— Да, верно, ей же надо определиться. Что бы такое придумать? — Сухоруков помял пальцами небритый подбородок. — Постой, Серафиму Хватову ты знаешь?

— Немного знаю, — сказал Бескуров.

— Попробуйте толкнуться к ней. Баба она, конечно, своенравная, но на такого постояльца, пожалуй, согласится. А места у нее хватит.

— Идемте, Клавдия Васильевна, — предложил Бе-

скуров, решивший в случае неудачи поселить Клементьеву у Татьяны Андреевны, а самому перебраться к кому-нибудь другому.

Дорогой Антон пояснил девушке, что Хватова — вдова, живет вдвоем с дочерью, а зовут ее почему-то Серафимой Батьковной, хотя у нее есть вполне благозвучное отчество — не то Полиектовна, не то Аполлоновна. Женщина она, действительно, своеобразная, живет, как здесь говорят, «на свой хохряк», то есть вполне независимо, не рассчитывая на трудодни.

Клементьева слушала рассеянно. Она машинально рассматривала все, что попадалось по пути: колодезный журавль с пустым позеленевшим ведром, пестрых кур, купавшихся в пыли около старого, вросшего в землю амбара, телегу со сломанной осью, брошенную посреди улицы. Тишина и безлюдность были столь необычны для нее, что казалось, будто она попала на край света. Бескуров дотадывался о ее состоянии, но не знал, как ободрить ее, ибо чувствовал, что обыкновенные слова в таких случаях прозвучат фальшиво и неубедительно. Все-таки он заговорил, так как молчание становилось тягостным.

— Вон там, Клавдия Васильевна, над самым обрывом, молодежь по вечерам собирается: поет, пляшет, хорозоды водит. Со всех деревень сюда приходят. Клуб у нас хороший, но на воздухе лучше. Сейчас весь народ на лугах, а кто на дальних покосах — и ночует там. Правда, ребята и девушки все равно бегают домой, их никакая усталость не берет...

Слова вязли в зубах, и он умолк. Но Клементьева, оказывается, слушала его внимательно. Она поблагодарила его взглядом, и он счел себя вполне вознагражденным.

Они подошли к нарядному, увитому хмелем домику. В палисаднике, выпирая из-за изгороди, буйно росла малина, краснели огромные лепестки теоргин, а слева, вдоль сплошного забора, отделявшего соседнюю усадьбу, тянулись аккуратные грядки моркови, лука, помидоров. Узенькая тропка вела от калитки к крыльцу. Бескуров заметил, что Клементьеву больше всего восхитили цветы, так и просившиеся в руки. И еще густой терпкий запах хмеля и окружающей зелени.

Сразу же выяснилось, что самой Хватовой дома не

было — на крыльце их встретила ее дочь. На вопрос, где мать, Лена Хватова с непонятным раздражением ответила:

— В город подалась, где ж ей быть? Со вчерашнего дня там гостит.

Как видно, ее застали врасплох за домашними делами: она была в холщовом переднике, в порвавшейся на плече кофточке, в сапогах, к которым прилип свежий навоз. Большое ведро, в котором она носила еду поросенку, Лена ловко пихнула за дверь, но передник и сапоги ей пришлось снимать уже на глазах Клементьевой и Бескурова. Она была явно смущена тем, что ее увидели в таком затрапезном наряде.

— Мы к вам по делу, Лена, — начал Бескуров, досадуя на отсутствие хозяйки. — Вот новому зоотехнику квартира требуется, может, мамаша согласится ее приютить. Я понимаю, сама ты не можешь решить, но все же предварительно...

— Отчего же не могу? — усмехнулась Лена и повернулась к Клементьевой. — Вы одни?

— Да... пока одна, — запнувшись, ответила та.

— И деньги будете платить?

— Конечно. Как же иначе?

— Антон Иванович, вы же знаете маму, — как бы оправдываясь, сказала Лена. — А если и деньги, то, пожалуйста, она возражать не будет. Вы что же, насовсем к нам? — снова обратилась она к зоотехнику, прикидывая в уме, подойдет или нет к ее лицу и фигуре фасон Клавиного платья.

— Насовсем, — кивнула Клава.

— М-да, — поджав губы и делая серьезно-лукавое лицо, проговорила Лена. — Колхоз вам попался того... неважнецкий. Я хоть и от МТС работаю, в тракторной бригаде учетчиком, но ихние порядки мне не особо нравятся. — И она искоса взглянула на Бескурова.

— Критиковать каждый может, а ты лучше помоги порядок навести, — сказал он.

— Я и без того помотаю. Ну, ладно, пойдемте, я вам комнату покажу.

— Ну, вот вы и устроились, — сказал Бескуров Клементьевой. — Отдыхайте, осматривайтесь, а там и за дело.

— Спасибо вам, Антон Иванович.

Бескуров повернул к калитке, а девушки вошли в дом. В доме было чисто, уютно, повсюду — вышитые занавесочки и салфеточки, на полу — пестрые домотканые половики. Дверь из кухни вела в «боковушку» — небольшую узкую комнату с одним окном и деревянной кроватью. Лена рассказала, что сначала здесь жила фельдшерица, а после нее учительница, и обе вышли замуж, так что, добавила она с улыбкой, и Клаве не миновать той же дорожки, потому что всем маминым постояльцам ужасно везет. Лена сразу же стала называть квартирантку просто Клавой, и та была признательна ей за это, потому что почувствовала себя гораздо свободнее и легче, чем с Бескуровым. Он, правда, был очень вежлив и внимателен, но все-таки Клава его стеснялась.

— Ну, мне-то уж не повезло, раз колхоз неважнецкий, — пошутила Клава.

— Так то колхоз, а замуж — это другое дело. Ну, как, подходящая комната?

— Конечно. Только согласится ли твоя мама?

— Я с ней договорюсь, не бойся. Ладно, вы пока устраивайтесь тут, а я побегу к своим трактористам, работу приму. — Лена называла Клаву то на «ты», то на «вы», но в общем горожанка Лене понравилась, и она считала, что они наверняка подружатся.

— Ой, я одна не останусь, — испугалась Клава. — Я лучше с вами, а устроиться и после можно.

— Что ж... Только босоножки снимите и платье другое надо.

— Да, да, я сейчас переоденусь.

Клава наклонилась над чемоданом. Лене очень хотелось посмотреть, какие еще наряды есть у зоотехника, но она сочла неудобным подглядывать и вышла из комнаты. Как-то само собой получилось, что она оказалась перед зеркалом и машинально подняла руки, чтобы поправить волосы. Высокая, даже чуть выше Клавы, с выпиравшей из старенькой кофточки грудью, с крепким станом, подвижная и ловкая, она легко поворачивалась перед зеркалом и откровенно любовалась собой, уверенная, что ни в чем не уступит горожанке. Допустим, Клава чуточку стройнее, изящнее и лицо у нее выразительное, особенно карие задумчивые глаза с точечками-бирюзинками, зато у Лены было много дру-

гих привлекательных черт, о которых она отлично знала — свежесть и ловкость, лукавое озорство, независимый характер. И потом, Клава, кажется, года на три старше, а это кое-что значило. И лицо у Лены было не таким, как у большинства ее деревенских подруг. Она берегла его от прямых солнечных лучей, добиваясь ровного, мягкого загара. Вот и теперь, отправляясь на работу, Лена тщательно натерла обветрившиеся места белым душистым кремом. Затем она сняла домашнюю кофточку и надела другую, голубенькую, с узким кружевным воротничком. В это время вышла из своей «боковушки» Клава, и обе они критически оглядели друг друга.

ХII

Когда девушки миновали околицу и очутились на самом краю обрыва, — обе, не сговариваясь, остановились. Внизу расстился тот самый Согринский луг, по которому Клава проезжала на машине с Бескуровым. Но тогда она была слишком взволнована, чтобы повнимательнее приотмотреться и оценить красоту окружающего, а теперь необъятная даль открылась перед ней во всей своей прелести и заставила замереть от восхищения. Огромное зеленое пространство, прорезанное посредине речкой Согрой, а справа окаймленное Северной Двиной, было щедро залито солнцем. Луг весь сверкал и искрился и жил деятельной, разнообразной жизнью. По Двине уплывал к югу, против течения, ослепительно белый пароход, и слабый дымок из трубы почти не был заметен в густом синем мареве, дрожавшем над рекой и над лугом. Желтые квадраты хлебов, далекие деревни, светлые нити проселков, по которым пылили подводы, уменьшенные фигурки работающих то тут, то там людей — все это сливалось в общий зелено-голубой фон и одновременно создавало пеструю живую картину летнего дня, которая показалась Клаве неправдоподобно красивой, а Лене — простой, понятной и обыденной, как из века в век повторяющийся восход солнца. Но и она, поддавшись восторженному настроению новой подруги и как бы ее глазами еще раз окинув луг, с чувством и неприкрытой гордостью сказала:

— А запах какой! Прямо дышать больно. У нас в сенокос всегда так.

Клава кивнула. И правда, острый запах свежескошенной и подсыхающей травы, смешанный с терпким сосновым (бор подходил к самому обрыву), наполнял воздух. С непривычки у Клавы закружилась голова. Они спустились по пешеходной тропе вниз и зашагали по травяной дороге, сплошь ископтанной коровьим стадом. Лена сказала:

— Я тебя до первой бригады доведу, а там уж ты сама. Мои трактористы вон там пары пашут. — Она неопределенно махнула рукой и спросила: — Ты с Антоном Ивановичем где встретилась?

— В райисполкоме. Вместе с ним и приехала. А что, какой он, Лена? Ты ведь должна знать.

— Симпатичный, конечно, — рассмеялась та. — В общем, простой и не зазнается. У нас его многие уважают, ну, есть и такие, которые не любят.

— Почему же?

— А кто его знает. Известно, на всех не угодишь. — Лена ловко перепрыгнула через высохший ручей и подала руку Клаве. — А что, не хотелось тебе из города уезжать, а?

— Да нет, не то чтобы не хотелось. Не в этом дело... Ты не думай, я деревни не боюсь, сама в деревне выросла и на зоотехника сознательно пошла. Я очень животных люблю.

— Ладно, может, и сознательно, а только все равно по городу скучаешь, я ведь вижу, — мягко проговорила Лена. — Вот у нас в бригаде Володя Шишкин работает. Он тоже из города, на заводе механиком или, может, слесарем был. Так он добровольно в МТС пошел, никто его не заставлял, а все равно по городу тоскует. Ну, я-то знаю, какая у него причина... может, и у тебя так, а?

— Не понимаю, о чем ты говоришь.

— Ну да, не понимаешь! — недоверчиво усмехнулась Лена. — Да я и не прошу, не признавайся, пожалуйста. Мне-то что! А все-таки зря ты от меня скрываешь...

— Ничего я от тебя не скрываю, оставь, пожалуйста, — перебила Клава, ускоряя шаг. Лицо ее зарделось, и это не ускользнуло от внимания Лены. Любопытство ее было задето. Она сделала обиженное лицо и независимо сказала:

— Думаешь, я болтушка какая-нибудь? Не хочешь — не говори, я не навязываюсь. — И тут же подумала: «Не иначе, как несчастная любовь у нее, вот и злится. Поругались, наверно, на прощанье... Ничего, и ты не каменная, придет время — сама расскажешь. А я и словом больше не зайнусь, пускай».

Клаве ни в коем случае не хотелось размолвки с Леной, особенно сейчас, и она досадовала на себя, что не сумела сдержаться. Кажется, Лена серьезно обиделась. И надо же было ей завести этот нелепый разговор. Совершенно ясно, на что она намекала, но что Клава могла рассказать? Ни к чему все это. Однако поправиться надо было, и Клава, чувствуя, что опять краснеет и оттого краснея еще больше, сказала:

— Ты, Лена, извини, что я так... Я тебе верю, и скрывать мне нечего. Ничего такого, о чем ты думаешь, у меня нет. Я потом тебе расскажу.

— Да нет, не обязательно, — пожала Лена плечами. — Я просто так спросила.

Они опять пошли рядом, думая каждая о своем. Удивительно, до чего иным представлялось с обрыва то, что сейчас было перед самыми глазами. Многие предметы оказывались не там, где их ожидала увидеть Клава, другие меняли свои очертания и краски. Вскоре девушки увидели вблизи людей, и они тоже были не такими, какими казались сверху, с обрыва. Это были загорелые, потные, по-разному одетые мужчины и женщины, стребавшие сено или метавшие стог. И глядя на их работу, почти физически ощущая тяжесть поднимаемых на вилах огромных охапок сена, Клава сильнее почувствовала и тяжкую предгрозовую духоту, и зной, и непонятную усталость в ногах. Но вот с реки донеслась первая освежающая струя потревоженного чем-то воздуха, и движения людей стали еще энергичнее, а Клаву охватило желание поскорее познакомиться с этими людьми, сойтись с ними, помочь им.

Здесь работала первая бригада из деревни Погорелово — той самой, где поселилась Клава. Как она узнала позже, название свое деревня получила не от того, что горела сама, а по той причине, что была построена на «гари», пустыре после лесного пожара. И Клава потом уже не спрашивала, откуда взялись названия других деревень — Загарье, Пеньки, Ельники...

Лена хотела было уйти, но Клава упростила ее остаться «на минуточку». Они подошли к работающим вместе. Лена сдержанно поздоровалась со всеми, кто мог услышать ее, и сейчас же сказала:

— А я вам нового зоотехника привела. Клавдией Васильевой зовут.

Клава опять покраснела, но так как никто, кроме Овчинникова (он подавал сено на стог), не обратил на нее внимания, быстро овладела собой.

— Ага, зоотехник, — кивнул Матвей Сидорович и подолом пропыленной серой, без пояса, рубахи вытер мокрое лицо; затем не спеша отряхнул с плеч и непокрытой головы сенную труху, окинул глазами луг и небо. — А ведь, мать его так, дождь будет. Вот пакость... Вы бы, товарищ зоотехник, помогли бабам сено сгрести, а то, неровен час, захватит гроза — все труды наши насмарку.

— Матвей Сидорович! — возмутилась Лена. — Вы и права-то не имеете ею распоряжаться, а такое брякаете. Что она вам, колхозница, что ли?

— Давай, бригадир, давай! Чего ты там с девками связался? — крикнул со стога старик Прокопыч, с задубелым морщинистым лицом и неожиданно густым басовитым голосом.

Но Овчинников только рукой махнул — подожди, дескать, успеешь — и подошел к девушкам вплотную.

— Раз в колхоз пришла, значит, и есть колхозница. Да я и не распоряжаюсь, на кой мне... Я же говорю, — он ткнул большим пальцем куда-то за спину, — дождь может застигнуть, убраться не успеем. Видишь, сколько у меня народу? Твоя мамаша, к примеру, второй день в городе гостует, а мы должны за нее отдуваться?

Клава уже жалела, что не отпустила Лену, поставившую ее в столь неловкое положение. Она готова была взяться за что угодно, чтобы не чувствовать себя здесь посторонней, но Лена, не обращая внимания на умоляющий взгляд подруги, вдруг вскипела:

— Вы мне мамашей в глаза не тычьте! — подступила она к Овчинникову, отбросив ногой ворох сена. — Вы бригадир, а не я. Распустили дисциплину, а теперь виноватых ищете. Моя бы власть, я бы вас обоих с

председателем и косить, и стребать заставила, раз с людьми управиться не умеете.

— С твоей мамашей справишься, как же! — подал голос сверху Прокопыч.

— У каждого сознательность должна быть, — сказал Матвей Сидорович, берясь за вилы.

— А по-вашему, ее нет? — зло прищурился отчаянные глаза, спросила Лена. — Ого! Петька Саватеев уж неделю хрип гнет, для своей буренушки косит, а Митька Булатов, твоя соседка Марья Пивоварова где? Думаешь, на печке прохлаждаются? Как бы не так! Они-то с сеном будут, а не хватит — и вашего пристегнут, мигнуть не успеете. Это вам не «сознательность»?

— Ну и я тоже не окаянный, чтобы каждого уламывать, — с ожесточением сказал Овчинников и, крикнув, поднял на вилах чуть ли не полкопны. — Пуцдай. председатель с ними возится, на то права ему даны.

— И у вас есть права, да вы о них забыли, — ответила Лена и гневно отвернулась. — Пойдем отсюда, Клава.

— Нет, иди уж одна, я тут побуду, — решительно ответила Клава.

— Как хочешь. — И Лена, бросив на Овчинникова пренебрежительный взгляд, пошла к стрекотавшей вдали косилке.

Клава думала, что бригадир нарочно сказал про дождь, однако подняв глаза, поняла, что и в самом деле надвигается гроза. За Двиной уже бушевал ливень, и темная туча, быстро разрастаясь, охватывала всю юго-западную часть неба. Оттуда явственно сквозило холодком, порывы ветра начали шевелить валки подсохшего сена. И хотя солнце над их головой продолжало ослепительно сиять, люди уже не доверяли ему и лихорадочно торопились закончить работу.

Клава взглядом поискала свободные грабли и, не найдя, с мгновение раздумывала, за что ей взяться. Вдруг одна из женщин, лицо которой до глаз было прикрыто платком, сказала:

— Натё мои, а я Гришке подсоблю. — И она побежала к подростку, подвозившему на лошади копны к стогу.

Клава принялась стребать валки. Получалось это у нее не совсем ловко, но вскоре она приспособилась.

Следить за тучей стало некогда да и незачем: грохотало совсем близко, и крупные капли все чаще падали то на руку, то на разгоряченное лицо. Старик, вершивший стог, что-то кричал, и хотя Клава не разбирала — что, она понимала его тревогу и тревожилась сама: успеть бы... Матвей Сидорович молчал, и только опытный глаз мог заметить, с каким нечеловеческим напряжением работал бригадир. Это была виртуозная работа, которой нельзя было не залюбоваться. Клава и любовалась ею, испытывая к Овчинникову огромное уважение и даже гордясь им. Матвей Сидорович словно вырос в ее глазах, а может, он и в первую минуту встречи был таким же сильным и ловким, да Лена разбила это впечатление, осыпав бригадира упреками. Вот взлетел вверх большой ворох сена, и Прокопыч сразу оказался на самой макушке стога и уже выравнивал граблями его крутые бока. Клава не вытерпела и, подбежав, тоже принялась очесывать стог снизу, радуясь, что главное сделано. И когда Матвей Сидорович, бросив вилы-тройчатки, крикнул: «Слезай, Прокопыч!» — Клава была готова расцеловать их обоих...

Туча, клубясь и ежеминутно меняя очертания, стремительно неслась из-за реки прямо на тот обрыв, где еще недавно стояли и смотрели на залитый солнцем луг Лена и Клава. Видно было, как клонились под напором ветра деревья, потом все слилось в серую пелену дождя.

Люди сгрудились под стогом, отдыхая, приводя в порядок вымокшую одежду, волосы. Прибежал мокрый до нитки машинист, с трудом стянул со спины прилипшую к телу рубашку, выжал ее и, снова надев, попросил:

— Катя, дай-ка гребенку.

Катя, та самая, которая отдала Клаве грабли, оказавшаяся молодой черноглазой девушкой, молча вынула из волос гребенку и подала ее машинисту. Ему нелегко было расчесать разломаченный мокрый чуб, но все-таки он ухитрился не сломать у гребенки ни одного зуба, чего явно опасалась Катя.

— Лошади где, Костя? — спросил бригадир, высыпая на ладонь подмоченную махорку и выбирая щепоть посуше.

— Выпрят, стоят. Небось, не размокнут, — ответил Костя, втискиваясь в кучку женщин. — Ей-богу, озяб, пустите погреться.

Он очутился возле Клавы, сделавшей инстинктивное движение, чтобы отстраниться от него. И только тогда Костя заметил «новенькую». Однако он не смутился, смешливо проговорил:

— Извините, ошибся. Здравствуйте. — И присел рядом с Катей.

Все рассмеялись, даже мрачноватый Прокопыч, а Катя сказала:

— Это новый зоотехник, Костя. Ленка Хватова откуда-то привела. «

— Откуда-то! — захохотал Костя. — Ох, и юморист же ты, Катюша. Не откуда-то, а из города, вполне законно и официально. Я же видел, как она с Антоном Ивановичем к нам ехала. Как же вы сюда, на луг-то попали?

— Мимоходом, а тут дождь захватил, — сказала Клава и сама удивилась той непринужденности, с какой прозвучал ее ответ. Ее сразу заинтересовал этот худощавый, веселый, заторелый до черноты парень, и она ждала — о чем еще спросит он.

— Вы, случайно, не комсомолка? — деловито осведомился Костя.

— Да.

— Я так и думал, — обрадованно сказал он. — На учет встанете у меня. Вы не у Хватовых остановились?

— У них. Но хозяйки я еще не видела.

— Ничего, увидите, — многозначительно сказал Костя, выглянул из-за стога и весело объявил: — Ну, все пронесло. И что это за мода такая: как косить — так обязательно дождь. Всю обедню портит. — И противореча самому себе, тут же продолжал: — А благодать какая! Нектар, а не воздух. Ни пылинки тебе, ни жары.. Чего теперь делать будешь, Матвей Сидорович? Сено-то теперь к вечеру только подсохнет.

— Силосовать бы надо, пока время есть, — сказал Овчинников. — Да где людей взять? И телег всего две, не на чем горох-то подвозить.

— Эх, довели хозяйство! — возмущенно заметил Костя и искоса посмотрел на Клаву. — Старый-то наш председатель, Коноплев, мхом оброс, ну, так оно и ве-

лось... Вызовут его, бывало, на исполком, ругают за непорядки, советуют как лучше, а он приедет домой, разопьет со Звонковым пол-литра и думает: «Исполкомов этих я уж сто прошел, а что от них пользы? Ну, поругали, так что из того? На то они и поставлены, чтоб нашего брата шпиговать, так ведь меня от этого не убывло и не прибыло. Хотят, чтоб я колхоз поднимал, а того не знают, каков здешний народ. С таким народом много не сделаешь...» А Звонков, понятно, поддакивает, потому что, по-моему, он рад был, когда Коноплева ругали. Я сам слышал, как Звонков мужикам обещал: Коноплева, дескать, снимут, а тогда я покажу, как надо хозяйствовать... Он, конечно, хозяйствовать умеет, — Костя саркастически скривил губы, — недаром теще новый дом строить собирается. А для колхоза пока ничего такого не сделал, кроме похвальбы. Ну, да теперь Бескуров возьмет их в руки, мужик серьезный. И главное, он в народ верит, не то что Звонков: я да я...

— Ты к чему это? — недовольно и удивленно спросил Матвей Сидорович. — Ишь ты, разошелся! Собрание тут, что ли?

— А к тому, что у тебя телег нет, — отпарировал Костя.

— Много ты понимаешь! — пыхнул сигаркой бригадир. — Сидел бы уж. Все о колхозном богатстве мечтаешь, а у самого, небось, нового пиджака к свадьбе нет.

— Пиджак тут не при чем, — вспыхнул Костя. — Видите, какая у него точка зрения? Лишь бы у него пиджак был, а до общества ему дела нет.

— Это ты верно, Константин, — вступил в спор Прокопыч; до сих пор он, казалось, дремал, смежив старческие, с синими прожилками, веки, а сейчас приподнялся на локте, и все увидели, как напряжались вены на его сухой, тонкой шее. — Худо еще мы об общем хозяйстве думаем. Да ведь как раньше было? Видишь непорядок, а сказать не могли, потому как у Коноплева и Звонкова — чины, портфель под рукой, а у тебя их сроду не водилось. Ну и отбили у народа охоту за общее дело болеть. Дай-то бог, чтобы Антон Иванович таким не проявился.

— Он не такой, дед, — уверенно сказал Костя.

Матвея Сидоровича злил этот разговор. Конечно, Костя и Прокопыч правы, но он-то, Овчинников, в чем виноват? Не он ли отдавал все силы колхозу? Правда, крепкой веры в то, что удастся поднять хозяйство, не было, а теперь и вера есть, и сил словно бы прибавилось. Чего же они старое вспоминают? Вперед надо смотреть да дело получше исполнять — вот что требуется, а не попусту слова разные говорить. Это и он мог бы, а что проку? И Матвей Сидорович, чтобы прервать никчемный, по его мнению, спор, сказал хмуро:

— Ну, бабы, пошли, дождик-то, кажись, весь вышел.

Он протянул большую огрубевшую ладонь, ловя последние капли уходящей на север тучи, и зашагал по мокрой траве, оставляя за собой широкий дымчатый след.

Еще минута, и солнце, словно вырвавшись из плена, снова залило ярким светом обмытый, посвежевший луг, отразившись в мириадах капель, дрожавших на каждой травинке. При каждом шаге капли так и выбрызгивали из-под ног и, неуловимо сверкнув, тотчас гасли, как мыльные пузыри. Давно уже Клавье не приходилось видеть и переживать нечто подобное, и она радовалась всему, что открывалось сейчас перед ней. Люди тоже показались ей посвежевшими, хотя на самом деле они выходили из-под стога неохотно и не очень торопились брать грабли. Только Катя хотела было снять с натруженных ног ботинки и пробежаться по мокрой траве, рассеивая брызги, но вдруг раздумала и почему-то неприязненно посмотрела на Клавины коричневые туфли на толстой пористой подошве.

— Вы куда теперь? — спросил Костя у Клавьи. — А то пойдемте, я вас на косилке прокачу.

— Нет, мне теперь надо до стада добраться. Далеко это?

— С версту будет. Во-он, там за кустарником.

— Ага; найду.

Костя в задумчивости постоял на месте, наблюдая за удаляющейся от него девушкой, почесал затылок и, пробормотав: «М-да, дивчина, кажись, ничего...», — повернул в противоположную сторону.

ХІІІ

Лена нарочно колесила по лугу, а затем по полям, чтобы выйти на берег Согры к определенному сроку. Срок этот она определяла не по часам, а по солнцу и почти никогда не ошибалась. Да и мудро было просчитаться: тропка вдоль Согры вилась на много километров, и Лена знала, что другого пути у Володи не было. Причем встречала она его всегда в разных местах и всякий раз делала вид, будто встретила нечаянно. Володя тоже в первое время удивлялся, но вскоре ему все стало ясно. И он также привык к этой заветной тропке и, бывало, ходил по ней и тогда, когда ему было явно не по пути. А если случалось так, что Лены не было, Володя всю смену работал в мрачном настроении и нетерпеливо ждал, когда она явится замерять вспаханный им участок. Но он умело скрывал свою досаду, и Лена, видя его равнодушие, уходила обиженная, кляня в душе и город, и то, что связывало Володю с ним...

После сильного, но короткого дождя, наполнившего воздух испарениями, духота, казалось, еще более стусилась. Лена медленно брела по мокрой тропинке босиком, перекинув через плечо связанные шнурками стоптанные туфли. Однако скоро солнце высушило влагу; Лена почувствовала, что ей становится неготову от жары. «И чего я иду туда, ведь все равно придется топтать обратно», — подумала она, тоскливо посмотрев вперед. Володи нигде не было видно. Впрочем, он мог быть за любым поворотом, так как тропинка точно повторяла изгибы капризной Согры. Густой ивняк, облепивший берега, в узких местах почти смыкался верхушками над водой, зато на поворотах Согра раздавалась вширь, кустарник редел, подступы к воде оказывались свободными. Лена забрела в речку по колено, постояла с минуту, прислушиваясь к журчанию прохладной воды. Соблазн был слишком велик, к тому же Лена любила купаться, а жара и в самом деле стояла невыносимая. Лена вернулась на берег, быстро разделась и поплыла против течения, наслаждаясь прохладой, чувствуя, как с каждым взмахом пропадает вялость и тело наливается бодрящей силой, готовой преодолеть любое препятствие.

В маленьких, но глубоких речках вода обычно холоднее, чем в больших реках, а в Согре были места, где ледяные струи из подземных ключей могли перехватить дыхание. Встреча с ними всегда была неожиданной и походила на ожог. Попад в холодный поток, Лена невольно вскрикнула, хотя и нисколько не испугалась.

В ответ с берега донесся насмешливый голос:

— Спасать или сама доплывешь?

Лена оглянулась. На берегу, около ее платья, доставая из кармана папиросу, сидел Володя. Лену и обрадовало, и смутило его появление. Она не боялась купаться с деревенскими ребятами, но с Володей еще не приходилось. Возможно, он думал, что она и воды-то боится. Ну что ж, пусть он убедится, что она не из тех нафуфыренных барышень, с которыми он знал в городе. И Лена поплыла дальше, загадывая, что он предпримет: поплывет вслед за ней или станет ждать, когда она вернется. Мысль о том, что он может уйти, не пришла ей в голову.

Володя полулежал, опираясь на локоть, и делал вид, что его занимают куда более интересные вещи, чем Лена. Например, вот этот воробей, прыгающий с ветки на ветку, или золотисто-черная бабочка. Однако искоса он неотрывно наблюдал за девушкой, а когда она скрылась за ивняком, машинально приподнялся и с досады даже папиросу выплюнул изо рта. «Интересно, долго она тут намерена прохладиться? Вот возьму и уйду», — подумал он, но Лена уже плыла обратно, и Володя снова небрежно улегся на землю. Ее платье лежало поблизости, но Володя не заметил его и очень удивился, увидев, что Лена, выйдя на мелкое, идет прямо к нему. Ему, очевидно, полагалось бы отвернуться, но он не мог этого сделать. Сидя как на иголках и растерянно мигая, он смотрел на ладную, сильную фигуру девушки в мокром оранжевом купальнике, смотрел и нелепо улыбался, недоумевая, почему ему и радостно, и неловко, и как-то тревожно, словно сейчас должно было случиться нечто необычайное. Они были здесь одни, а наедине Володя всегда несколько стеснялся Лены. Ах, черт возьми, какая она необыкновенная и красивая! Такой он ее еще не видел. Солнце, река, кустарник, сверкаю-

щий веер брызг — и в центре всего этого она, выходящая из воды, словно прекрасная русалка...

Лена видела, что Володя не может оторвать от нее глаз, но это ничуть не смутило ее. Она подошла уже совсем близко к берегу и только тогда заметила, что взгляд у Володи растерянный и откровенно ласкающий. Ей стало приятно и тепло от этого взгляда. И в то же время легко и весело. Она нагнулась и, захватив пригоршнями воду, обрушила на Володю тысячи брызг. Он вскочил, отряхнулся и миролюбиво сказал:

— Ну, хватит. Одевайся, а то я уйду. На работу опаздываю.

— Можешь уходить. Пожалуйста. А пока отвернись, я оденусь.

Володя нехотя отвернулся, ища в кармане брюк папиросу. Через пять минут они шли рядом по тропке, отгоняя ветками назойливых комаров. Володя был чуть выше Лены, шире в плечах. Шелковая, но уже изрядно пропыленная и кое-где в масляных пятнах тенниска плотно облегала мускулистое загорелое тело. Он редко надевал комбинезон и тем броско отличался от остальных трактористов. Брюки Володя каждый раз не забывал класть под матрац, и они всегда выглядели как только что выглаженные. Мягкие длинные русые волосы были неизменно аккуратно причесаны. Лицо — чуть скуластое, но симпатичное, особенно голубые глаза, смотревшие на мир весело, задорно, а иногда и зло.

Володя шел широким шагом, так что Лена, на ходу расчесывавшая волосы, едва поспевала за ним. Наконец, не вытерпела, сказала с сердцем:

— Тебя, случайно, не булавкой кто подкалывает? Ну и беги, а мне не к спеху.

— Мишка же ругаться будет, ежели опоздаю, — отозвался Володя.

— Как бы не так! Он уже норму давно перевыполнил, лишние двадцать соток ему не помешают.

— Как перевыполнил? — сразу убавляя шаг, спросил он. — Ты откуда знаешь?

— Так я же была у него. Ты хоть и считаешься старшим на машине, а Мишка тебя который день обставляет.

— Ерунда. Случайность, — пробормотал Володя;

он сбоку взглянул на Лену, заметил на ее губах следы насмешливой улыбки, мрачно сказал: — Ты-то за него радуешься не по старой памяти? Знаю про ваши шуры-муры, слыхал.

— Это про какие же шуры-муры? — сузила глаза Лена. — Что же мне и подойти к нему нельзя? Это по какому же праву, интересно знать?

— Ладно, разговаривай с ним сколько хочешь, мне-то что? — злась не столько на нее, сколько на своего удачливого напарника, сказал он. — Не в разговорах дело. Ты и танцуешь все время с ним, как будто других ребят нет.

— Не писал бы своей Любе, и я бы не танцевала.

— Люба тут не при чем.

— Знаю, как ты по ней сохнешь. Пишешь чуть не каждый день, всем известно. Нужен ты ей, как же! Одно письмо за полгода. Ты, наверно, уж до дыр его зачитал и слезами промочил, признайся.

Лена задела больное место. И откуда она знает о письме? Не иначе хозяйка квартиры рассказала. Нет, скорей ее дочь — такая проныра, не дай бог. И Мишка, наверно, знает, недаром он за последнее время разные намеки подпускает. Ну ясно, Ленка ему напела, они ведь старые знакомые. Ладно, Мишке он как-нибудь укоротит язык, но Лена-то зачем с ним связывается. Уж был бы парень как парень, а то так... салажонок и все.

— Я из-за вашего брата, — сказал он как можно пренебрежительнее, — реветь не собираюсь. Чести больно много будет. Ты-то к Мишке чего каждый раз бегаешь? Вдохновляешь его на ударный труд, да?

— И вдохновляю, а что ж такого? — с вызовом ответила Лена. — Он тебе еще не так нос утрет, вот увидишь.

— Это ты на что намекаешь-то? — насмешливо взглянул ей в разозленное лицо Володя. — Не собственную ли персону имеешь в виду? Пожалуйста, я не возражаю.

Его тон, а главное — это обидное слово «персона» окончательно возмутили Лену. Она сейчас же хотела повернуть назад, но передумала и, обогнав Володю, небрежно сказала:

— Ты бы, может, и возражал, да мне от тебя не за-

висит. Сбегай-ка лучше в воскресенье к Любе, авось, смиростивится, ручку разрешит поцеловать. Ну, не разрешит, так хоть издали повздыхаешь — и то легче будет.

— Ладно, не твоя забота, — процедил сквозь зубы сильно уязвленный Володя. Он не стал дотонять Лёну, и она, независимо и вызывающе помахивая веточкой, скоро свернула влево и скрылась за косогором. Володя грыз горький стебелек ивы и следил за голубенькой кофточкой, пока она не исчезла из глаз. И тогда он бегом бросился вперед. Не хватало еще, чтобы Лёна и Мишка наедине смеялись над ним. Лёна удивилась, заметив Володю рядом, но не сказала ни слова и даже ни разу не обернулась в его сторону. Он обогнал ее и, увязая в мягкой пахоте, направился навстречу трактору. На середине поля они встретились.

— Глуши! — махнул рукой Володя.

Старенький, дребезжащий колесник резко дернулся, с облегчением чихнул раза два и стал, туго натянув цепь от плуга. Мишка Чирков, белобровый, коренастый, в грязной майке и в кирзовых сапогах, соскочил на землю и весело поприветствовал старшего тракториста. Володя хотел было подать Мишке руку, но, увидев, что тот улыбается и смотрит мимо него, сухо спросил:

— Машина в порядке?

— Ага, — кивнул Мишка. — Как часики. Вначале худо тянула, а потом наладилась. Три гектарика с гаком на ней отмахал.

Он любил употреблять уменьшительные словечки: «гектарики», «дождичек», «порядочек», «нормочка»... Раньше Володя только посмеивался, а сейчас эти «гектарики» резали слух. «Выхваляется перед Ленкой», — подумал он, по привычке подходя к мотору и заглядывая в него.

Лёна взяла в борозде «сажень» и стала замерять полоску, вспаханную Мишкой в ее отсутствие. Мишка шел рядом, разбивая носком сапога ссохшиеся глыбы земли.

— Домой теперь, а? Или здесь побудешь? — Он выразительно повел глазами в сторону Володи и услужливо принял из занятых рук Лёны тетрадку.

— Нет, домой пойдем, — громко сказала Лёна. —

Ох, да и измазался же ты! Ну, ничего, на речке я тебя отмою.

— Работа у нас известная, — виновато проговорил Мишка и принялся отряхивать брюки от пыли. — Так я же по дороге завсегда в Согре купаюсь, у меня уж такой порядочек. Что новенького слыхать? — спросил он, как будто они не виделись по меньшей мере неделю.

— Да, я забыла тебе сказать: приехала новый зоотехник. У меня будет жить. Славная девушка. Вот я ее на танцы сегодня приведу, увидишь.

— Да мне-то что ее видеть? — усмехнулся Мишка. — Горожанки, они, знаешь, не то, что наш брат. У нас и свои пославнее городских есть.

— Ну, кто, например? — сощурившись, спросила Лена.

— Знаешь, небось, — замялся Мишка.

Володя осмотрел плуг и полез на трактор. Он видел все: вот Лена кончила записывать в тетрадку и улыбнулась Мишке, а тот этак глупо кивнул, словно ему почетную грамоту вручили. Потом он вскинул «сажень» себе на плечо и пошел по борозде, а Лена за ним; видать, они оживленно разговаривали, так как Мишка поминутно оглядывался на Лену.

Вдруг он повернулся к трактору и, помахав рукой, крикнул:

— Счастливо оставаться, товарищ Шишкин!

«Товарищ Шишкин!» Ах ты, чумазый салажонок! Уж не Ленка ли его надоумила? Ну, подожди, я тебе устрою», — с холодным бешенством пробормотал Володя, берясь за рычаг. Но даже и после того, как Лена и Мишка скрылись из глаз, спустившись к Согре, Володя то и дело поворачивал голову в их сторону, как будто надеялся разглядеть, что происходит за бугром. Наконец, устыдившись своей слабости, он устремил взор вперед и, казалось, весь сосредоточился на работе. В конце концов, он должен доказать Мишке, что тот просто ученик, салажонок, ни больше, ни меньше, и что его рекорд — это одна видимость, фикция. Мишка, понятно, гордится своим рекордом, а того не понимает, что эту старую «керосинку» отрегулировал Володя, следит за ней — он. Посмотрим, как Мишка станет с нею управляться, когда Володя перейдет на но-

венький мощный «ДТ». Главный инженер МТС обещал вскорости дать эту машину в бригаду, а кому же ее доверят, как не Шишкину? Бригадир так и сказал на днях: твоя будет машина, Володя... А если не дадут, тогда к черту все, с Шишкина хватит. И без того он тут натерпелся предостаточно. Его, опытного слесаря-наладчика, с детства привыкшего к машинам (отец Володи работал много лет механиком в автоконторе), водителя второго класса, мастера на все руки, которого уважали и ценили на заводе, здесь сравнивали с каким-то Чирковым. Бригадир сегодня предупредил, что колесник придется поставить на силосование. Нечего сказать, интересная работка! Да и то — откажись Шишкин, и Мишка наверняка запарится, что-нибудь заест — и ни с места. Вот тебе и рекордист. Кто бы другой хвалился, только не он. А Ленка, чудачка, носится с ним, как с каким-нибудь вундеркиндом. Допустим, она дружила с ним и раньше, говорят даже, что Мишка собирался засылать к ней сватов, да Ленкина мать воспротивилась. Действительно, мать у нее строгая и не без странностей, но если Ленка загорится — и мать ее не остановит. Да только женишок-то больно неказистый...

Тут мысли Володи приняли другое направление. Он вспомнил, как Лена купалась в Согре, выходила из воды, вся осиянная солнцем, в изумрудном ореоле брызг. А он смотрел и, точь-в-точь как Мишка недавно, глупо улыбался, не в силах ни встать, ни отвернуться, ни уйти от нее.

И еще вспомнился один вечер. Не Мишка, а он, Володя, сдал смену и возвращался с Леной домой.

Тогда он шел сзади и, лаская взглядом ее затылок и плечи, подшучивал над деревенскими игрищами, жаловался на отсутствие «культурных развлечений», говорил, что умер бы здесь со скуки, если бы не было в деревне таких девушек, как Лена. Она спорила с ним, но так мило, что Володя не выдержал и обнял ее, говоря, что во всем согласен с ней. О Любе он забыл тогда совершенно да и потом вспоминал лишь изредка, и вдруг это письмо, которое будто бы он зачитал до дыр. Было бы что в нем перечитывать! Он и бережет-то это письмо только из-за двух фраз: «Конечно, я любила тебя, не буду скрывать. И я не говорю, что нам не суж-

дено встретиться... Но это уж будет, наверно, не то». Чувствовалось, что она сама сомневалась: то или не то будет, когда они вновь встретятся. Он уже не раз бегал в город, а возвращался оттуда все такой же мрачный и расстроенный. Иногда Любу не удавалось найти, а когда они встречались — повторялись прежние упрёки.

Она хочет, чтобы он бросил все и вернулся на завод, а как бросить? О заводе и думать нечего: все ребята в один голос скажут — дезертир. Это ведь по их командировке он приехал сюда. А Люба этого не понимает или не хочет понять. Звать ее в деревню бесполезно, но подождать-то она могла бы. Не век же он станет сидеть в этой дыре.

Володя и сам не понимал, что связывает его с Любой, почему его все еще тянет к ней. И дружили они не так уж долго, и ссор всяких было достаточно, и ревновал он ее ко многим. Но были и счастливые часы, и их-то он и не мог забыть. Да и ссоры бывали разные. Случалось, пока шел от нее к дому — обида проходила, он мчался обратно, вызывал Любу на улицу, и каким же незабываемо сладостным было примирение! Они бродили по окраинным улицам до утра, иногда говорили наперебой, иногда молчали, а иногда... снова ссорились. Вообще, Люба была капризной девушкой, никогда не знаешь, что она выкинет через минуту. Так и сейчас: вот она не отвечает на его письма, возможно, увлеклась другим, но вдруг все может измениться. Ведь она же любила его. А он? Да, конечно, он тоже любил, раз его до сих пор тянет к ней. Но Володю тянуло и к Лене — ничуть не меньше, а даже больше, чем к Любе.

Эта странная раздвоенность чувств мучила и смущала Володю. По крайней мере, до сегодняшнего дня. Теперь-то ему ясно, что Лена просто разыгрывала его. А он-то думал, что она равнодушна к нему. Ну и чудак. Только зачем она напоминает ему о Любе? Просто дразнит, что ли, для собственного удовольствия? С нее станется. Лена и других ребят любит подразнить, такой уж у нее характер. Ладно, с этим кончено, но к чему Мишка-то в эти дела лезет? Что он во всем этом понимает? «Ну, подожди, я на тебе отыграюсь, даром это тебе не пройдет».

Клава долго не могла уснуть в эту ночь. Если б она знала, сколько бессонных ночей предстоит ей впереди, она, наверно, чувствовала бы себя спокойнее. Но она не знала, и потому самые разноречивые мысли теснились у нее в голове, сон бежал прочь. К тому же она боялась проспать утреннюю дойку и часто смотрела на часы. Чужая постель казалась неудобной, пугала и комната, наполненная непривычными тенями. Клава старалась не шевелиться, и все-таки разохшаяся деревянная кровать поминутно скрипела. Не выдержав, Клава встала, тихонько открыла окно. Ночной холод немного освежил и успокоил ее. «Все ли хорошо дома?» — подумала Клава, однако на этот раз мысли о доме не долго занимали ее. Дом представлялся ей таким далеким и недоступным, что не верилось, что она всего лишь вчера была там, держала на руках Женю, укладывала его спать. Затем Клава стала припоминать свои сегодняшние встречи и разговоры с людьми и спросила себя: так ли, как надо, она вела себя с ними?

Пожалуй, вела она себя в общем правильно, но ничего практически полезного так и не сделала. И все-таки день не пропал даром, она это хорошо понимала. Знакомство с Бескуровым, Леной, Костей, Овчинниковым, с той молчаливой дояркой, которая, говорят, до войны была участницей Всесоюзной сельскохозяйственной выставки — разве этого мало? А завтра ей предстоит еще более интересный и, может быть, самый трудный день. Надо душевно подготовиться к нему, еще раз все продумать, наметить план действий...

Перед рассветом Клава задремала. Самое удивительное было то, что приснился ей Бескуров. Будто он вызвал ее к себе и принялся ругать за непорядки в животноводстве. Клава чувствовала, как горят ее щеки, и растерянно говорила ему: «Пожалуйста, отпустите меня домой, я больше не могу...»

Очнувшись она с мокрыми глазами.

На дворе было уже светло, с кухни доносилось звяканье ведер, грузные шаги. Неужели проспала? Часы показывали пять. Клава вскочила с постели, быстро оделась. Хотела незаметно миновать кухню, но Серафима Полиектовна, с которой Клаве вчера вечером до-

велось наедине пить чай, удивленно-ласково спросила:

— Это ты куда же, голубушка, в такую рань?

— Хочу к утренней дойке поспеть. Я же говорила вам вчера. Еще просила разбудить пораньше.

— Как же, помню, помню. Ишь, подхватила! Ежели ты так вот с пяти часов начнешь по деревне мотаться, не надолго тебя хватит. А ты, девонька, умойся, молочка выпей, причешишься, а потом уж и иди. Да не бегом, а степенно, чай, ты не простая скотница.

— Это не важно, Серафима Полиектовна, мне бы, главное, успеть.

— Успеешь, успеешь, — махнула пухлой рукой хозяйка. — Небось, наши доярки еще своих коров не подоили, когда-то еще очередь до колхозных дойдет. Рукомойник у нас на «мосту», там и полотенце висит. Глянь-ко в зеркало, глаза какие красные да затухлые...

Клава сообразила, что и в самом деле неудобно появляться на ферме с заспанными глазами и прошла в сени, которые хозяйка назвала «мостом». Из сеней две отдельные лестницы вели — одна вверх на сеновал, другая вниз — в хлев. На «мосту» находилась и кладовая, замкнутая огромным магазинным замком. Вдоль бревенчатых стен тянулись запыленные полки, заставленные разнообразной утварью — от старого хомута до молочной цедилки. Серафима Полиектовна уже подоила корову и сейчас готовила ей пойло. Перегнув дородный стан, она рукой размешала в ведре отруби, нарезала картошки, положила соли, затем мелко перекрестила ведро и стала спускаться в хлев. Оттуда несло низкое нутряное мычанье. В ответ где-то в углу хлева нетерпеливо хрюкал поросенок. Клава слышала, как ворковала хозяйка над скотиной — так же ласково, как за минуту перед тем говорила со своей квартиранткой.

Вчера Клава узнала, что Серафима Полиектовна ходила в город вовсе не в гости, хотя родственники у нее там были. Вернулась с покупками, и они-то явились главным предметом разговора за чаем. Лена пришла поздно, от ужина отказалась, ушла спать на сеновал. Клаве показалось, что Лена не в духе и что вообще у нее с матерью не все обстоит гладко, хотя Серафима Полиектовна проводила дочь любовно-горделивым

взглядом, сказав: «С норовом девка, а люблю. Невеста растет — дай бог всякому...»

Клава помнила стычку Лены с бригадиром, реплику Прокопыча: «С вашей мамашей управисься, как же!», а также многозначительную усмешку Кости, когда он узнал, что Клава будет жить у Хватовых. Ее отношение к хозяйке странно двоилось, и это очень стесняло Клаву. С одной стороны — Хватова проявляла явное участие и заботу о новой квартирантке, была проста, радушна, необходимо снисходительна, а с другой — все эти разговоры на лугу, какая-то скрытая неприязнь и недоговоренность, когда о ней заходила речь. И все-таки Серафима Полиектовна понравилась Клаве. Они так хорошо поговорили вчера, Клава даже и не заметила, как рассказала многое из своей жизни — так легко и просто было рассказывать...

Как ни спешила Клава, ей пришлось-таки и молока выпить, и домашнего пирога отведать, и причесаться тщательнее, чем обычно, потому что Серафима Полиектовна с ласковой требовательностью предупредила: «Там хоть потоп, а ты себя должна блюсти, пример показывать...» Лишь около шести Клава явилась на ферму и тут убедилась, что Серафима Полиектовна была права: дойка только начиналась. Уходили лучшие утренние часы пастбы, а на ферме почти безлюдно, и только многоголосое мычание разносилось в свежем, напоенном лесным ароматом воздухе.

Впрочем, первое впечатление оказалось обманчивым: люди на ферме были. Среди коров, стоявших у пустых кормушек, мелькали фигуры доярок. От деревни подходили еще две женщины. Неподалеку от входа в скотный двор, на хлипкой, полуобвалившейся изгороди сидел, помахивая длинным кнутом, пастух Захар Любкичев. С ним Клава была уже знакома.

— Видали? Сто разов говорено им, чтоб пораньше управлялись, так разве их прошибешь? С час уже жду, а у них ни у шубы рукав... Подействуйте хоть вы на них, мне уж осточертело ругаться.

Захар был зол, но так как все это повторялось каждое утро, злость была привычным его состоянием. Он просто отводил душу в присутствии нового начальства. Захар работал пастухом давно, лет пять, и считал это своей единственной обязанностью. Зимой отлеживался

на печке, на ферму не заглядывал до весны. Но им дорожили, потому что других охотников пасти стадо не находилось. Сухой, длинноногий, в неизменных резиновых сапогах, ватнике и в выгоревшем кожаном картузе, Захар вполне соответствовал своей должности. И даже тогда, когда он сидел без дела, взгляд его оставался постоянно хищно настороженным, а кнут в заскорузлой руке — угрожающе поднятым. Казалось, вот с его тонких, нервных губ сорвется знакомый любому деревенскому мальчишке крик: «Куда, куда, дура рогатая?! Я те дам!..»

— Скоро выгонять? — спросила Клава, опасливо косясь на извивающуюся по земле плеть. — Ведь можно не всех сразу, дороги коровы знают.

— Нет уж, спасибо, — отрезал Захар. — Разберутся какая куда, а я их собирай? Вы лучше их, — он ожесточенно ткнул кнутовищем в сторону подходивших двух доярок, — их подгоняйте, а за мной дело не станет.

... Когда Захар, звучно хлопая плетью, погнал, наконец, стадо, Клава собрала доярок в молокоприемной. Это было единственное подходящее и чистое помещение, с выбеленными бревенчатыми стенами, с сухим полом и двумя скамьями, на одной из которых стояли бидоны и другая посуда. Кособоко, на одном лишь гвозде, висела доска показателей, значились на ней и фамилии, но мел уже давно окрошился, и прочесть что-либо было невозможно.

Доярки, рассаживаясь, с откровенным любопытством посматривали на Клаву, перешептывались, расправляли подоткнутые за пояс верхние юбки. Лишь одна Татьяна Андреевна Белоглазова, нарядная и невозмутимая, держалась с достоинством. Она спросила у Клавы — надо ли вести протокол, придвинула ей табуретку, сама села поодаль, к окну. Оказавшись в центре внимания, Клава вдруг пожалела, что собрала доярок в помещении, а не на дворе. Все это смахивало на официальное собрание, а ей хотелось просто поговорить с доярками по душам. Она боялась, что не услышит здесь того, что хотела бы услышать, но делать было нечего. Клава решила выяснить положение и заговорила спокойно, негромко:

— С сегодняшнего дня, товарищи, мы будем рабо-

тать вместе. Вы, конечно, и сами видите, что животноводство у нас запущено. Вот вы, — Клава посмотрела на ту молчаливую пожилую женщину в синем платке, со строгим, нахмуренным лицом, с которой познакомилась вчера на пастбище, — вот вы, Анна Михайловна, сколько надаиваете в сутки от своей коровы?

— От которой? У меня их двенадцать, — сказала доярка, еще больше нахмурившись. Неровный, пятнами, румянец проступил на сухом, иссеченном морщинами лице.

— Нет, я имею в виду вашу личную корову, ту, которая у вас дома, — мягко пояснила Клава.

Доярки недоуменно переглянулись, а Анна Михайловна неохотно проговорила:

— Бывает, по десять литров надаиваю, а меньше семи не было.

— А от колхозных коров сколько?

— Сами видели, чего же спрашивать? — Анна Михайловна опустила голову.

Клава видела, но ей хотелось, чтобы об этом рассказали сами доярки. Она не успела спросить остальных — вмешалась Татьяна Андреевна.

— Понятно, к чему вы клоните. Только чего ж тут допытываться? Мы и сами знаем, что удои низкие, хуже некуда. А почему? Думаете, в нас причина? Вот Анна Михайловна когда-то первой дояркой в районе была, а теперь уж и не вспоминают об этом. Неудобно вспоминать, стыдно... И спрашивать у нее нечего. Вы лучше у правления спросите, почему наши коровы доить плохо стали.

— Ну как, по-вашему — почему? — спросила Клава.

И тотчас со всех сторон посыпалось:

— Внимания к нам нету, вот почему!

— Полотенец и тех нет, подойники дырявые. Похозяйски это?

— Тут ежели разобраться — бежать с фермы надо. Маемся с утра до ночи, а уважения нам ни в чем.

— У людей и запарники эти самые, и вода по трубам подается, а у нас что?

Клава знала: доярки преувеличивают свои беды, это уж вошло в привычку, особенно у тех, кто сам плохо работал, но она была довольна, что они разговари-

лись. Молчала одна Анна Михайловна. С безучастным выражением на строгом лице она мяла в крупных потрескавшихся темных пальцах концы синего платка, иногда оглядываясь на кого-либо из говоривших, и снова опускала глаза. Ее молчание смущало Клаву. Она робко спросила:

— Анна Михайловна, а у вас разве нет никаких претензий?

Говор враз смолк. Даже Татьяна Андреевна, прервав себя на полуслове, села на место, отвернувшись к окну. Все смотрели на эту пожилую, с печальными глазами, женщину, и Клава поняла, что здесь не часто слышат ее голос. Анна Михайловна поднялась с явной неохотой, но уже одно то, что она не стала говорить сидя, как все, взволновало и почему-то обрадовало Клаву.

— Как же, есть, не без этого, — тихо начала Анна Михайловна и натуго завязала концы платка под подбородком; подумала немного и продолжала громче: — Обида у меня особая, да не об ней речь. Тут говорили: того нет, этого не хватает, я с этим согласна. Уж который год вот так-то шумим, на правление пальцем показываем, а в правлении-то кто сидит? Такие же мужики и бабы, как мы с вами. Так и шло до последнего времени: мы их, а они нас укоряют. А толк какой? Выходило, что в чужом глазу соринку видим, а в своем бревна не замечаем. — Голос ее окреп, серые глаза стали строже. — Верно, правление виновато, но давайте и себя спросим: так ли мы работаем, как надо? Ну, хоть ты, Евдокия, скажи...

— Чего я буду говорить? — вспыхнула одна из молодых доярок, низенькая толстушка с румяным круглым лицом и широко расставленными сердитыми глазами. — Тебе хочется, так высказывайся.

— Не охотница я высказываться, да уж коли встала — скажу. Про то скажу, что мы и без правления могли бы сделать, а не делаем. Навозом наши коровы обросли — это не наших рук дело? Пригонят их вечером, наелись ли они, нет ли — нам и горя мало. Травки им редко кто подбросит, некогда — о своей худобе забота. А доим как? Кто не поленится, тот на пастбище днем сходит, да и то не каждый раз. В других колхозах скот и ночует в лагере — долго ли навесы сделать? — а мы

его гоньбой замучили. Бывает, выгоним часов в восемь, а в шесть уж обратно во двор. Откуда же удоев ждать? Я вот стала клевер да гороховину косить, своих коров подкармливать, а мне говорят: га, ей больше всех надо, опять на выставку захотела... Какая уж там выставка, не до этого. А раз новый председатель сказал: косите горох, не жалейте, пока он нежный да сочный — значит, всем это надо делать. Да и трава для подкормки найдется. Почему же мы этого не делаем? Сами видите — горох-то мне сразу по два литра прибавил. Ну, механизация, это, понятно, враз не сделаешь, но Антон Иванович давеча мне сказал: будет и механизация, шефы помогут. А мы, к слову сказать, как иногда рассуждаем? Подайте нам все, а там поглядим. Для иных, чего уж греха таить, только та и корова, которая в своем хлеву. Ей и пойло, и травка на ночь, и уход, а которая на общем дворе — ей, бедной, ничего разве не надо? Вот когда мы сами начнем за общее дело болеть, тогда и с правления можно все потребовать... Да и то, — добавила Анна Михайловна с посветлевшими глазами, — будто уж и заботы о нас нет? Когда аванс получали, ты, Дуська, первая обрадовалась: вот, дескать, спасибо Антону Ивановичу, вспомнил про нас. Другие только обещаниями нас кормили, а он взял да и выдал. Помните, как он сказал? Сейчас вы все по 5 копеек за выдоенный литр получаете, а план будете выполнять — вдвое больше получите, а если сверх плана — то и в пять раз. Вот я и думаю: раз председатель сказал — так и будет... Это, по-вашему, не забота?

— А мы и не отказываемся, — сказала Дуся. — Только где он денег-то столько возьмет? Может, их год ждать придется.

— Будем побольше молока надаивать — и деньги появятся, — ответила Анна Михайловна.

— Вот ты сказала: с себя, дескать, надо начинать, — сухо заговорила Татьяна Андреевна. — Выходит, по-твоему, с правления и требовать нечего?

— Как это нечего? — возразила Анна Михайловна. — Да как мы требовали-то, Татьяна Андреевна? Так, пошумим промеж себя, а чтоб добиться чего — этого не было. Ну, правда, когда и говорили, то слушали нас худо, все по-старому оставалось. Теперь, при

новом-то председателе, знать, по-другому будет. Вот и животехника нам прислали — тоже подмога (Клава и Татьяна Андреевна не могли скрыть улыбки: очень забавным показалось им это неожиданное и в то же время многозначительное слово «животехник»). Только я опять повторяю: самим надо лучше работать. А то вот вчера Дуська прогуляла где-то, утром совсем не пришла, какую корову успели подоить, какую, может, и нет — ладно, сойдет... А раз ты здесь бригадир, значит, должна за порядком смотреть, спрос с нее учинить.

— Я ей сделала замечание, а что же еще? Может, коров надо было за нее доить? — изогнув черную бровь, с вызовом сказала Татьяна Андреевна.

— Замечаний-то у нее, поди, уж сто набралось...

— Так что же, выгнать ее?

— Я и сама уйду, — крикнула Дуся. — Давно прошусь, чего же не отпускаете?

— Никуда ты не пойдешь, не кричи. А исправляться надо, до каких пор в бирюльки будешь играть? — строго сказала Анна Михайловна и села. Дуся яростно взглянула на нее, однако промолчала.

— Вы будете говорить? — официальным тоном обратилась к Клаве Татьяна Андреевна.

Клава кивнула, перебирая в уме, что же сказать. Конечно, настроение у доярок сейчас иное, чем в начале, но ясно, что Анна Михайловна не смогла убедить их до конца. Слишком уж неожиданно и непривычно то, что от них требуют. Да и сама Анна Михайловна опять потупила глаза, словно стыдясь собственной смелости. Но, так или иначе, Клава не сомневалась, что старая доярка поддержит ее, а это многое значило. И Клава сказала:

— С сегодняшнего дня, девушки, мы часто будем вот так собираться и сообща решать, что надо сделать, чтобы удои не падали, а росли. Во-первых, заведем строгий учет — кто сколько надоил и от какой коровы. Зеленую подкормку введем обязательно — без нее все наши старания пользы не принесут. Вы и сами понимаете это... Утреннюю дойку будем заканчивать в половине шестого, не позже...

Ее перебило сразу несколько голосов:

— А дом на кого бросить?

— Другие в девять часов на работу выходят, а мы, значит, на особицу?

— Печку истопить, скотину прибрать — все сама, помощники-то у меня еще под стол бегают. Что же мне, разорваться?

— Вам дородно одной-то: туфельки обула и готова...

Все это тоже было знакомо Клаве: недаром она выросла в деревне. Столь явное противодействие придало ей решимости. Переждав гомон, она тем же ровным голосом повторила:

— Утреннюю дойку будем заканчивать к половине шестого, иначе никак нельзя. В общем, девушки, дел много. Не сделаем мы — кто же за нас сделает? Начнем сперва с распорядка дня, а там и за остальное. Ваши претензии я правлению передам, станем добиваться, чтобы они были выполнены. Все в наших руках. Неужели не осилим?

Клава с надеждой оглядела доярок. Ответом ей было тягостное молчание. Затем произошло то, чего Клава никак не ожидала: доярки, сидевшие ближе к дверям, поднялись, поспешно стали расходиться. Вышла из молокоприемной и Анна Михайловна...

XV

До сих пор Клава думала, что все самое тяжелое и мрачное, что могло случиться в ее жизни, уже случилось, пережито и не повторится никогда. Она считала себя теперь достаточно опытной, у нее была ясная цель, вернее, две цели, слившиеся в одну, — работа, воспитать сына, вырастить из него честного, хорошего человека. Клава определила эту цель давно, почти сразу после разрыва с Борисом, и с тех пор неуклонно стремилась к ней. Многого она уже сумела достичь: наконец-то окончен техникум, получена самостоятельная работа, а дальше, казалось ей, все пойдет легче и проще. Самым трудным было получить специальность, и вот она имеет ее. Торопясь в колхоз, Клава говорила себе: я выросла и долго жила в деревне, знаю тамошних людей и их заботы, ничего необычного или страшного не увижу, особенно теперь, когда у меня есть знания и некоторый жизненный опыт.

И все-таки действительность если и не опрокинула, то сильно поколебала ее веру в свои силы и способности. Это был экзамен посерьезнее, чем в техникуме. Если там всегда под руками были учебники, то здесь никто не скажет ей, почему, например, ушла с собрания Анна Михайловна Хребтова, так прямо и откровенно рассказавшая о недостатках на ферме? Клава так на нее надеялась! Вот с Татьяной Андреевной как-то яснее: та сама заявила, что работа на ферме ее не устраивает и вообще «все надоело». Дуся кричала просто потому, что ей нечего было сказать в оправдание, а к тому же она отлично знает: доярки в колхозе наперечет, заменить ее будет трудно. И многие так рассуждают: плохо работаем — увольте, сделайте милость, жаловаться не будем...

Понятно, что подобные настроения зародились не сейчас, враз с ними не покончишь. Но перемены неизбежны, потому что каждый видит: партия, весь народ всерьез взялись за подъем сельского хозяйства. Догнать Америку по производству молока, масла и мяса на душу населения! Ох, какая это трудная, но и почетная задача! Трудная для каждого колхоза по-своему. В «Восходе», к примеру, слишком уж привыкли к беспорядкам, как-то сжились с ними и плохо верят, что у них возможны перемены к лучшему. Вот в других колхозах, побогаче да посильнее — да, а у них — нет. Клаве уже пришлось услышать, как один из колхозников, прочитав в газете об успехах передового в районе колхоза «Строитель», сказал: «Ну, там — другое дело, у них и председатель башковитый и условия не те, что у нас...» Клава бывала в «Строителе» и знала, что никаких особых условий там нет, просто порядка больше, но переубедить колхозника не могла. Очевидно, убедить его можно только делами, а дела в «Восходе» пока еще не блистали.

Что ж, для того они и посланы сюда с Бескуровым, чтобы доказать колхозникам, убедить их: все зависит от вас самих, товарищи. Убедить и заинтересовать в труде, который один — источник силы и богатства. Партия говорит: энтузиазм плюс материальная заинтересованность — вот верный путь к новому крутому подъему. Именно так. Бескуров просто молодец, что нашел возможность авансировать животно-

водов, несмотря на скудность колхозной кассы. Что бы там ни говорили доярки, а это их здорово обрадовало. Затраты, конечно, окупятся с лихвой, а ради этого не стоит жалеть средств.

Еще будучи в городе, Клава слышала, что готовится районное совещание животноводов. Предполагалось собрать не одних передовиков, как это делалось раньше, а всех, без исключения, работников животноводства, дать им возможность рассказать о своих нуждах, поделиться опытом, сообща посоветоваться, как работать дальше. Лучшим, а также проработавшим в животноводстве по многу лет, будут вручены подарки. Это очень хорошо. Люди всегда ценят внимание, а этого-то как раз и не хватало подчас дояркам. Напрасно Клава не рассказала им о предстоящем совещании. Впрочем, она еще успеет это сделать. Сейчас главное — сойтись с ними поближе, особенно с Анной Михайловной и с той черненькой, с косами, Аней, которая тоже очень понравилась Клаве. Клава даже и не сказала ничего про доску показателей, лишь выразительно посмотрела на нее, а эта смутлянка уж догадалась в чем дело, схватила табуретку, повесила доску на второй гвоздь и переписала заново фамилии. Потом Клава разговорилась с ней и убедилась, что Аня поддерживает ее во всем. Но все-таки первое впечатление было невеселое.

Перед обедом Клава узнала, что в конторе идет заседание правления. «Могли бы меня известить, — ревниво подумала она. — Или не считают нужным мое присутствие?» Она решила, несмотря на возникшую обиду, пойти, так как всяких вопросов у нее накопилось немало. Ремонт конторы не был еще закончен, но и сейчас она уже выглядела эффектно: крыльцо совершенно новое, в самой избе появились три кабинета — один побольше для заседаний, второй для председателя, третий для заместителя и бухгалтера. Переборки только начали ставить, однако планировка была достаточно ясной. Клава вошла незаметно, присела на кончик скамейки у самых дверей, едва сдерживая кашель от едкого махорочного дыма. Тут были сам Бескуров, знакомые Клаве Овчинников и Сухорук, какой-то досиня выбритый человек в полувоенном костюме, еще один — длинношней, благообразный, с

седыми завитками волос вокруг лысины, еще пять или шесть мужчин. Говорил Бескуров.

— Вы же отлично знаете, товарищи, что эти отдаленные и труднодоступные участки не выкашивались годами. Просто не хватало ни сил, ни времени для этого. И теперь мы их освоить не в состоянии, это тоже ясно каждому. Так в чем же дело? Почему мы эти восемьдесят гектаров не можем по договору отдать лесопункту при условии, что шестьдесят процентов заготовленного сена пойдет колхозу, а сорок процентов — государству?

Бескуров, нервно крутя в руках пресс-палье, как видно, не первый раз задавал этот вопрос и ждал ответа. Все, однако, молчали и усердно дымили кто сигаркой, кто папиросой. Наконец, послышались отдельные голоса.

— Оно бы выгодно, да закон не позволяет...

— Пробовали мы однава так-то сделать, прокурор сказал: не имеете права торговать колхозной землей. Отвечать, мол, будете. А кому же охота отвечать? — сказал длинношей (как потом узнала Клава, это был бригадир третьей бригады Прохоров).

— Да, операция, как ни поверни, противозаконная, — скромно потупив глаза, подтвердил человек в полувоенном костюме — Платон Николаевич Звонков.

— Да какая же это торговля? — начиная терять терпение, спросил Бескуров. — Земля была и останется нашей, но раз мы ее не в силах освоить, почему она должна пропадать без пользы? Не вижу в этом никакого здравого смысла. Вот уже поистине: сами не едим и другим не дадим. Ведь вы же эти участки из года в год оставляли нетронутыми, так?

— Верно, пропадала трава зазря, — кивнул Сухоруков.

— А там сотни центнеров сена! — с силой сказал Бескуров и пристукнул по столу пресс-палье. — Что, они нам не нужны? За их счет мы сможем лучше обеспечить сеном честных колхозников и вдоволь запасти кормов для общественного скота. Я согласен, если судить формально — это, может быть, и противозаконно, а если по существу — это государственный подход к делу. Сено требуется и колхозу, и лесопункту, а ведь

лесопункт — не частная лавочка. Какие еще будут мнения?

Снова наступило неловкое молчание. Звонков не поднимал глаз, как будто дело его не касалось, Прохоров сосредоточенно глядел в потолок, словно обнаружив там что-то интересное. Клава поняла, что остальные смотрят на этих двух, но вдруг Сухоруков брякнул по столешнице единственным своим кулаком, яростно сказал:

— Какого черта! Дело ясное! Заключай, Бескуров, договор и баста.

— Известно, волков бояться — в лес не ходить, — поддержал Овчинников. — Время уходит, а мы тут толчем воду в ступе.

Бескуров перевел взгляд на Звонкова и Прохорова, но те только плечами пожали: дескать, вы решили, вы и отвечайте, а мы тут не при чем. Бескуров понял это, гневно сверкнул глазами:

— Ладно, отвечать буду я... Афанасий Петрович, — обратился он к бухгалтеру Давидонову, — сколько у нас на сегодняшний день застоговано сена?

Тот, бережно поправив галстук под вельветовой курткой, не спеша порылся в бумагах, с озабоченным видом пощелкал на счетах и отчеканил:

— Сто тридцать две с половиной тонны, или тысяча триста двадцать пять центнеров.

— Это по данным бригадиров?

— Само собой, по их данным, — несколько удивленный вопросом сказал Давидонов.

— Так вот, товарищи, это липовые данные, — объявил Бескуров, обращаясь ко всем. — Стога и скирды у нас обмеряются на глазок, как кому бог на душу положит. Почему в прошлом году у вас получился просчет в кормовом балансе? Да потому, что на бумаге было одно, на деле — совсем другое. Начисление сена на трудодни производилось тоже по этим вот данным. Понятно, если они преувеличены — понесет убыток колхоз, а если преуменьшены — в обиде останутся колхозники. Пора с этим кончать. Предлагаю создать авторитетную комиссию под руководством зоотехника и произвести точный обмер всех стогов и скирд. Тогда и в расхождении сена в зимний период не будет ошибок. Есть возражения?

— Лишняя работа,—сказал негромко Прохоров. — У меня глаз верный, да и другие не новички.

— А вот мы проверим. Кто еще хочет высказаться?

— Что там говорить, проторали мы на этом деле. Я за комиссию, — поднял руку Иван Иванович Сухо-руков. Возражений больше не было.

— О поощрении работников полеводства в первые десять дней уборки мы уже, кажется, договорились. Давайте не менять собственных решений: полагающийся на трудодни хлеб выдавать сполна и в срок, — еще раз напомнил Бескуров, и Клава заключила, что, видимо, и по этому вопросу правленцы жарко поспорили. — Это поможет нам быстро и без потерь убрать зерновые. Теперь насчет всякого рода рваческих элементов... — Бескуров вышел из-за стола и тут только заметил Клаву; она, заинтересованная тем, что тут происходило, смогла на него во все глаза, боясь пропустить хоть слово. Бескуров чуть кивнул ей, улыбнулся, словно хотел сказать: «Это хорошо, что вы здесь», — и продолжал: — Партия и правительство предоставили нам право самим планировать производство, вносить изменения в Устав сельхозартели. Ну, что касается производства, то тут нам еще думать и думать надо, а вот Устав вы разработали и приняли хороший. Одно плохо: забыло правление о нашем Уставе, а лодыри этим пользуются. Есть, к примеру, в Уставе такое положение: урезывать приусадебные участки у тех членов колхоза, которые злостно и беспричинно не вырабатывают минимума трудодней. Правильное это положение? Безусловно. Нельзя терпеть, чтобы лодырь наравне с честным работником пользовался всеми правами члена колхоза, жил на его земле и не нес никаких обязанностей. Было ли хоть раз применено это положение к одному из наших «шабашников» и тунеядцев? Я что-то об этом не слышал. Выходит, мы сами потворствуем тунеядству и стяжательству и, значит, расхолаживаем честных тружеников. Они показывают пальцем в того же Петра Саватеева и говорят: вот он не работает в колхозе, а живет лучше меня. Конечно, трудодень у нас пока не очень-то грузен, но если все будут трудиться честно, тогда мы даже базарнику докажем, что единственно верным

источником благополучия является колхоз, общественно полезный труд. А это время не за горами...

— Дай-то бог!

— Саватееву докажешь, жди...

— А ведь верно, про Устав-то мы забыли, елки-палки...

Бескуров выждал тишину, сказал:

— Отныне Устав всегда будет лежать у меня на столе, пока наизусть не выучу. А к бригадирам у меня такая просьба: предупредить об этом кого следует, чтоб в случае чего не отговаривались, будто они не знали. Понятно?

— Это-то понятно! — удовлетворенно хохотнул Овчинников. — Давно бы так. Ты вот что еще, Антон Иванович, скажи. Как будет с тем сеном, которое иные пристегай-колхозники самовольно нахапали?

— А ты не знаешь как? — спросил Бескуров. — Создай комиссию, выяви это сено и оприходуй, ясно?

— Ну, это я с моим удовольствием обтяпаю, — тотчас сказал Матвей Сидорович. — Я-то наперечет этих хапуг знаю.

— Гляди, Сидорович, как бы тебе самому бороду не обтяпали, — полусерьезно, полунасмешливо вставил Прохоров.

Кое-кто рассмеялся, а Овчинников сердито повернулся к Прохорову, с застарелой неприязнью сказал:

— Ты-то, конечно, по сеновалам не пойдешь, потому как у тебя там кругом дружки да родственники. А пошарить у них надо бы, ох, надо...

— Длинный у тебя язык, Матвей, а послушать нечего, — холодно проговорил старик Прохоров и встал. Клава заметила, что у него такие же длинные руки, ноги, как и шея, а туловище плоское, короткое. Мысленно она сравнила его с осьминогом, хотя и сознавала, что сравнение это грубое и не совсем удачное. Но ничего другого в голову не пришло. Прохоров, подняв маленькую горбоносую голову, с достоинством вышел в сени. Вслед ему Овчинников язвительно процедил:

— Не понравилось, видать. Сказать-то нечего, вот и поперся...

Вскоре стали расходиться и остальные. Клава видела, как Звонков вытащил из портфеля какую-то бумажку и вплотную заговорил с Бескуровым. Тот мор-

щился, недоверчиво вскидывал на завхоза серые, заметно усталые глаза, а потом подписал бумажку, и Звонков сразу точно испарился. Клава подошла к столу.

— Ну, как дела? Где были, что видели? Рассказывайте, — оживленно заговорил Бескуров, и все его лицо, энергично-моложавое, резковато, но не грубо очерченное, с чуть приметной ямочкой на подбородке, как-то неуловимо прояснилось и показалось Клаве простым, добрым и веселым. Прядка русых волос упала на высокий, с небольшими залысинами, лоб, Бескуров ладонью отбросил ее назад, положил руки на стол и приготовился слушать. Взгляды их встретились, и Клава не сразу отвела глаза и даже не почувствовала никакого смущения, хотя вообще-то легко смущалась.

Она негромко стала рассказывать о своих впечатлениях, об Анне Михайловне и Дусе, передала претензии доярок, высказала и собственные соображения. Бескуров слушал внимательно, временами то удивленно, то задумчиво произносил: «Вон как!.. Ну, ну, понятно...» — и не спускал с Клавы глаз даже тогда, когда доставал папиросу и закуривал.

— Да, конечно, во многом они правы, — заговорил он, когда она кончила. — Я считаю, что животноводство — наиболее трудная и сложная отрасль, и за нее надо браться всерьез и по-настоящему. Очень хорошо, что вы приехали, Клавдия Васильевна, без специалиста нам было бы в десять раз труднее. Ладно, что можно, мы сделаем для доярок немедленно. Я скажу Звонкову, чтоб он обеспечил их одеждой и инвентарем. Авансировать их будем аккуратно, можете им это обещать. Ферму обязательно механизуем к осени. Приедут ребята с литейно-механического, с ними я договорился. Надо нам найти на фермы подменных доярок, чтобы люди имели возможность пользоваться выходным днем. Нельзя же так — изо дня в день, из года в год, без выходных. А насчет стойлово-лагерного содержания — с этим придется, я думаю, подождать. Просто не успеем мы это дело организовать, лето-то на исходе. А на будущий год — обязательно. На дневную дойку выделим лошадь, чтоб доярки не ходили пешком. Травы для подкормки поблизости мало, это верно, поэтому не жалейте, косите горохо-овсяную

смесь, пока она не огрубела, не потеряла вкуса для коров. А то здешний народ удивляется: как же можно горох скармливать скоту! Ведь это же горох, не трава... Им его жалко, а того не понимают, что сейчас горох — это молоко, много молока. В будущем году этим горохом и клевером мы засеем в три раза больше земли, чем нынче. Я так считаю, что если мы ничего не пожалеем для коров, то и они для нас тоже не пожалеют молока. — Бескуров улыбнулся, улыбнулась и Клава. Она слушала его с восторгом — столько силы и уверенности было в его словах. Он как бы открывал перед ней дверь в будущее, за которое она должна была бороться, и ей казалось теперь, что она знает, как бороться. А если в чем и ошибется — Бескуров поможет ей.

— Но главное — конечно, люди, — сказал Бескуров, прямо, но как-то ненавязчиво, доброжелательно смотря ей в глаза. — Все зависит от них, одни мы ничего не сделаем. Воодушевить их, зажечь стремлением идти вперед — вот наша задача. А люди здесь в большинстве хорошие, с ними можно горы свернуть. Разная там накипь, примазавшаяся к нашему великому делу — не в счет, хотя она всегда нам мешала и будет еще мешать. Взять хотя бы... Впрочем, я не то хотел сказать... Есть и просто люди с отсталыми взглядами, заблуждающиеся или ошибающиеся — этих мы должны поставить на правильный путь и поставим. Сама жизнь поставит... Ну, — опять улыбнулся он, — я тут вроде агитирую вас, а это совсем уж лишнее. Скажите, познакомились вы со своей хозяйкой, а?

— Да, познакомилась. И знаете, она мне понравилась. Очень, по-моему, добрая женщина.

— Ну, коготки она не всякому кажет. А вы для нее — выгодный постоялец, зачем же ей обижать вас?

— Какая же от меня выгода? — рассмеялась Клава. — В общем, я пока довольна, а там видно будет. А вы у кого живете, Антон Иванович?

— У Белоглазовой, — невнятно ответил он. — Но это временно, придется подыскать что-нибудь другое. Так вы куда сейчас?

— Схожу еще на свинарник, очень уж там грязно. — Клава встала, жалея почему-то в душе, что разговор кончился так внезапно. — Вы слышали, Антон Иванович, что в марте и апреле здесь продали за бес-

ценок около двухсот поросят двухнедельного возраста? А ведь летом мы бы их легко продержали и выручили бы в двадцать раз больше. А кроме того, имели бы разовых свиноматок.

— Да, слышал об этом. Разбазарили поголовье, а оправдание такое: дескать, наличные деньги и никаких хлопот. Хлопот, действительно, нет, но и мяса тоже нет. Деньги, наверно, были, да в колхозную кассу попали крохи. Коноплев в то время уже болел, ку, Звонков, видать, и разворачивался.

— Да, обидно, — начала Клава, но поскольку Бескуров встал, собираясь уходить, ей ничего не оставалось, как попрощаться и выйти из конторы...

XVI

Прошло несколько дней. Для Клавы это были беспокойные дни. С утра она шла на ту или иную ферму, следила за дойкой, постепенно изучала стадо, беседовала с людьми, работала рядом с ними, днем вместе с председателем ревизионной комиссии, кладовщиком и Костей Проскураковым заново обмеривала на лугах стога сена, составляла соответствующие акты. Как и предполагал Бескуров, точный обмер выявил большую разницу между фактическим наличием сена и сводками. Подвел «верный глаз» и Якова Игнатьевича Прохорова: у него оказалось сена чуть не в полтора раза больше, чем числилось в книгах у Давидонова. По этому поводу у Кости с бригадиром произошел такой разговор:

— Это вы чем же руководствовались, Яков Игнатьевич, когда этак-то обмеряли стога?

— Справочником, чем же? — огрызнулся Прохоров. — Сельхозгизом издан, могу показать.

— Да нет, я не о том спрашиваю, — спокойно продолжал Костя. — Куда лишнее-то сено должно было пойти?

— Как куда? Ты дурачком-то не прикидывайся и воду не мути, молод еще. По-твоему, цифрами скот можно накормить? Туда бы и пошло, куда ему богом предназначено — в кормушки коровам, лошадям да овцам.

— Это, конечно, так, — не без ехидства прогово-

рил Костя, — только неизвестно, в чьем хлеву эти кор-
мушки находятся.

Яков Игнатьевич смерил Костю презрительным
взглядом и с достоинством удалился. Костя посмотрел
ему в спину, усмехнулся.

— Не хочет даже разговаривать... Ох, и хитрющий
мужик. Заметили, Клавдия Васильевна, колхозники
его побаиваются, а почему? Захочет — озолотит, не
захочет — по миру пустит. Кержаки, живут в лесу на
отдалёнке, сват да брат кругом, ну, и молчат. Яков-то
Игнатьевич до укрупнения колхозом в Ельниках вер-
ховодил, да он и сейчас хозяином себя чувствует.
Учетчика себе завел, а люди говорят: никакой он не
учетчик, а самый настоящий бухгалтер. Так сказать,
двойной учет с Давидоновым. Что — колхозу, что —
себе или на сторону...

— Зря ты это, Костя, — сказал председатель ре-
визионной комиссии. — Фактов-то у тебя нет, чего же
наговариваешь на человека?

— Потому и фактов нет, что тонко все делается.
Слухи-то идут, а зря народ говорить не станет. Вот вы
бы взяли да проверили, тогда и факты бы появились.

— Думаешь, не проверяли? Однако ничего такого
не обнаружилось...

— Значит, плохо проверяли, — упрямо сказал
Костя.

Председатель махнул рукой...

Клаву это не особенно интересовало, ее мысли бы-
ли заняты другим. Хотя некоторые перемены к лучше-
му на центральной ферме всем бросались в глаза,
Клава понимала, что сделано еще очень мало. Отноше-
ние к ней доярок по-прежнему оставалось неопределен-
но-выжидательным: поегозит, мол, новый зоотехник
на первых порах, а потом привыкнет и успокоится.
Установленный ею распорядок соблюдался туго, с пре-
реканиями, но утешало то, что Анна Михайловна и
Аня Сушкова открыто поддерживали Клаву и при слу-
чае крепко, по-свойски, стыдили и отчитывали неради-
вых. Как скоро убедилась Клава, Анна Михайловна бы-
ла поистине великой труженицей. Несмотря на то, что
у нее на руках было трое детей (муж умер два года на-
зад), Хребтова лучше других управлялась с домашним
хозяйством и всегда первой приходила на ферму. Ка-

залось, она и минуты не сидела без дела. Проводив коров на пастбище, Анна Михайловна сразу же принималась чистить стойла, потом брала косу и шла в поле или в ближайший овраг, где по склонам росла хорошая трава, возила накошенную Зеленку на скотный двор, потом носила воду и сливала ее в огромный котел на кормокухне. Придя домой, бралась за посуду, мыла, скребла, подметала в избе, штопала ребячью одежду, поливала, полола грядки и окучивала картофель... Ее и в темень, когда уставшие люди зажигали огонь, ужинали или уже отдыхали, можно было увидеть за работой дома, а то и в огороде. Проходя, иные женщины спрашивали: «Анна, ведь спать пора, неужели ты не устала?» А она в ответ, не разгибая спины: «Вот грядку доплю и пойду...»

Тем обиднее было Клаве видеть, что, хотя Анна Михайловна явно одобряет и поддерживает ее действия, она в то же время почему-то сторонится ее, на вопросы отвечает неохотно, кратко и сухо. Клава терялась в догадках, нервничала. Наконец, улучив момент, когда Хребтова, закончив вечернюю дойку, отправилась домой, Клава пошла вместе с ней. Долго и мучительно подыскивала слова, чтобы начать разговор, и заговорила совсем не о том, о чем хотела.

— Сегодня Красавка опять прибавила молока. По-моему, она вполне может давать литров десять, а то и двенадцать. Сколько она зимой давала?

— Кабы кормов было в достатке, Красавка после отела больше пуда дала бы, — с тихой гордостью за свою любимицу сказала Анна Михайловна, и глаза ее потеплели. — А у нас ведь как — сено да солома, концентратов редко бывает, покупать их не на что, силосу тоже мало. Ох, как силос коровы любят! А у меня и Фея молока прибавила, видели?

— Да, я знаю, — кивнула Клава. — А вот у остальных доярок пока все по-старому.

— Ленятся — вот и по-старому. Дуська кинула вчера с охапку травы, а чтоб последить, как коровы ее поедят — где там! Сейчас же и след простыл. Все гулянка у нее на уме.

— А вот Аня старательная, только коровы у нее очень уж запущенные.

— Ничего, поправятся. Она ведь недавно их при-

няла. Конечно, Анька Дуське не ровня. Вот только не-терпеливая она, доить худо умеет, учить еще надо.

— Вот если бы вы ей показали, Анна Михайловна, она бы живо переняла.

— А я и так показываю. Она, и верно, переимчивая, понятливая девка...

— Помните, Анна Михайловна, наш первый разговор, в молокоприемной? — волнуясь, сказала Клава. — Ну вот, мне все хочется спросить: почему вы тогда ушли? Говорили все правильно, хорошо, а тут встали и вышли...

Что-то дрогнуло в лице доярки — то ли брови враз опустились, то ли морщинок прибавилось вокруг скорбно сжатого рта. Она стиснула шероховатыми, темными пальцами концы платка, с минуту шла молча, потом тихо и невнятно ответила:

— Стыдно было, вот и ушла...

Клава не совсем поняла, почему Анне Михайловне было тогда стыдно, но расспрашивать она не решилась. Так они и дошли молча до дома Хребтовой. Доярка взялась уже за кольцо, вдетое в калитку, но вдруг обернулась, обдала Клаву прямым горячим взглядом.

— За себя было стыдно, девушка, да и за других тоже, ох, как стыдно... Да разве мы не видели раньше, как у нас плохо? Я-то разве не замечала? Все замечала, да притерпелась, рукой на все махнула. А ты пришла и нас уговариваешь: неужели, мол, не осилим? Я в ту ночь долго не могла уснуть, так-то уж горько было. А что ушла, так ты на это не обижайся, сдуру это я...

— Что вы, я нисколько не обижаюсь, — обрадованно и благодарно сказала Клава. — Какие могут тут быть обиды. Мне главное, чтоб откровенность между нами была, доверие. Вы не представляете, у меня сейчас будто гора с плеч!.. Спасибо вам.

— Да уж тебе спасибо-то, а не мне, — впервые улыбнулась Анна Михайловна. — Ну, я пойду, ребята, поди, заждались, есть хотят...

Так началась дружба Клавы Клементьевой и Анны Михайловны — неприметная для посторонних глаз, немногословная, строгая, но крепкая и душевная, не смотря на разницу лет. Клава не раз потом вспоминала этот вечерний разговор у калитки и признание

залось, она и минуты не сидела без дела. Проводив коров на пастбище, Анна Михайловна сразу же принималась чистить стойла, потом брала косу и шла в поле или в ближайший овраг, где по склонам росла хорошая трава, возила накошенную зеленку на скотный двор, потом носила воду и сливала ее в огромный котел на кормокухне. Придя домой, бралась за посуду, мыла, скребла, подметала в избе, штопала ребячью одежду, поливала, полола грядки и окучивала картофель... Ее и в темень, когда уставшие люди зажигали огонь, ужинали или уже отдыхали, можно было увидеть за работой дома, а то и в огороде. Проходя, иные женщины спрашивали: «Анна, ведь спать пора, не ужели ты не устала?» А она в ответ, не разгибая спины: «Вот грядку дополю и пойду...»

Тем обиднее было Клаве видеть, что, хотя Анна Михайловна явно одобряет и поддерживает ее действия, она в то же время почему-то сторонится ее, на вопросы отвечает неохотно, кратко и сухо. Клава терялась в догадках, нервничала. Наконец, улучив момент, когда Хребтова, закончив вечернюю дойку, отправилась домой, Клава пошла вместе с ней. Долго и мучительно подыскивала слова, чтобы начать разговор, и заговорила совсем не о том, о чем хотела.

— Сегодня Красавка опять прибавила молока. По-моему, она вполне может давать литров десять, а то и двенадцать. Сколько она зимой давала?

— Кабы кормов было в достатке, Красавка после отела больше пуда дала бы, — с тихой гордостью за свою любимицу сказала Анна Михайловна, и глаза ее потеплели. — А у нас ведь как — сено да солома, концентратов редко бывает, покупать их не на что, силосу тоже мало. Ох, как силос коровы любят! А у меня и Фея молока прибавила, видели?

— Да, я знаю, — кивнула Клава. — А вот у остальных доярок пока все по-старому.

— Ленятся — вот и по-старому. Дуська кинула вчера с охапку травы, а чтоб последить, как коровы ее поедят — где там! Сейчас же и след простыл. Все гулянка у нее на уме.

— А вот Аня старательная, только коровы у нее очень уж запущенные.

— Ничего, поправятся. Она ведь недавно их при-

няла. Конечно, Анька Дуське не ровня. Вот только не-терпеливая она, доить худо умеет, учить еще надо.

— Вот если бы вы ей показали, Анна Михайловна, она бы живо переняла.

— А я и так показываю. Она, и верно, переимчивая, понятливая девка...

— Помните, Анна Михайловна, наш первый разговор, в молокоприемной? — волнуясь, сказала Клава. — Ну вот, мне все хочется спросить: почему вы тогда ушли? Говорили все правильно, хорошо, а тут встали и вышли...

Что-то дрогнуло в лице доярки — то ли брови враз опустились, то ли морщинок прибавилось вокруг скорбно сжатого рта. Она стиснула шероховатыми, темными пальцами концы платка, с минуту шла молча, потом тихо и невнятно ответила:

— Стыдно было, вот и ушла...

Клава не совсем поняла, почему Анне Михайловне было тогда стыдно, но расспрашивать она не решилась. Так они и дошли молча до дома Хребтовой. Доярка взялась уже за кольцо, вдетое в калитку, но вдруг обернулась, обдала Клаву прямым горячим взглядом.

— За себя было стыдно, девушка, да и за других тоже, ох, как стыдно... Да разве мы не видели раньше, как у нас плохо? Я-то разве не замечала? Все замечала, да притерпелась, рукой на все махнула. А ты пришла и нас уговариваешь: неужели, мол, не осилим? Я в ту ночь долго не могла уснуть, так-то уж горько было. А что ушла, так ты на это не обижайся, сдуру это я...

— Что вы, я нисколько не обижаюсь, — обрадованно и благодарно сказала Клава. — Какие могут тут быть обиды. Мне главное, чтоб откровенность между нами была, доверие. Вы не представляете, у меня сейчас будто гора с плеч!.. Спасибо вам.

— Да уж тебе спасибо-то, а не мне, — впервые улыбнулась Анна Михайловна. — Ну, я пойду, ребята, поди, заждались, есть хотят...

Так началась дружба Клавы Клементьевой и Анны Михайловны — неприметная для посторонних глаз, немногословная, строгая, но крепкая и душевная, несмотря на разницу лет. Клава не раз потом вспоминала этот вечерний разговор у калитки и признание

Анны Михайловны в том, что ей было стыдно, и все более убеждалась в искренности и правдивости этого признания. Опытная доярка, когда-то участница Всесоюзной сельскохозяйственной выставки, портреты в районной газете, а теперь... Но кто же виноват? Конечно, в первую очередь война, да ведь после нее прошло уже двенадцать лет. Почему же оказалась забытой Анна Михайловна? И разве она одна? Порастеряли в районе бывших передовиков, старых мастеров своего дела. А ведь если бы о них вовремя вспомнили, поддерживали, помогли — разве ж они не доказали бы вновь свое умение? Сколько драгоценного опыта пропало зря, а между тем молодежь так нуждалась в нем! Как иногда бываем мы расточительны! Ведь ясно же, что при плохом руководстве все силы и свое мастерство Анна Михайловна была вынуждена тратить на мелочи, биться, как рыба об лед, в тисках бескормицы, разного рода неполадок и закоренелого равнодушия к ее труду. О высоких ли надоях было ей думать! Конечно, в первое время она не сдавалась, но в конце концов и ее засосала рутина, одолело отчаяние. Как же обрадовалась старая доярка, когда узнала о решениях партии и правительства по подъему сельского хозяйства. Она одобряла их всем сердцем, и хотя у них в колхозе больших перемен пока не было заметно, Анна Михайловна верила: перемены будут, обязательно будут. Она, в отличие от многих, считавших, что хорошая жизнь теперь придет сама собой, понимала, что перемены зависят и от нее, и от Дуси, и от председателя колхоза, и стремилась своей работой приблизить их. Она как-то сказала Клаве: «Были у меня и такие думки: на покой, мол, пора, наработалась вдоволь, силенок стало маловато. А теперь нет, не уйду, пока колхоз на ноги не поставим. Читаю в газетах — везде, во всей стране колхозы поднимаются, крепнут, прямо-таки как на дрожжах растут, значит, и мы сможем. Такие же там люди, как и у нас, только работают, видать, получше. А мы-то что, разве работы боимся?»

Столь же близко, но на другой основе, сошлась Клава с Леной Хватовой. Дело в том, что уже после двух-трех вечеров, проведенных в задушевных беседах, Клава все узнала и о Володе Шишкине, и о Мишке Чиркове, и о многих других знакомых Лены.

В то же время, помня первый разговор на лугу, Лена почти ни о чем таком не расспрашивала Клаву и всячески подчеркивала, что ее откровенность — просто-напросто ее потребность, так уж она устроена. А Клава может молчать и таиться сколько ей угодно, это ее дело. Но Клаве становилось все труднее и труднее молчать. Ни работа, ни новые знакомые не могли заглушить тоски по дому, где остались самые дорогие для нее существа. Клава хотела было побывать в городе в прошлое воскресенье, но в субботу приехал главный зоотехник МТС (она сама его вызвала), и отлучиться не удалось. А потом навалилось столько забот, что отлучке просто стыдно было и думать. И вот, волнуемая рассказами Лены, принимая близко к сердцу ее переживания, Клава все сильнее ощущала потребность высказаться самой, поделиться с подругой тем сокровенным, что уже давно просило выхода. Она не была вполне уверена, что Лена правильно поймет ее, но что Лена искренне посочувствует ей — в этом Клава не сомневалась. А разве этого мало? Но пока удобного момента не подвертывалось, и Клава молчала.

Она не без удивления заметила, что предупреждение правления — применить некоторые положения Устава к тем, кто систематически не выполняет минимума трудовней, — нарушило семейную идиллию Хватовых. Серафима Полиектовна была явно обеспокоена и даже отложила поездку в город, хотя в кладовке уже стояли корзины с разной огородной снедью, а полки ломились от банок со сметаной и творогом. На другой день, едва обрядившись, Серафима Полиектовна отправилась посоветоваться с нужными людьми, провожаемая приглушенной репликой дочери:

— Ну, пошла сарафанная почта...

Мать или не услышала этого напутствия, или не подала виду, что оно относится к ней, проворно спустилась с крыльца, вспомнила о чем-то и истово перекрестилась (Лена, наблюдавшая за матерью из окна, прыснула в занавеску), уже от калитки крикнула:

— Поросят не забудь прибрать, ветрогонка. Может, они уж колоду вверх дном опрокинули, поди, глянь.

— Ладно, — буркнула Лена.

Клава вышла из своей комнатки, спросила:

— Чего это мать не в духе? О чем вы давеча в сс-нях спорили?

— Перекинулись малость, — небрежно ответила Лена. — Я встала, смотрю, она огурцы пересчитывает. Говорю ей без всякой задней мысли: «Ты, мама, эти штучки оставь, а то живо прищемят. Иди лучше к бригадиру за нарядом». Ну, она и накинулась. Дескать, 'молода еще учить, сама знаю, для тебя же стараюсь, ну и так далее. Обозлилась страшно, а мне что? Не я ведь этот Устав придумала, общее собрание принимало. Хотела по-хорошему предупредить, а она раскричалась.

— Ты-то сама как считаешь — правильно это?

— Устав-то? Конечно, правильно. Моя бы власть, я бы давно этих околхозников, вроде моей мамашки, прищемила. А то какие же это порядки? Работать не работают, только воду мутят, а им все права и привилегии. Ведь знают же, черти, что без колхоза им не жизнь, а помочь не хотят. Ничего, сейчас засуетятся, как тараканы, Бескуров, видать, шутить с ними не будет.

— Думаю, что не будет, — подтвердила Клава.

Хотя Лене, прежде чем отправиться на работу, предстояло еще заглянуть в хлев, она не забыла покрутиться перед зеркалом, поправить волосы и одернуть кофточку. Затем она выпорхнула в сени, а Клава подумала: к чему могут привести эти ее стычки с матерью? Хотя Серафима Полиектовна души не чаяла в дочери, вряд ли она будет терпеть подобные уколы. Для кого она старается, в самом деле? Клава, неизвестно почему пользовавшаяся неограниченным доверием хозяйки, не раз слышала от нее жалобы на Лену: «Я для нее последние силы убиваю, а ей все трын-трава. Мне-то одной много ли надо?..» Действительно, после каждой поездки матери в город у Лены появлялись обновки. И хотя Лена явно не одобряла образа жизни матери, обновкам она радовалась не меньше, чем ребенок — новой игрушке. Раньше она говорила так: «Мне-то какое дело? Начальство мамаше в рот смотрит, а я что могу сделать? Словами ее не перевоспитаешь, да и не одна она такая, за всех разом надо браться». Теперь, когда начальство решило за них «взяться», Лена целиком была на его стороне. В конце концов, ей надоело

выслушивать от людей разные упрёки в адрес матери. Куда будет лучше, если она по-честному возьмётся за работу в колхозе. Давно пора...

Обычно Клава и Лена почти не встречались днем, но сегодня, забежав на минутку перекусить, Клава застала подругу дома и в самом необычном состоянии. Она сидела на стуле с безвольно опущенными руками и отсутствующим взглядом смотрела в окно. Тетрадка с измятыми корочками сиротливо лежала на коленях. При звуке шагов Лена шевельнулась, безучастно взглянула на Клаву и вялым движением откинула со щеки прядь волос.

— Ты чего, Лена? — сразу встревожилась Клава. — Случилось что-нибудь?

Лена вздохнула, положила на спинку стула локоть и отвернулась. Тетрадка соскользнула с колен на пол.

— Почему ты молчишь? Не хочешь разговаривать? Ну и молчи, Пожалуйста!

Но Клава не могла уйти так, оставив подругу наедине со своими, как видно, невеселыми мыслями. К тому же ее разбирало любопытство.

— Так что же все-таки случилось, Леночка? — мягко спросила она, дотрагиваясь до ее плеча. — Почему ты такая расстроенная?

Лена подняла тетрадку, торопливо перелистала ее.

— Ничего не случилось, а вот... прочитай. — И она подала невероятно помятую, пахнущую землей и керосином бумажку. Плохо очиненным карандашом, без точек и запятых, в ней было написано: «Можешь крутить с этим салажонком сколько угодно мне все равно и вообще безразлично пишу чтоб ты знала и зря не давалась Володя».

Клава вопросительно посмотрела на Лену, не зная, что сказать. Та тоже подавленно молчала, однако через минуту ее словно прорвало, и она заговорила, глотая слова, перескакивая без видимой связи с одного на другое.

— Понимаешь, я хотела все это в шутку принять, а он сунул в руки записку, а сам до того презрительно на меня посмотрел — ну, я и обозлилась. Конечно, с Мишкой я дружила раньше, не отрицаю, но это же ничего не значит, а что Володька к своей Любке каждое воскресенье бежит — об этом все знают. Да и вообще —

какое он имеет право? С кем хочу, с тем и буду дружить, пусть он не воображает. Вот нарочно с Мишкой гулять буду, а может, и замуж за него выйду...

— Ох, не выйдешь, — улыбнулась Клава.

— А вот и выйду! — упрямо повторила Лена. — Он меня вертихвосткой будет обзывать, а я терпеть стану? Не на таковскую напал. Пусть позлится.

— Да ведь злишься-то пока ты, а не он.

— Нисколько. Даже вот на столько не злюсь. — И Лена показала на мизинце, как мало ее задевает Володино коварство.

Клава не смогла удержать улыбки, но тут же задумалась. Да, вот у Лены слезы стоят в глазах, а все-таки она счастливая, Лена. И если б она знала, что пришлось пережить Клаве, она не расстраивалась бы сейчас так. Ох нет, зачем ей это знать? Пусть у нее все будет иначе — по-хорошему, как у многих, многих девушек. У многих, но не у всех. Сколько еще в жизни встречается плохих, бессердечных людей. Лена, конечно, не задумывалась об этом, а следовало бы. Кто знает, как еще обернется судьба. И если Клава увидит, что ее подруга по неопытности способна совершить ошибку — что ж, она расскажет ей о себе. Быть может, это послужит предостережением. Право, в этом нет ничего плохого, напротив...

А Лена, не столько огорченная, сколько обозленная всем случившимся, нервно мяла в пальцах косынку и думала о том, что Клава не понимает и вряд ли когда поймет ее. Какая-то она очень уж рассудительная и спокойная. Неужели она никогда не любила, не ревновала, не получала никаких записок? Почему она никогда не рассказывает о себе? Ведь у Лены-то нет от нее тайн! Обидно, если Клава ей не доверяет, а еще хуже, если Клава думает, что Лена ничего не способна понять. Ох, уж эти ученые девушки. Возможно, им и легко жить, зато как, наверно, скучно! Правда, и Лене сейчас невесело, да уж она-то придумает, как отомстить Володе и заодно вывести на чистую воду его шашни с этой Любой.

— Знаешь что, Лена... — Клава присела рядом. — А ведь, по-моему, Володя не написал бы этой записки, если бы ему было все равно.

— Ну, это теперь не имеет значения, — с вызовом

сказала Лена. — Пусть я вертихвостка, а он-то и по-давно вертихвост. Я ему так и скажу, как увижу.

— Почему же сразу не сказала?

— Да знаешь, из головы выскочило. Все как-то неожиданно вышло, я просто... ну, сама понимаешь.

— Растерялась? Ну и зря. Надо было откровенно объясниться с ним. Ведь ты его любишь?

— Не знаю...

— Ну, раз ты так расстроилась из-за этой записки, значит, любишь, — убеждающе проговорила Клава. — Да ты и сама как-то призналась, что Володя тебе нравится.

— Что ж, нравился, верно. Так это, по-твоему, и есть любовь? — Лена иронически взглянула на Клаву, как бы желая сказать: «Что ты во всем этом понимаешь?».

— Суть не в словах, — серьезно сказала Клава. — А если любишь, чего же скрывать?

— Не хватало еще, чтоб я ему навязывалась! Да я и не скрываю, а вот ты почему молчишь? Думаешь, я так и поверила, что у тебя в городе никого нет?

— Нет, Лена.

— И не было, скажешь? — Лена не рассчитывала на положительный ответ, но Клава вдруг твердо сказала:

— Было. Вернее, был... Ты давно меня спрашиваешь, так вот, я скажу. Был у меня, Лена, муж, есть от него ребенок. С бабушкой он теперь... Все было вроде как у людей — и любовь, и семья, и счастье, только короткое. Вот и все.

— Погоди. — Лена вскочила со стула, остановилась перед Клавой с прижатыми к груди ладонями. — Где же он сейчас, твой муж? Вы разошлись? Разлюбили друг друга? Почему?

— Он сам ушел от меня. Видишь ли, сошлись мы с ним еще в деревне, тогда он считал, что я ему пара. Он секретарем парторганизации в МТС работал, потом его в районную газету перевели, поэтому я и в городе оказалась. Только недолго вместе прожили. Ушел он...

— Так просто взял и ушел? — ужаснулась Лена.

— Не очень-то все это просто было, — горько усмехнулась Клава. — Тяжело жилось с ним, но ведь я

ребенка ждала, думала — обойдется, привыкнет он... Да нет, зря надеялась. Два года назад его в партийную школу послали, с тех пор и не виделись.

— И не написал ни разу?

— Ну как же, написал. Предупредил, чтоб я не ждала его и никуда не жаловалась. Дескать, деньги на ребенка он будет высылать.

— А ты что?

— Что я? Я и так знала, что он не вернется. О чем же еще писать? На том и кончилось...

— А деньги ты принимала? — почему-то шепотом спросила Лена.

— Я не могла иначе, — с трудом выговорила Клава. — Мне надо было во что бы то ни стало окончить техникум...

— Так. — Лена, наморщив лоб, прошлась по комнате, собственные заботы и огорчения уже забылись, она размышляла теперь о том, как помочь Клаве. Быть может, еще не все потеряно и можно поправить дело. — Но все-таки я не понимаю... Когда вы сходились, ведь он тебя любил?

— Кажется, любил. Потом он сказал, что ошибся... Видишь ли, он уже тогда был видный человек, выступал на собраниях, писал в газету стихи. А я — простая деревенская девушка, сидела себе дома и молилась на него...

— Ну и дура, — с сердцем сказала Лена. — И он хорош гусь! Пусть он даже пишет стихи, а внутри у него гнилое, вот что я тебе скажу. И брось, пожалуйста, о нем думать, не стоит он того.

— Легко сказать! — вздохнула Клава, чувствуя в то же время облегчение при мысли, что Лена теперь знает все. — Но сейчас мне легче, тяжело было в первые дни. Ах, как обидно, Лена, как обидно, если бы ты знала!

— Ну, конечно, обидно, я это прекрасно понимаю, — мягко сказала Лена, обнимая подружку за плечи. — Ты даже не представляешь, как я это понимаю. Ведь то у тебя была первая любовь и досталась она, извини меня, подлецу... Но сейчас ты свободна, Клава. И тебе надо думать о будущем, а не горевать, понимаешь? Иначе ты совсем раскиснешь, а это уж никуда не годится.

— Мое будущее — сын. Ему уже третий год. И представь, он нисколько не похож на отца — весь в меня. Подожди, я покажу тебе фотокарточку. Пойдем.

Они прошли в ее комнату, и Клава достала из чемодана карточку сына. Малыш очень понравился Лене, но сколько она ни вглядывалась, не могла обнаружить в его круглом курносом личике материнских черт.

— Шалун отчаянный, но бабушка отлично с ним ладит, — говорила Клава, влажными глазами глядя на карточку из-за Лениного плеча. — Я ему обещала привезти из деревни маленького-маленького жеребенка. Иначе он меня не отпустил бы.

— Слушай, вы теперь с ним... с этим... официально разведены?

— Видишь ли, мы не были расписаны. Вообще, я не придавала этому значения, а он тем более.

— М-да... — только и сказала в ответ Лена.

— Я же тогда совсем была девчонкой. И я верила ему...

— Ну, сейчас это все равно, — потряхнула головой Лена. — Даже, пожалуй, лучше, раз ты не думаешь с ним сходиться.

— Конечно, не думаю. Теперь у меня есть работа, а это главное.

— Ну, одной работой не проживешь, — усмехнулась Лена. — Помнишь, я говорила, что эта комната счастливая? Кто в ней ни жил — все замуж повыходили. И ты выйдешь.

— Нет уж, испытала раз — хватит.

— Ладно тебе, почетная старушка! — засмеялась Лена. — Все мы так говорим, пока время не придет. Возвращайся сегодня пораньше, на танцы сходим.

— А Володя там будет? — сощурилась Клава.

— Будет, нет ли — какая разница? Других ребят разве мало? А я его, если хочешь знать, видеть не могу, вертихвоста...

XVII

На танцы Клава пошла только потому, что этого очень уж хотелось Лене. Она упрашивала неотступно, и Клава согласилась. Да и скучно было сидеть одной дома со своими невеселыми мыслями. Девушки приоде-

лись и отправились к клубу, откуда неслись веселые голоса и звуки гармошки. Было сумеречно, но их сразу заметили, наперебой стали приглашать на танцы. Клава не танцевала давно и с удовольствием кружилась с каким-то незнакомым парнем по отлично утрямбованной площадке позади клуба, в молодом сосновом бору. Потом они сидели с Леной под ветвистым деревом на скамейке, а перед ними стоял Костя Проскуряков и расспрашивал Клаву, нравятся ли ей здешние ребята и пляски. Сам Костя плясать не умел, зато с гордостью называл имена известных плясунов и обещал заставить их показать свою удаль. Затем он внезапно исчез, и Лена коротко пояснила:

— Катька увела. Небось, приревновала к тебе. Теперь Косте от нее достанется.

Настроение Лены вскоре испортилось. Она помрачнела, беспокойно оглядывалась вокруг и с ожесточением грызла семечки, раздобыв их у кого-то из ребят. Клава догадывалась, в чем дело, однако не подавала виду. Ей легко и весело было наблюдать, как пляшут, поют, переговариваются, смеются и шутят девчата и парни — совсем как в техникуме на субботних вечерах. Где-то сейчас ее прежние подруги?

Клава первая заметила Володю и тут же подумала, что лучше бы он сегодня не приходил, ничего хорошего из этой встречи у них не получится. Не потому, что Лена вообще не любила пьяных, а потому, что в таком состоянии Володя мог сказать лишнее. А он был явно навеселе. Неизвестно, как поступила бы Лена, если бы увидела Володю издали, но она заметила его слишком поздно. Он старался держаться твердо, чинно поздоровался и попросил у Клавы разрешения сесть. Лена довольно равнодушно сказала:

— Это ради чего же ты нализался, а?

— Не нализался, а немножко выпил с ребятами, — смущаясь Клавы, стал оправдываться Володя. — Тут многие выпивши, а я что, рыжий?

— Чуть рыжеватый, — насмешливо отозвалась Лена, лузгая семечки. — А может, ты с расстройства глотнул? Ох, Клава, и досталось им сегодня от Бескурова за никудышнюю работу. Уж он их песочил, песочил, просто умора!

— Ну, меня-то это не касалось, зря говоришь. Вот

Мишка за процентами гонится, у того и огрехи, и мелкота, а у меня все в порядке.

— Ох, не треплись, Володька, — явно издеваясь над ним, сказала Лена. — Все знают, Мишка не хуже любого работает. Он пашет сейчас?

— Должно, ковыряет понемножку, — усмехнулся Володя. — Можешь его навестить, скучает, небось.

— А тебе весело? Выпил и воображает тут...

— Ничего я не воображаю, а вот ты действительно... Э, да что говорить! — махнул Володя рукой. — Давай лучше сменим пластинку.

— И правда, чего вы злословите? — вмешалась Клава. — Идите, потанцуйте, а то смешно же получается.

— Верно, смешно, — согласился Володя. — Ну, выпил, так что ж из того? Может, у меня причина была...

— Ну и пей на здоровье, кто тебе мешает? — пожала плечами Лена.

— Вот видите, — сказал Володя Клаве.

— Ничего, ничего, Володя, это она так... Идите, танцуйте, а мне пора домой, завтра рано вставать.

Она чувствовала, что стесняет их, и поднялась, чтобы уйти. Лена тоже встала, хотя и не столь решительно. Клава тут же усадила ее на место и быстро скрылась в толпе.

— Слушай, Лена, давай поговорим по-человечески, а то действительно ерунда получается, — начал Володя, придвинувшись к ней поближе; она не отстранилась, но и не смотрела на него. — Ту записку, какую я давеча отдал, я сгоряча написал, ей-богу. Понимаешь, Мишка меня подзадорил, а тут и ты еще на нервах играешь. А по-моему, так: скажи, чтоб я ушел и больше не подходил, я уйду и думать перестану, а то что же голову морочишь, в самом деле...

— Ну и уходи, ежели не нравится, — мстя за все пережитое, зло сказала Лена. — Пишешь бог знает что, оскорбляешь, и я же виновата? Думаешь, так я тебе на шею и повешусь? Как бы не так! И Мишка тут не при чем, твоя стриженная тебе голову морочит, а не я...

— Нет, ты, — запальчиво возразил Володя, но спохватился, сказал просяще и ласково: — Лена!

— Подожди, Володя, — предостерегающе шепнула она. — Кто-то сюда идет.

Володя взгляделся и тотчас встал. Убедившись, что это Мишка, быстро пошел навстречу. Лена осталась на скамейке одна.

— Ты что же это вытворяешь, а? — выдохнул Мишка Чирков, почти упираясь плечом в грудь Володи. — Товарища подводишь, а?

Он был в грязном комбинезоне, с искаженным от гнева лицом, на котором тускло блестели масляные пятна. Володя невольно отступил на шаг, чтобы не испачкаться, сказал приглушенно:

— Не ори, понял? Чего людей привлекаешь? В чем дело?

— Это я тебя хочу спросить, в чем дело? — повысил голос Чирков. — Ты мне что сказал, когда сдавал машину? Дескать, все в порядке, да?

— Ну, дальше что? — Володя взял Мишку за рукав, попытался увести его подальше, но тот рывком высвободил руку.

— Будто не знаешь — что? Сдал неисправную машину и хоть бы словом предупредил. Это по-товарищески?

Их разговор привлек внимание. Володя затравленно оглянулся и заметил среди любопытных Лену. Она подошла к Чиркову, спокойно спросила:

— Что там произошло, Михаил?

Чирков посмотрел пристально на нее, потом на Володю, понял, что они здесь гуляют вместе, скривил пухлые дрожащие губы и буркнул:

— Ладно, без вас разберемся, — и пошел прочь, упрямо нагнув голову, распространяя вокруг себя смешанный запах керосина и свежевзрытой земли.

— Зачем он прибежал? — несколько встревоженная, спросила Лена.

— Черт его знает, — пожал плечами Володя. — Говорит, машина неисправна, а что там стряслось — так и не сказал. Может, пустяк какой, а он растерялся, орет, будто у него задний мост отвалился.

— Он за бригадиром пошел, — сообщил кто-то из ребят. — Говорит, поломки вроде нет, а трактор не заводится.

— Там и делов-то, наверно, на пять минут, а он

за бригадиром примчался. Тоже, механизатор! — на-смешливо проговорил Володя.

— Нет, все-таки жалко Мишку, — сказала Лена. — У тебя-то трактор исправный был?

— Конечно, исправный. Ничего, вперед умнее будет, на ошибках скорей научится... Что ж, Лена, по-танцуем, а?

— Да уж больно от тебя водкой разит, против-но, — поморщилась Лена.

— Слово, Лена, даю: в первый и последний раз...

* * *

В сумерки Бескуров шел из конторы на квартиру и не заметил, как миновал дом Белоглазовой. Впрочем, ему хотелось побыть одному. Татьяна Андреевна, конечно, заботливая хозяйка и симпатичная женщина, но именно поэтому-то и невозможно было погово-рить с ней о том, что и самому казалось сложным и запутанным. Бескуров заранее знал, что она могла бы сказать: «Я же вам давно про то говорила, помните? Не поедет ваша жена в деревню с коровами да с гряд-ками возиться. Да и вам это скоро надоест...» Да, именно так сказала бы Татьяна Андреевна. И стала бы, пожалуй, сочувствовать ему, а может, предложи-ла бы свой план, как распутать эту проблему. Но план этот никак не устраивал Бескурова. Давно надо бы пе-релиться на другую квартиру, да вот все некогда...

Прошло уже больше полутора недель, как Беску-ров был в городе, но лишь сегодня выпал удобный момент спросить Звонкова, что он там наговорил же-не насчет Татьяны Андреевны. Платон Николаевич оделал сначала изумленное, затем обиженно-оскорб-ленное лицо и объяснил, что он всего-навсего ответил на вопрос Зои Михайловны, как устроился в деревне ее муж. Да, он называл имя Татьяны Андреевны, ска-зал, что она вдова и очень порядочная женщина, а больше он ничего не говорил. Помилуйте, какое ему до всего этого дело? Он вообще предпочитает не вме-шиваться в личные вопросы.

— Никакого личного вопроса тут нет, — хмуро ска-зал Бескуров. — Просто жена поняла вас неправиль-но. Извините меня, Платон Николаевич, и давайте кончим об этом...

Теперь-то ему понятно, что он напрасно затеял этот разговор. Звонков, пожалуй, вообразит, будто у Бескурова с женой произошла неприятная ссора. Да еще и другим об этом расскажет. Двоедушный и скользкий это человек. В глазах лебезит и юлит, а вышел за дверь — все стремится сделать по-своему. Но хозяйственник он действительно тертый. Два года колхоз добивался у МТС пилорамы и не добился, а Звонков достал. Взял каким-то образом в аренду у лесопункта автомашину, разыскал и шофера. Колхоз, опять-таки по инициативе Платона Николаевича, взял солидную ссуду на новое строительство, и дело, благодаря неусыпным заботам завхоза, быстро разворачивалось: строился крытый ток, закладывался фундамент под зерносклад, заготавливался лес под будущие объекты. Правда, с конторой Звонков поспешил, но, в конце концов, и в этом не было ничего плохого. Теперь в конторе стало больше порядка, и Бескуров мог без излишних помех беседовать с посетителями в приличном кабинете... И все-таки Звонков чем-то не нравился ему, что-то в его словах и действиях казалось фальшивым. Но раз завхоз был полезен колхозу, Бескуров не хотел выказывать неприязни к нему. Тем более теперь, когда Звонков может расценить это, как личные счеты...

Бескуров шел по безлюдной улице, глубоко вдыхая посвежевший вечерний воздух, машинально прислушиваясь к звукам гармошки и слитному гомону, доносившимся от клуба. «Молодежь веселится, это хорошо, — подумалось ему с внезапной грустью. — Давно ли, кажется, вот так и я ходил в парк, танцевал с незнакомыми девушками, сидел под деревьями и мечтал, что встречу одну-единственную... Да так, видно, и не встретил. С Зоей я поторопился, это ясно. Она сама не знает, чего хочет. Как это обидно — ошибиться в человеке. Да, но ведь и она тоже, наверно, считает, что ошиблась во мне. Если это так, значит, конец... А что же дальше?»

Ладно, на днях он съездит в город и все выяснит, а сейчас бесполезно об этом думать. Интересно, где сейчас Клавдия Васильевна? Скорей всего спит, ей ведь здорово пришлось поработать эти дни. Она, несомненно, серьезная и милая девушка, но ей не хва-

тает еще опыта, смелости. Впрочем, этих качеств не хватает еще многим, в том числе и ему. Ничего, со временем придут и они. Все-таки интересно, как обживается Клементьева на новом месте, каковы у нее впечатления о здешних людях, обо всем, что она узнала и увидела? Очень бы любопытно с ней поговорить, да где ее найдешь? А может, она здесь, среди молодежи? Наверняка тут, Лена Хватова не даст ей сидеть дома...

Бескуров приблизился к танцующим, на него никто не обратил внимания. Нет, Лены и Клементьевой среди них, кажется, не было. Он не спеша направился по тропке к обрыву, откуда был виден далекий, светящийся электрическими огнями город. Впрочем, сейчас он не казался таким далеким, темнота скрадывала расстояние. Здесь, на краю обрыва, Бескуров и увидел Клаву. Он сразу узнал ее по фигуре и еще по каким-то неуловимым признакам и с минуту колебался, подходить или нет. Возможно, она нарочно пришла сюда, чтобы побыть одной. Неожиданно Клава сама обернулась в его сторону.

— Это вы, Антон Иванович? Вот не ожидала, — сказала она, немножко огорченная тем, что нарушили ее уединение.

— Да и я, признаться, не ожидал... Что, любуетесь городом?

— Очень красиво, правда? А река какая огромная, мощная, как море. Это потому, что берегов не видеть. Глядите, они совсем слились с рекой — впечатление такое, будто вода доходит до самого города.

— Да, верно, — взглядевшись и живо представив разлившееся перед ним таинственное море, сказал Бескуров. — А вон и большой черный корабль, только без парусов, плывущий из далеких стран...

— Ой, да ведь это же деревня! — рассмеялась Клава. — А и верно, похоже.

— Да, это настоящий корабль, — с серьезным видом продолжал Бескуров. — И если вы посмотрите внимательнее, то увидите и острова, и заливы, и рифы, и белый бурлящий прибой — вон там, слева...

И Клава действительно видела все это, хотя и знала, что ничего подобного не может быть. Потом она опять рассмеялась:

— Да вы, оказывается, фантазер, Антон Иванович. Знаете, это уж совсем неожиданно.

— Почему? Ведь вечер такой чудесный. И такие дали кругом... Ну, хорошо, вернемся к реальным фактам и спросим: как вы сюда попали?

— Я давно заметила это место, еще в первый день, и знала, что отсюда виден город. Вот и захотелось посмотреть, как он выглядит ночью.

— А где же Лена? — спросил Бескуров, уверенный, что она должна быть где-то поблизости.

— Там, с Володей, — кивнула Клава в сторону затихающих за деревьями голосов.

— А, понятно, — сказал он. — Я бы с удовольствием пригласил вас на вальс, но молодежь уже расходится. Вы не танцевали?

— Только два раза, а потом пошла сюда. Разве так поздно? Тогда мне надо домой.

— «Домой»? — улыбнулся Бескуров. — Правда, странно? Вот и мне надо «домой», а на самом деле у нас никакого дома нет, а есть только квартиры. Вам, Клавдия Васильевна, надо забрать к себе мать и устроиться здесь по-настоящему. И ей спокойнее, и вам удобнее. Сужу по себе...

— Да вот обживусь немного, тогда уж... А у вас тоже осталась мать?

Черт дернул его за язык, он ведь совсем не собирался затрагивать эту тему. К чему Клементьевой знать, что у него есть жена, которая не хочет ехать в деревню? Ну и глупость же он сморозил! Но отступить было уже поздно.

— У меня положение гораздо хуже, — как можно беспечнее сказал Бескуров. — Видите ли, я поторопился обзавестись женой, а она в колхоз ехать не хочет. Вот я и живу пока бобылем.

— Не понимаю, — растерянно сказала Клава; она никак не думала, что Бескуров женат, но еще больше смутил Клаву тот несомненный, поразительный факт, что это известие было ей неприятно и почему-то огорчительно. — Не понимаю, Антон Иванович... Жена — и не хочет ехать. Почему?

— Город ей больше нравится. А здесь что — земля, коровы, навоз и тому подобное... Она не хотела, чтобы я принимал колхоз, но вы, конечно, понимаете,

что я не мог отказаться. Это было бы просто нечестно. Вот вы же поехали в деревню, хотя в городе, возможно, вам жилось веселее.

— Нет, я не собиралась жить там. Я ведь выросла в деревне и хотела работать только здесь.

— Вот видите... И она выросла в деревне, а думает иначе. Я-то, к сожалению, об этом узнал только теперь.

Они медленно шли сначала по краю обрыва, затем свернули в бор и скоро вышли на улицу. Деревня спала, лишь изредка раздавался то там, то здесь одинокий возглас, приглушенный смех — и снова наступала тишина. В этой тишине парни провожали девушек, и можно было не сомневаться, что провожанье затянется до первых петухов.

Бескуров рассказывал Клаве о Зое, не переставая удивляться, зачем он это делает. Просто ли захотелось ему выговориться, поделиться с кем-то, все равно с кем, своими переживаниями, или он это делал специально для Клавы? Он и сам не отдавал в этом ясно-го отчета, но чувствовал, что ему легко и приятно говорить с девушкой, такой внимательной, чуткой, отзывчивой, словно она знала его давно и понимала, что происходит у него в душе.

— Но как же... как же будет у вас дальше? — спрашивала она, искренне жалея его и не скрывая этого. То, что она жалеет его, нисколько не оскорбляло Бескурова, хотя он считал бы унижением для себя, если бы такую же жалость проявила Татьяна Андреевна.

— Дальше? Право, не знаю, — в раздумье говорил Бескуров. — Вот поеду в субботу, узнаю, что она решила. Скорей всего, она все-таки не поедет, а люди поймут это не так, как следует, — добавил он, имея в виду Лысова и Звонкова. — Ну, вы-то теперь понимаете, в чем дело, а это для меня много значит. Я ведь никому еще не говорил об этом.

Клава кивнула, чуть зардевшись. Но в темноте он не мог этого заметить, иначе она окончательно бы смутилась. Они уже стояли у калитки Хватовых, и Клава, прислонившись спиной к столбу, время от времени оглядывалась по сторонам. Ее светлое платье, наверно, видно издалека. Но уходить было неудобно да и не хотелось.

— А вам разве не хочется в город? Поедьте в субботу вместе, — предложил Бескуров. — До перевоза я возьму лошадей.

— Я бы пошла, но удобно ли? Вот, скажут, председатель и зоотехник бросили все и уехали по домам. А ведь завтра уборка, комбайн уже вышел в поле.

— К субботе все войдет в колею, дело не станет. К тому же всего одна ночь — вечером выедем, утром вернемся. Ладно, я скажу вам, когда мы сможем выехать.

В эту минуту Клава увидела Лену. Лена, конечно, сразу узнала их, но и виду не подала, быстро шмыгнула в калитку и затопала по крыльцу, не оглядываясь. Клава торопливо сказала:

— Мне пора, Антон Иванович. До свидания. — Она протянула ему горячую руку.

— До свидания, Клавдия Васильевна. Спокойной ночи.

Клава исчезла, а Бескуров еще с минуту стоял на месте, словно ждал, что она вернется. Потом он медленно провел по лицу ладонью, осторожно прикрыл отворившуюся калитку и не спеша зашагал по улице.

XVIII

Комбайн удалось пустить не сразу — через каждые десять-двадцать метров он останавливался. Комбайнер, молодой чумазый, в клетчатой рубашке, яростно отплевывался, вполголоса матерился и без конца соскакивал с мостика, чтобы выяснить, в чем дело. Лишь в десятом часу агрегат, словно ему самому надоело капризничать, заработал исправно, и Бескуров с удовольствием сделал на нем огромный круг по всему полю. Потом слез, постоял еще с полчаса и, убедившись, что теперь все пойдет, как надо, направился к стоянке трактористов.

На лужайке, исполосованной гусеницами и колесными шпорами, тесноватой от разбросанных там и сям железных бочек, плугов, культиваторов, сеялок и борон, возле щита для объявлений толпились механизаторы и колхозники. Тут же крутились вездесущие ребяташки. Бескуров еще издали услышал оживленный разговор, взрывы смеха. Его разобрало любопытство,

смешанное с легкой досадой: нашли время прохладиться... Потом он подумал: похохочут, перебросятся шуткой и опять за работу. День-то ведь у них ненормированный, тем более в страду.

От щита навстречу председателю шел Костя Прокураков. Как видно, он только что отсмеялся, веселые искорки еще прыгали и светились в его глазах, но к Бескурову Костя подошел как и подобает комсомольскому секретарю — с деловито-озабоченным выражением на лице, со сдвинутыми к переносью бровями.

— Чего там ребята смеются, Костя? — спросил Бескуров. Он еще в первые дни заметил этого сухоощавого, энергичного парня и полюбил его за неунывающую веселость, за постоянную готовность выполнить любое поручение.

— Смеются-то? Да вот, боевой листок из МТС привезли, Антон Иванович. Насчет Володи Шишкина. Слышали, какой он номер отколол?

— Нет, не слыхал. А что такое он сделал?

— Ох, и разрисовали его там! — ткнул Костя пальцем в сторону щита. — И стихи есть. А в общем, Антон Иванович, некрасивая история. Он же, понимаете, из города добровольцем к нам приехал, пример должен показывать, а он черт-те что отмачивает. Говорят, до прокурора дело дошло.

— Вон как! Чему же вы тогда смеетесь? Тут, брат, не до смеха. Шишкина я знаю, он же безупречно до сих пор работал. Что с ним стряслось? — Бескуров встревоженно посмотрел на расходившихся от щита людей, присел на вросший в землю старый мельничный жернов.

— Верно, работал Шишкин неплохо, а тут сорвался. И неспроста, по-моему. Напарником у него Мишка Чирков, а Мишку я вдоль и поперек изучил, поэтому и говорю, что неспроста... Позавчера, значит, является Мишка на смену, спрашивает Володю: как, мол, машина в порядке? Тот говорит: садись и езжай, не в первый раз... И сам сразу же попер домой. Мишка сунулся — не заводится трактор. Туда, сюда — не может понять, в чем загвоздка. Поди, с час промучился, плюнул и айда в деревню за бригадиром. А время к полночи уже. Идет он мимо клуба, а там, известно,

танцы, гармонь, девчата. Мишка и подумал: наверно, и Володя тут. Ну, нашел его, перекинулись они как следует, однако до драки не дошло, ребята не дали. А Володя, между прочим, с Ленкой Хватовой был, в этом-то вся и штука. Если бы не Ленка, он, может, и признался бы, а при ней не мог, стыдно стало... Ну, пока бригадира нашли, то да се — смены как не было. Бригадир глянул в мотор и аж затрясся: «Ах, сукин сын, я ему покажу!..» Оказывается, Володька перед тем, как сдать трактор, взял да и разрегулировал контакты магнето. А Мишка же недавно на тракторах, не догадался, в чем причина...

— Да, некрасивая история, — с сожалением ска- зал Бескуров. — От Шишкина я этого не ожидал.

— И я тоже. — Костя присел рядом, заговорил до- верительно: — Бригадир хоть и разозлился страшно, однако в МТС не стал сообщать. Так, наедине трепку задал и точка. На том бы и дело кончилось, если бы не Ленка. Это ведь она в МТС сбегала и листок оттуда притащила.

— Лена? Но ты же говорил, что она дружит с Во- лодей?

— Ну да, дружила, а теперь неизвестно, как у них выйдет. Володька ходит и глаз от земли не поднимает, она тоже в сторону глядит. Главное, что сейчас ему ни за что ДТ-54 не дадут, а он все лето о нем мечтал. Боюсь, совсем не свихнулся бы парень.

— Да, ему тяжело сейчас. Как, по-твоему, зачем он это сделал?

— Ладно, — тряхнул головой Костя, — скажу, как думаю. Ленка во всем виновата, из-за нее ребята поца- пались, ей-богу. Ревность Володьку толкнула, больше ничего.

— Ну, это совсем уж плохо. Впрочем, — Бескуров улыбнулся собственным мыслям, — бывает и так, Костя. Хотя и глупо это, а бывает. Ладно, я позвоноу в МТС, к прокурору Володю вызывать не стоит. И без того парень переживает.

— Вот за это спасибо, Антон Иванович, — обрадо- вался Костя. — Я с Володиёй потолкую, выясню, чем он дышит. Наказать можно и своими силами, ну, там приказ написать, выговор дать, что ли. Он же сам по- ехал в деревню, ни с чем не посчитался, это тоже на-

до учитывать. А потом, вы глядите, Антон Иванович, — Костя показал на стоявшую неподалеку жатку-самосброску, — это он ее ремонтировал, сегодня я на ней работать буду. Парень же на все руки, а ошибиться каждый может.

— Вот именно, — кивнул Бескуров. — Так ты думаешь, с Леной у него совсем разладилось? А может, и не было ничего? Иначе Лена не побежала бы в МТС жаловаться.

— Нет, все равно побежала бы, Антон Иванович, — решительно сказал Костя. — Такая уж она, черт ее знает. А тут, выходит, Володя и ее обманул, потому что при ней все дело было, а он все-таки не сознался.

— Пожалуй, ты прав. Ох, и некстати же этот нелепый случай! Не сегодня-завтра шефы с завода приедут, про Володю могут дознаться, а это уж совсем лишнее. И им будет неловко, и ему тоже — ихний ведь посланец, сам понимаешь. Ты вот что, Костя... хоть Володя и не в твоей организации, ты его из виду не упускай, а то когда там еще в МТС о нем вспомнят.

— Ладно, Антон Иванович, — серьезно сказал Костя. — Я и за Ленкой приглажу. А вообще-то, по-моему, давно бы надо всех механизаторов в нашу организацию влить, больше бы порядка было. Работаем вместе, а подчинение разное. Мы бы не хуже МТС и техникой, и людьми распорядились.

— Наверняка не хуже, — подтвердил Бескуров. — Да силенок у нас пока маловато — такую ответственность на себя брать. Подожди, укрепим немного, все у нас — и земля, и техника, и квалифицированные кадры — в одних руках будет. А тогда мы развернемся!

— И воспитанием механизаторов МТС слабо занимается, — продолжая свою мысль, пожаловался Костя.

— А боевой листок? — кивнул Бескуров на щит. — Это не воспитание?

— Один листок за все лето, подумаешь! Да и то, небось, Ленка писала.

— Ну, а мы-то с тобой на что? Вот и давай воспитывать таких, как Володя, на то мы и поставлены здесь комсомолом и партией.

— Володя — это еще полбеды, — сказал Костя,

польщенный тем, что Бескуров поставил его в один ряд с собой и вроде бы похвалил. — У нас похуже типы есть. Да вы же знаете, один Петр Саватеев чего стоит...

— Знаю, — оживился Бескуров; он привстал, глянул на поле, по которому медленно, но безостановочно полз комбайн, снова сел на жернов и с улыбкой продолжал: — Позавчера я с этим Саватеевым, так сказать, вплотную познакомился. Действительно, тип... Захожу к нему во двор, время примерно обеденное. Поперек дверей — коромысло. Значит, думаю, жена и дочь его на работе, а где — это вопрос. В бригаде-то их во всяком случае нет. Прохожу мимо крыльца, гляжу — сарай распахнут, а в нем сам Саватеев навоз убирает, да так истово, будто на аккорд работенку взял. А костыль, между прочим, рядом валяется. Увидал меня, сейчас же вилы в сторону, костыль в руки, спрашивает:

— Здравия желаю, товарищ председатель. Чем обязан столь почетному посещению?

— Да вот, говорю, зашел поведать, как живешь, как здоровье. На здоровье, видать, жалоб нет, а про жизнь мы и сами кое-что знаем. Веди-ка, говорю, на сеновал, поглядим, сколько ты сена наготовил.

Саватеев спокойно отвечает:

— Пожалуйста, смотрите, но имейте в виду — сено законное, мне правление разрешило косить за грабли и прочий инвентарь, который я колхозу отдал.

— Ты не кустарь-одиночка, чтобы своему колхозу грабли продавать, — говорю ему. — Самовольно косить тебе разрешал прежний председатель, а не правление. Придется исправить ошибку. Сено мы оприходуем, а ты получишь от него десятую часть. Конечно, если у твоей семьи имеются сенокосные трудодни, колхоз выдаст сено и на них.

— Какие могут быть трудодни у инвалида? — кричит Саватеев и трясет костылем чуть не перед самым моим носом.

Я прошу показать медицинскую справку, а он свое: «Вот моя справка!» — и размахивает костылем. Я знаю, у него есть давнишняя справка об инвалидности, но она уже два года как не подтверждалась врачебной комиссией. Спрашиваю — где жена и дочь,

почему они тоже не работают в колхозе. «Спросите у них, они взрослые...» В таком случае, говорю, придется урезать вашу усадьбу, а кроме того, лишить скот колхозных выгонов и других привилегий, которыми пользуются честные колхозники. Тут Саватеев вовсе вышел из себя. «Это, — кричит, — беззаконие, я буду жаловаться. За что же тогда кровь проливали? Приехал тут и распоряжается. Инвалида войны вздумал обижать...» Ну, и так далее. Когда накричался, я попробовал его убедить, что сейчас в колхозе выгоднее работать, чем вот так промышлять. Это факт, Костя. Если справимся со льном, уберем вовремя хлеб, повысим надои, вообще наведем в хозяйстве порядок — выдадим на трудодни и денег, и зерна, и сена больше, чем в прошлом году. Животноводам мы уже сейчас выдаем аванс, осенью будут получать и остальные... Однако Саватеев уперся, как бык. Под конец я предупредил: если завтра все трое не выйдут на работу, правление применит Устав. На том и расстались...

— Конечно, не вышел ни один? — спросил Костя. — Ох, и закоренелые, черти!

— Представь себе, обе женщины вышли. Сами явились утром к Овчинникову. А Петр Саватеев заболел. Говорят, горячкахватила. Ну, не беда, остынет, я еще раз его навещу.

— Вот это здорово! — восхитился Костя, но тут же озабоченно проговорил: — Надо бы, Антон Иванович, в Ельниках доскональную проверку сделать. Там больше тащат, только не самовольно, а с разрешения самого Прохорова, ей-богу. И трудодни у многих, по-моему, липовые. Конечно, фактов у меня пока нет, но ежели покопаться — найдутся и факты.

— Ладно, возьмемся скоро и за Прохорова. Уже то, что мы делаем в первой бригаде, наверняка скажется и на остальных. Хорошие вести не лежат на месте, верно? — рассмеялся Бескуров.

— Верно, Антон Иванович, — весело сказал Костя. — Мы их расшевелим, будьте уверены. Да, чуть не забыл. Вам не рассказывал Матвей Сидорович, как он у Марьи Пивоваровой сено приходовал? Нет? Ох, и умора! Она же ему соседка, ну, та, которую вы с молоковозчиков сняли, помните?.. Заявляется это он к ней, серьезный такой, а она уже догадалась, в чем

дело, двери на запор и в окно выглядывает. Сидорович, понятное дело, стучит в двери, сперва довольно вежливо, потом кулаки в ход пустил. А Марья открыла окно, подзадоривает: «Бей, Сидорович, бей, разобьешь — отвечать будешь...» Тогда Овчинников прыг с крыльца, ухватился за раму и полез в окно. Марья его и за волосы, и за бороду, и по-всякому, но Сидорович все-таки влез, спокойно этак снял с гвоздя хозяйкин ремень и огрел разок Марью по заднему месту. Потом они уже мирно пошли на сеновал. А там опять чуть не до драки. «Да у тебя тут пудов пятьдесят наберется, — говорит Овчинников. — Ну и здорова баба, мужику столько не осилить». А Марья свое: «Не пятьдесят, а двадцать». Ему бы еще кого с собой прихватить, так нет — один пошел. Спорят они на сеновале, а жена Сидоровича услышала и туда. Кинулась — дверь заперта. Стучит, а они не слышат. Перестала стучать, и они притихли. Жена Сидоровича вокруг дома бегаёт, руками машет, а они там сено обмеряют... Как уж они там договорились, не знаю, а только в акте поставлено 40 пудов, сам видал...

Бескуров, от души посмеявшись, сказал:

— Выходит, Овчинникову труднее было, чем мне. Мне-то повезло, что хозяйки дома не оказалось. А если б они оба с Саватеевым взяли меня в оборот, а?

— Тоже получилась бы веселая историйка, будьте уверены, — сказал Костя.

XIX

Словно разомлев от жары, гудок долго пытался заявить о себе полным голосом, но, кроме надсадного густого хрипа, ничего не получалось. Люба Мальцева подняла от бумаг голову. По заводскому двору спешили к проходной рабочие дневной смены. Многие были в майках, и Люба знала, что ребята из механического сейчас пойдут на реку, чтобы смыть с себя пот, а заодно и усталость. И хотя в директорской приемной было куда прохладней и чище, чем в цехе, Люба с удовольствием отправилась бы с ребятами. Но уйти нельзя было, так как Павел Степанович, директор, не выходил из кабинета и мог вызвать Любу каждую минуту. Она с досадой и сожалением отвернулась от ок-

на и снова взялась за бумаги. Впрочем, уголком глаза Люба все время наблюдала за двором, и как только основной поток схлынул, решительно отодвинула папки в сторону. Все документы давно были приведены в порядок, ей оставалось только ждать. И вот это-то всегда страшно нервировало Любу, хотя внешне она ничем не выдавала своего недовольства. Она работала секретарем два года и научилась владеть собой. Но все-таки обидно: почему она должна торчать здесь лишние часы?

Люба достала из сумочки маленький напильничек и принялась тщательно подравнивать пунцово-лаковые ногти. Покончив с этим, она столь же заботливо, заученными движениями, стала взбивать и без того пышные каштановые волосы, но тут ее прервал телефонный звонок.

— Приемная директора завода, — привычным сухим тоном сказала Люба и, выслушав до конца, тем же бесстрастным голосом ответила: — Хорошо. Сейчас я спрошу Павла Степановича.

Она встала, открыла обитую кожей дверь и произнесла:

— Павел Степанович, меня просят зайти в комитет комсомола. Я вам сегодня не понадобится?

— Нет, нет. Я же говорил, кажется, чтобы вы не оставались после пяти. Я предполагал, что вы уже ушли.

Люба рывком закрыла дверь.

«Ну, конечно! — подумала она. — Когда же это он говорил? И ведь знает же, что я ни разу не уходила без разрешения. Как только не стыдно!»

В комитете ей сказали:

— Вот какое дело, Мальцева. В колхоз «Восход» — ну, ты знаешь, это километров двенадцать за Двиной — завтра отправляется группа наших девушек. Комитет решил направить тебя с ними в качестве старшего. Пойдут еще ребята, чтобы помочь там механизировать ферму, но они будут действовать самостоятельно. Поможете колхозникам в тереблении льна и в других работах, там скажут — в каких. Ну и, конечно, выступите с концертом.

— Но почему именно я? — изумилась Люба. — Разве у нас других комсомольцев мало?

— Все уже бывали в колхозах не раз. А ты у нас лучшая солистка, спортсменка, грамотный человек — вполне сумеешь это дело возглавить.

— Нет, я не понимаю, товарищи! — Обычное хладнокровие изменило Любе, она с возмущением поднялась со стула; вытянутая в стрелку левая бровь, приподнявшись, круто переломилась. — Надо же все-таки учитывать мое служебное положение.

— Мы как раз все учли, — спокойно и непоколебимо сказала невысокая, коренастая девушка, Вера Логинова, бригадир одной из комсомольско-молодежных бригад в механическом, старый член комитета. — Если тебе что не ясно — спрашивай: посоветуем, поможем.

— Мне многое не ясно, — резко и многозначительно сказала Люба, демонстративно отвернувшись от Веры. — Во всяком случае, я должна сначала поговорить с Павлом Степановичем.

— Мы уже говорили с ним, — невозмутимо ответила Вера Логинова. — Он сказал, что с этим поручением ты безусловно справишься.

— Ах, так! Ну, хорошо, — не удостаивая Веру взглядом, сказала Люба. — Вы решили вопрос обо мне формально, вы даже не хотите выслушать меня — что ж, это дело вашей комсомольской совести. Я вынуждена подчиниться.

Она круто повернулась, но Вера внезапно спросила:

— Люба, ты переписываешься сейчас с Володи?

— А почему это тебя интересует?

— Извини, конечно, за нескромный вопрос, но, видишь ли, недавно мы получили от него письмо. Он там спрашивает и о тебе.

— Можешь передать ему привет, я не возражаю, — насмешливо проговорила Люба и, ни с кем не попрощавшись, вышла.

Члены комитета некоторое время растерянно молчали. Наконец, секретарь, молодой человек в очках, вопросительно произнес:

— А может, не стоит ее посылать с таким настроением? Чего доброго, она и другим настроение испортит.

— Не испортит, — уверенно отозвалась Вера. — Я девчат наших знаю, не поддадутся. А Любке это на

пользу пойдет, засиделась она в своей канцелярии. Пусть жизнь посмотрит, а то у нее одни танцульки на уме...

«Это все Верка придумала, больше никому, — зло размышляла Люба, торопливо шагая по заводскому двору. — А я-то ее подрутой считала. Ладно, в колхоз я схожу, но Верке я это припомню. И какое ей дело до Володи? Ей-то не все равно, переписываюсь я с ним или нет? Наши дороги разошлись, и незачем было напоминать о старом...»

* * *

В «Восход» они пришли к десяти утра. День выдался такой же солнечный, знойный, как и вчера. Как видно, погода установилась надолго. Дорогой девушки собирали цветы, шутили, дважды купались в Двине. Люба сторонилась подруг — не потому, что осуждала их за бездумное веселье, а потому, что ее по-прежнему угнетала необычная командировка да и вчерашняя злость на Веру Лотинову все еще не улеглась. Ее удивляло, что девушки восхищаются окружающим простором. Ничего такого живописного или оригинального Люба вокруг не видела. Как и везде, здесь было то же синее небо над головой да однообразно зеленый ковер скошенного луга, заставленный серыми, похожими на большие грибы, стогами. Люба устало шла по пыльной дорожке, почти не поднимая глаз, и где-то глубоко в душе таилось беспокойство: что-то будет дальше? Где они будут ночевать? Какую работу им дадут? Встретит ли она Володю, а если встретит — как вести себя с ним?..

Лишь однажды, когда они шли возле самого берега Двины, Люба была приятно поражена красотой и мощью красавицы-реки. Под городом Двина была стеснена каменными набережными и многочисленными стоянками судов, а здесь раскинулась широко и привольно, так что противоположный берег казался далекой неведомой страной, куда надо добираться на океанском пароходе. Правда, там тоже виднелись луга, скирды сена, деревни, лес, но все в иных очертаниях и странно заманчивой перспективе.

В этом месте река сильно обмелела, обнажив длин-

ную песчаную косу. Вспененные песчаные гребешки, словно подгоняемые легким ветерком, бежали навстречу девушкам, и Люба долго не могла оторвать взгляда от этого ласкового желтого прибоя. По нему хотелось пробежаться босиком, а потом лечь и греться в его сыпучих волнах, пока светит солнце.

И какая-то волнующая, неожиданная гордость пробудилась в Любином сердце, когда одна из девушек звонко запела:

Ты, Двина, Двина полноводная,
Ты куда, Двина, держишь путь?
Из-под Устюга в море Белое
Я несу свою белу грудь...

Встреченные у околицы детворой, девушки быстро нашли контору колхоза. Люба, как старшая, пошла в контору, а остальные расположились перед окнами, чтобы подкрепиться после дороги прихваченной из дому снедью.

Люба сразу узнала Бескурова и невольно спряталась за спину чернобородого колхозника, сидевшего недалеко от дверей. «Боже мой, как я могла забыть, что он здесь? Ведь Зоя сто раз мне об этом твердила. А может, он не узнает меня? Нет, обязательно узнает, ведь прошло совсем немного времени...»

Помимо того, что ей стыдно и неловко было вновь встретиться с Бескуровым после того злополучного вечера, Любу еще больше страшило, что он начнет расспрашивать ее о Зое. Но бежать было некуда да и глупо. В конце концов, она попросит дать им работу и сейчас же уйдет, а потом уж она найдет возможность избежать с ним встречи. Несколько успокоившись, Люба стала осматриваться и прислушиваться к тому, что тут происходило.

В конторе сидело несколько мужчин: один чернобородый, жилистый, в сатиновой рубаше (тот, за которого Люба пряталась), другой в полувоенном костюме, в хромовых сапогах («наверно, уполномоченный, — решила Люба»), третий длинношей, с маленькой лысой головой, с благообразным невозмутимым лицом. Бескуров за что-то отчитывал лысого, а тот плавно разводил руками, негромко, с выражением полной непричастности ко всему случившемуся, отвечал:

— Поломки у всякого могут произойти, известно, машина — не человек. Дайте запчасти, мы живо все оборудуем, от других не отстанем.

— Вы уже отстали, Яков Игнатьевич, — все более хмурясь, говорил Бескуров. — Придется теперь переправлять комбайн в Ельники.

— Мы справимся своими жатками, дайте только запчасти, — сказал лысый.

— Платон Николаевич, — обратился Бескуров к «уполномоченному». — Съезди в сельхозснаб, раздобудь запчасти во что бы то ни стало. А комбайн, видимо, придется все-таки переправлять.

— Нет никакого резону, Антон Иванович, — вмешался чернобородый. — По ихней дороге он два дня до Ельников пробуксует, время упустим. Дельнее перевезти туда нашу жатку, пушай Костя им подсобит. — Чернобородый неодобрительно взглянул на лысого и добавил: — Что-то у них каждый год в это время машины ломаются... Я, бывало, уж весь хлеб в поставки отвезу, а они только разворачиваются.

— Типун тебе на язык, Матвей, — огрызнулся лысый. — Я да я, а у самого одна шлея. Не нужен мне твой Костя, на своем поле без тебя управимся.

— Поле-то общее, а не твое, — сказал чернобородый. — Нет, Антон Иваныч, лучше тебе самому туда съездить, поглядеть, что и как. На слово не полагайся.

— Ладно, — кивнул Бескуров, — выясним все на месте. Костя поедет со мной. Еще что? Да, запчасти. Сейчас же, Платон Николаевич, поезжай в город. Комбайн пока пусть работает у тебя, Матвей Сидорович. Ну, пошли.

В эту минуту в контору, пропуская мимо себя выходящих мужчин, вошла высокая светловолосая девушка в простеньком ситцевом платье и в стоптанных запыленных туфлях на босу ногу. Она заговорила еще от дверей:

— Антон Иванович, к нам шефы пришли, а вы ноль внимания. А, вот вы где! — улыбнулась она, обнаружив Любу. — Ну что, говорили с председателем?

— Да нет, — зябко дрогнув плечами, сказала Люба и поднялась со скамьи. — Он занят был.

Бескуров, не скрывая удивления, протянул Любе руку.

— Здравствуйте. Где же это вы прятались? Вот так встреча. Как же вы к нам попали?

— Я не одна, нас тут группа девушек с завода, — стараясь овладеть собой, ответила Люба.

— Знаю, что группа. Но вы-то как?.. — Он взглянул на Клаву и переменял разговор. — А механики ваши пришли? Директор обещал послать специалистов — ферму механизировать.

— Они, наверно, завтра будут, я точно не знаю.

— Ну, так куда же мы их направим, Клавдия Васильевна? — спросил Бескуров. — Лен теревить?

— Неужели у вас и льнотеребилка нет? — спросила Люба, слышавшая от девочек, что при теревлении очень портятся руки.

— Пока нет, да у нас и льна-то немного, — улыбнулся Бескуров и этим окончательно рассеял опасения Любы. — Посеем больше — и льнотеребилка будет. Она сейчас у соседей работает.

— Нет, на лен не стоит, Антон Иванович, — сказала Клава. — Как установили поощрительную оплату льноводам, так с тех пор они и на поле никого не подпускают. Дайте лучше шефов мне на силосование. Трактор и силосорезка на ходу, а людей нет. Мы бы сегодня обе ямы в первой бригаде засилосовали.

— Правильно, — одобрил Бескуров. — Эта работа веселая. Давайте, действуйте. А потом мы с вами, Люба, поговорим.

Люба испуганно взглянула на него и сейчас же вышла. Клава осторожно спросила:

— Оказывается, вы знакомы?

— Так, случайно... Она была как-то на вечеринке у жены. Я даже не знаю толком, что она за человек, но любопытно бы с ней поговорить.

— Люба, Люба, — повторила Клава в раздумье. — И с того же завода. А вдруг?..

— О чем вы, Клавдия Васильевна? — поинтересовался Бескуров.

— Гадаю на кофейной гуще, — рассмеялась она. — Ну, я пошла, Антон Иванович.

— Минутку... — Он чуть не схватил Клаву за руку, но вовремя удержался. Их взгляды встретились. Бескуров тихо сказал:

— Какая вы необычная... в этом ситцевом плати-

це. Вообще, вы каждый день другая, просто удивительно.

— Мне надо идти, Антон Иванович, — так же тихо, словно она произносила что-то недозволенное, сказала Клава.

— Да, да, идите, — все-таки дотронувшись до ее руки, рассеянно проговорил Бескуров...

XX

Любу интересовало все... Кем Клава здесь работает? Ах, зоотехником! Это все равно как ветеринар, да? И сколько же лет она училась на зоотехника? Четыре года! И после этого очутиться в деревне. Просто невероятно...

Клава отвечала на ее вопросы так, словно она была экскурсоводом, а Люба — несмышленным экскурсантом. Впрочем, Люба ей нравилась. Очень непосредственная, любознательная и красивая девушка. То, что она не знала деревню и, по-видимому, свысока смотрела на все деревенское, Клаву искренне забавляло. Уж если говорить прямо, она и сама еще чувствовала себя здесь новичком, временами ее сильно тянуло в город, в привычную, знакомую обстановку, в которой она прожила столько лет. Но это, конечно, совсем не то, что ощущала Люба. Она ведь приехала сюда всего на два-три дня и хотела побольше набраться новых впечатлений, чтобы было о чем рассказать там, в городе, своим друзьям.

Люба заговорила о заводе, и Клава опять подумала: «А вдруг это она? И Володя как раз поставлен на silosование. Через пять минут они встретятся. А Лена ничего не знает. Ну и хорошо, что не знает. Так лучше...»

Девушки перелезли через изгородь, миновали приземистый, сейчас пустой, с распахнутыми настежь дверями, скотный двор и вышли на просторную лужайку, посреди которой стоял трактор, а рядом возвышался раструб силосорезки. Возле трактора сустились ребяташки. Один из пацанов залез на сиденье тракториста и гордо держался за руль. Второй нетерпеливо прыгал на одной ноге вниз, дожидаясь своей очереди.

Появление девушек ничуть не смутило ребят. Они хором закричали, что им разрешил поиграть дядя Володя. На вопрос Клавы, где же он, мальчишка за рулем сложил ладошки рупором и звонко позвал:

— Дядя Володя-а-а! Силосовать пришли!

«Ой, это, наверно, Володька и есть, — подумала Люба. — Вот так «дядя».

Ей стало смешно, и она задорно перемигнулась с подругами. Те сразу догадались, в чем дело, и стали оглядываться по сторонам, не зная, откуда должен появиться Володя.

А он, лежа в траве под одинокой черемухой, еще издали заметил заводских девчат и скорее почувствовал, чем узнал, что вон та, рядом с зоотехником, Люба собственной персоной — и сердце его застучало, словно мотор на больших оборотах. Все было бы ничего, если бы не этот проклятый скандал с Мишкой Чирковым. Он просто хотел подшутить, думал, Мишка быстро смекнет насчет магнето, а получилось черт знает что... А он-то писал Любе, что водит мощный ДТ, скоро, как знающего человека, его поставят бригадиром. И вот она увидела старый, с многочисленными вмятинами, трактор, к тому же поставленный на прикол, как облезлая кляча, только на то и годная, что крутить эту паршивую силосорезку. Подобного унижения Володя не испытывал за всю свою жизнь.

— Дядя Володя-а-а! — надрывался парнишка.

А Володя лежал, укрывшись за ствол черемухи, и со злостью думал о Лене, выставившей его на посмеище всем, кому не лень посмеяться, в том числе и Мишке Чиркову. Конечно, Любе наверняка уже рассказали всю эту историю. Ну и черт с ними, пускай силосуют, как хотят, он им не мальчик. И кто это умудрился послать шефов именно сюда? Как будто не нашлось бы для них другого дела...

Он затравленно оглянулся вокруг и понял, что скрыться незаметно не удастся. В то же время злость и обида словно успокоили его — сердце прекратило бешеный перестук, а с лица схлынул непрощенный румянец. Скрипнув зубами, он нехотя поднялся.

Володя подошел к девушкам той ленивой, небрежно независимой походкой, которая лучше всяких

слов говорила о том, как низко ставит он и то, чем ему приходится тут заниматься, и то, что о нем думают люди. Он снисходительным взглядом обвел улыбающихся девчат (многих Володя хорошо помнил), искусно обошел не менее насмешливый взгляд Любы и сказал:

— Здорово, землячки. Каким это ветром вас сюда занесло?

— Да вот, помочь вам пришли, — ответила одна из девушек.

— Посмотреть, как вы тут живете, чем дышите, — с вызовом сказала Люба, а сама подумала: «Ой, какой он непохожий на себя стал. Черный весь, худющий, и глаза злые. Видать, не легко ему здесь».

— Валийте, смотрите, — пожал Володя плечом и прошел к трактору. — А ну, брысь отсюда! — зыкнул он на пацанов, и те, как вспугнутые воробьи, рассыпались в разные стороны.

Клава все еще не могла понять, та ли это Люба или другая, не имеющая никакого отношения к Володе. Она видела, что Володя не в духе, однако не удивилась этому. После того случая он вообще здорово переменялся. Почти ни с кем не разговаривает, нигде не бывает, вспыскивает по пустякам. Клава понимала и сочувствовала ему, но оправдать его поступок не могла. А вот от Лены она, признаться, не ожидала такой принципиальности. Сама же теперь страдает, хоть и не хочет сознаться. И Клава внезапно подумала: «А смогла бы я так поступить с Бескуровым, как Лена с Володией?..» И тут же, устыдившись этой мысли, поспешно обратилась к трактористу:

— У тебя агрегат в порядке? Сейчас подводы подъедут, будем начинать.

«Агрегат! — усмехнулся тот про себя. — На этом «агрегате» только пацанам работать». Но вслух сказал:

— Пожалуйста, хоть сейчас могу включить.

— Девушки, кто умеет косить — разбирайте косы, пойдем, — сказала Клава и первая взяла косу-стойку, лежавшую на краю огромной, тонн на сорок, силосной ямы. Клава заглянула вниз и вспомнила, как рыли эту яму. Дело было срочное, так как гороховая смесь переставала, начинала грубеть, ее на-

до было немедленно косить и силосовать. Яму поручено было подготовить Звонкову, но он, кажется, ни разу не заглядывал сюда, и работа подвигалась черепашьими темпами. Тогда Бескуров и Костя Проскуряков собрали молодых, крепких ребят и поставили перед ними задачу: вырыть яму к вечеру. Работа оказалась тяжелой и нудной, к вечеру они не сделали и половины, а тут разразилась гроза с ливнем. Ребята обрадовались: можно кончить, немыслимо копать глину под дождем. И они уже совсем собрались домой, когда к ним пришел Бескуров. Он видел, что ребята чертовски устали, вымокли до нитки, но он решил испытать их и полез в яму один. За ним Костя, а затем спустились и остальные. Костя потом рассказывал Клавде: «Конечно, у нас под ногами не горело, могли бы спокойно доделать и наавтра, зато теперь ребятам не страшна любая работа. Они поняли, что можно сделать и невозможное, если захотеть». Уже в полночь продрогших, усталых, но довольных ребят Бескуров привел к себе на квартиру, взял у запасливой Татьяны Андреевны пару бутылок водки и утосстил землекопов доброй порцией на сон грядущий...

Клавда вспомнила все это и улыбнулась: странный человек Бескуров. Зачем было мучить ребят? Зачем было ему угощать их водкой, разве не мог он поблагодарить за труд иначе? Ведь по деревне уже ползут слухи: председатель устраивает коллективные пьянки. Кто их распускает — неизвестно, но зачем было Бескурову давать повод? Да, странный и милый человек... Неужели жена к нему не придет?

...Косить вызвались всего три девушки — остальные не умели. Люба тоже хотела пойти с Клавдой (ее забавляло, как девушки будут управляться с нелепыми и страшными на вид косами), но раздумала. Поискала глазами Володю. Ушел. «Интересно, о чем он писал в комитет? Чудак, нашел кому писать. Пусть я не ответила ему, но уж Верке-то незачем было жаловаться. Сам вызвался поехать в деревню, кто же теперь виноват?»

Все-таки Люба чувствовала себя в какой-то мере виноватой перед ним. Она-то ведь отлично знала, как относился Володя к ней раньше. Правда, тогда Люба не очень задумывалась об их взаимоотношениях,

просто иногда ей весело было с ним, иногда нет — все зависело от настроения. А когда он уехал, она скоро примирилась с его отсутствием, хотя в первое время было как-то и грустновато, и скучновато без него. Неизвестно, как сложилась бы их судьба, если б он не уехал, но раз его нет — значит, и думать об этом бесполезно.

Однако Люба не могла не понимать, что Володя поступил по-комсомольски, откликнувшись на зов партии, и даже немножко гордилась им. У кого бы расспросить, как он тут живет? Пацаны, конечно, толком ничего не расскажут, а из взрослых никого нет. И тут Люба увидела две подводы, выехавшие из деревни. Они свернули к гороховицу, но с одной из телег соскочила какая-то девушка и направилась прямо к трактору. Лена — это было она — прослышала о приезде шефов с завода и решила повидать их. Она решительно поздоровалась с девчатами, незаметно огляделась — нет ли поблизости Володи — и спросила:

— Ну как, товарищи, хорошо у нас?

— Чего же хорошего? — отозвалась Люба. — Комары так жалят, что спасу нет.

— Здесь-то их немного, — утешила Лена, — а вот поработали бы вы около леса, тогда бы узнали, по чем фунт лиха.

— Спасибо, мы в лес не собираемся, — иронически сказала Люба, внимательно оглядывая Лену. «Какая она, наверно, сильная», — подумала она и спросила: — А вы кем здесь работаете?

— Учетчиком в тракторной бригаде, Леной зовут. А вас?

— Люба.

— Люба? Красивое имя... — Лена помолчала. — Давайте, Люба, берите своих девчат и айда туда. Можете подводы нагружать.

Девушки пошли, а Лена оперлась на крыло трактора и тупо смотрела им вслед. «Люба... Уж не она ли?» Что-то подсказывало ей, что это та самая Люба, по которой «сохнет» Володя. Ладно, она разузнает все точно. Хотя Лена не встречалась и не говорила с Володей с того памятного вечера, сейчас она решила подавить свою гордость и первой подойти к нему. Она

уже заметила его возле черемухи и быстро направилась туда. Володя демонстративно повернулся к ней спиной. Лена грубо сказала:

— Заводи машину, сейчас траву подвезут.

— Без тебя знаю...

— Попробуй сперва, а то опять ремень порвется — осрамишься перед своими, — насмешливо проговорила она.

— Ладно, не твоя забота, — буркнул Володя. — Ты, собственно, зачем сюда приперлась? Без тебя не обошлись бы?

— Захотела — и пришла, — с вызовом ответила Лена. — На твою Любовь посмотреть, какая она из себя...

Она сказала это на всякий случай, желая хоть чем-нибудь уязвить его, и сама поразилась действию своих слов. Володя вдруг вскочил и зло, торжествуя над ее унижением, бросил ей прямо в лицо:

— Да уж не чета тебе, можешь убедиться! — И пошел к трактору, ожесточенно срывая носками ботинок уже примятые, но упрямо тянущиеся к солнцу неяркие полевые цветы.

Лена вспыхнула, как от удара, испуганно оглянулась (не слышал ли кто?) и осталась стоять у черемухи. Слезы обиды против ее воли навернулись на глаза, и хотя Володя был еще в трех-пяти шагах, сквозь нахлынувший туман она едва различала его фигуру. Но это продолжалось недолго. Лена была не из тех, кого можно легко заставить плакать. Очень-то он ей нужен! Пусть идет к этой тонконогой, она-то уж, конечно, не станет писать в «боевой листок», если Шишкин снова подведет товарища. Ничего себе, славная пара!

Тем временем Володя завел трактор. Люба расставила девчат: одних разгружать телеги, других — подавать зеленую массу по лотку в барабан силосорезки. К лотку встала и она сама. Вскоре к ней присоединилась Лена. Работая, они часто переглядывались: Люба дружески, несколько вопросительно, так как не знала, хорошо ли у нее получается с работой, Лена — натянуто и настороженно. Пропустив возов семь-восемь, она отошла в сторону, присела недалеко на зеленый буторок. Нет, она нисколько не устала и все-

таки непонятная слабость охватила все ее тело. Даже рукой было тяжело шевельнуть, чтобы дотянуться до ближайшей ромашки.

А Володя незаметно наблюдал за ними обеими. Он то отходил в сторону, ложился на траву и курил, то помогал разгружать телеги, то зачем-то осматривал мотор, озабоченно постукивая по железу гаечным ключом. Как только Лена села на буторок, Володя встал на ее место и спросил Любу:

— Ну как, устала?

— Пока нет, — улыбнулась она ему. — Скоро яму заполним?

Им приходилось почти кричать, так как рокот трактора и скрежет барабана заглушали голоса.

— Скоро, — кивнул Володя, хотя яма не была заполнена и наполовину.

— А я, знаешь, боялась. Думала, лен заставят теребить. А эта работа веселая, — вспомнила она слова Бескурова. — Помнишь, как на воскреснике до рогу чинили? Тогда нам досталось.

— Помню, — сказал Володя, улыбаясь при воспоминании о тех далеких и счастливых днях. — И как потом купаться ходили — помню...

Люба, занятая работой, только тряхнула головой, а Володя, взволнованный прихлынувшими воспоминаниями, отошел к трактору, достал из кармана папиросу.

Лена; хоть и не слышала слов, видела все — их взгляды, улыбки. Так вот она какая, Люба. Что ж, ничего не скажешь, красивая девушка, видная, сразу в глаза бросается. Только зачем она маникюр навела, даже смотреть противно. Вообще-то, конечно, тут ничего противного нет, Лена сама собиралась сделать себе маникюр, даже и лак у нее давно куплен. Нет, теперь она ни за что не будет красить ногти. Да и для кого? Мишка увидит — первый засмеется. Много он понимает! Вечно ходит в грязи, словно гордится ею. А Володя и сейчас, на работе, умеет держать себя — на лице ни пятнышка, майка лишь местами зазелена травой, на руке серебруются часы... Ну и пусть серебруются, а душа-то у него черная. Никогда Лена не станет унижаться перед ним. Вот нарочно возьмет и уйдет отсюда, чтобы не видеть, как он тут подлизы-

вается к своей Любе. До чего же противны эти парни. Куда ветер — туда и они.

Но Лена не уходила, она не могла уйти. Скоро пришла Клава и объявила перерыв. Изрезанную массу в яме надо было умять. Ребятишки уже давно прыгали туда и со смехом барахтались в яме, словно в воде. Кое-кто из девчат не выдержал и тоже прыгнул туда. Веселье охватило всех, позабыли даже о еде.

Володя, бесцельно постукивая ключом по капоту, ловил среди множества голосов один, самый знакомый, но уловить почему-то не мог. И вдруг он увидел: Люба тихонько идет по луту, собирая редкие цветочки. Вот она почти скрылась за черемухой. Воровато оглянувшись, Володя обошел трактор, не спеша двинулся к черемухе. Очутившись за спасительным деревом, он бегом догнал девушку. Та резко обернулась, вызываясь спросила:

— Ты что? Дратся хочешь?

— Чего? — опешил Володя, но, проследив за ее взглядом, тотчас отвел руку с ключом за спину и бросил его в траву. — Фу, черт, действительно... Неужели ты могла подумать?

Люба рассмеялась. Нет, он остался, наверно, таким же, каким и был, этот Володька: ершистый, когда задевали его самолюбие, и до наивности добродушный, как только проходила обида. И все же — как далек он сейчас от нее! Просто нельзя представить, что она, Люба, когда-то целовала его и даже думала, что любит.

— Люба, неудобно как-то получается... Вроде мы и знакомы никогда не были.

— Считай, что уже познакомились. Что же дальше?

Положительно, все это забавляло ее!

— Понятно, — раздельно проговорил Володя. — Значит, о старом вспоминать нечего?

— Да зачем, Володя? Что толку? — мягко сказала Люба. — Ты здесь, я там. И, кроме того, прошел уже год, мы стали взрослее. Давай будем смотреть в будущее, Володя. Ведь жизнь-то у нас вся впереди, понимаешь?

— Понятно, — повторил Володя. — Пожалуй, правильно. Но ты могла бы сказать об этом раньше.

— Видишь ли, я и сама тогда не знала, что сказать, — призналась Люба.

— Ладно, теперь все ясно. Не будем об этом, — мрачно проговорил Володя. — Знаешь, я, наверно, уйду из МТС. Ну их...

Она подумала, что он собирается уйти из-за нее, но, заглянув в его холодные, ставшие чужими глаза, Люба поняла, что ошиблась. Возможно, у него произошли какие-то неприятности по работе, а может, просто затосковал по родному заводу — кто знает?

— Нет, Володя, так, по-моему, нельзя, — решительно заговорила Люба. — Я понимаю, как тебе трудно, но подумай, что скажут наши ребята, если ты дезертируешь?

— Дезертируешь? — Володя с недоумением посмотрел на Любу, словно услышал от нее новое, непонятное слово и хотел уяснить, что оно обозначает. — Ну нет, дезертиром я не был и не буду. Просто я хочу перевестись в другой колхоз...

XXI

Федор Семенович Лысов, полуобернувшись к окну и слегка поскрипывая креслом, рассеянно наблюдал за потоком прохожих на противоположном тротуаре. Особых забот у него в эту минуту не было, и он лишь ждал шести часов, чтобы отправиться домой. Без пяти шесть зазвонил телефон. Первый секретарь просил Лысова зайти к нему.

Федор Семенович огорченно свистнул, потом задумался. Неужели опять предстоит командировка? А ведь завтра суббота, и он обещал прийти к одному из друзей на день рождения. Досадно!

Комаров, хмурый и чем-то недовольный, достал из ящика стола конверт, брезгливо бросил его на стекло и сказал:

— Вот, почитай... — Лысов, сощурившись, словно целясь, потянулся за письмом, но Комаров остановил его: — Потом прочтешь, я спешу, завтра еду в обком... Да, насчет укрепления колхозов кадрами. Наломали мы дров в этом деле порядочно. В одном «Сеятеле» за два года сменилось три председателя. В некоторых наших посланцах мы ошиблись, это факт. Вернусь —

специально соберем по этому вопросу пленум райкома. Это письмо — кляуза на молодого председателя в «Восходе» Бескурова...

— А почему вы считаете, что это кляуза?

— Потому, что письмо анонимное, — сердито ответил Комаров. — Собственно, не стоило бы обращать на него внимания, но там пишется о вопиющих фактах, поэтому, чем думать о Бескурове бог знает что, лучше поговорить и выяснить вопрос с ним самим. В крайнем случае, побеседовать с коммунистами...

— Понятно, Василий Васильевич, — с готовностью кивнул Лысов. — Но интересно — в чем Бескуров обвиняется?

— Представь, будто бы он, вопреки решению правления, отдал восемьдесят гектаров сенокоса Северному лесопункту, заставляет работать инвалидов, грозит урезать у них приусадебные участки, устраивает коллективные выпивки... А дальше я не верю ни одному слову...

— Разве это не все? — сделал возмущенное лицо Федор Семенович.

— Нет... Этот трус-аноним пишет, будто Бескуров не хочет перевозить жену в колхоз, так как живет там с молодой вдовой. Никогда этому не поверю. Я вызывал Екимовского, секретаря парторганизации торга, и он тоже заверил, что ничего подобного не может быть. Вообще, он самого лучшего мнения о Бескурове, но, понятно, в колхозе Екимовский не был и не знает всех подробностей. Придется тебе, Федор Семенович, съездить туда и выяснить, где правда и где ложь. Ни в коем случае не дискредитируй Бескурова перед колхозниками, пока мы досконально не разберемся во всем сами. Бескуров — дельный и способный работник, в этом я убежден. Если он в чем ошибся — я допускаю, что по неопытности он мог ошибиться, — мы обязаны его поправить. Нас ведь тоже поправляют, когда мы ошибаемся. К тому же Бескурову мы практически пока ничем не помогли.

— А если это не ошибка, а преднамеренная линия? — осторожно спросил Лысов. — Кстати, насчет жены я Бескурова предупреждал...

— Пока это кляуза, ничего больше, — отрезал Комаров. — Прошу это иметь в виду.

— Допустим... Но все же мне предстоит пренеприятная миссия. Вы помните, Василий Васильевич, я воздержался при голосовании, когда мы утверждали Бескурова на бюро. Не потому, однако, что считал его неспособным, отнюдь нет. Просто потому, что в «Восходе» уже был не менее способный работник — Звонков, и следовательно, мы могли использовать Бескурова в другом месте. Вот какова была моя позиция. Теперь, если хоть часть обвинений подтвердится, поневоле придется мнение о Бескурове менять. Очень, очень жаль. Это явится большим минусом в нашей общей работе с кадрами.

— Не спешите с выводами, товарищ Лысов, — сухо сказал первый секретарь. — Минусов, конечно, у нас хватает, но посмотрим, может быть, Бескуров как раз окажется нашим плюсом. Учти, дела у него идут неплохо, я ведь хоть и по сводкам, а слежу за ним.

— Сводки, знаете... — Лысов многозначительно покачал головой.

— Знаю, товарищ Лысов, и очень жалею, что до сих пор не удосужился побывать в «Восходе». Вернусь — обязательно съезжу. — Комаров встал. — Когда сможешь туда выехать?

— Хоть завтра, — позабыв о дне рождения, на который он был приглашен, ответил Федор Семенович.

— Да, завтра, — твердо сказал Комаров. — И прошу иметь в виду то, о чем мы здесь говорили...

Дверь за Лысовым, наконец, захлопнулась. Василий Васильевич, нагнув голову и заложив руки за спину, прошелся по кабинету из угла в угол. Расстегнул верхнюю пуговицу кителя. Комаров не думал сейчас о том, что и как он скажет на бюро обкома. Знал — в данном случае от него потребуют не столько цифр, сколько живой, ясной и точной характеристики людей, которые во многом решали судьбу сельского хозяйства района. И, конечно, спросят, как райком помогал этим людям, как воспитывал их. Обо всем этом у него еще будет время подумать — путь до областного центра не близкий. Ясно было и другое: ему придется выслушать немало горьких истин, и хотя Василий Васильевич уважал критику, считал ее верным средством по предотвращению крупных ошибок — все-таки выслушивать ее было всегда неприятно. Вот и Лысов гово-

рит: в Бескурове бюро райкома, судя по всему, ошиблось. Василий Васильевич сказал ему: это кляуза, человеку, побоявшемуся подписать жалобу, нельзя доверять... Мало ли еще у нас мелочных, злобствующих, кляузных людишек, эгоистов и карьеристов, а то и просто любителей насолить ближнему? Они под разными масками скрывают свое истинное лицо, хитрят и лавируют, их подчас долго не удастся вывести на чистую воду, но в конце концов они запутываются в собственных же грязных сетях, расставленных для других. Иначе не может и быть. Но верно и то, что вреда подобные людишки приносили и приносят тоже немало.

А если это не клевета, не кляуза? Только теперь Василий Васильевич понял, что раздражение и сухой, резкий тон, каким он разговаривал с Лысовым, вызваны были именно смутным, где-то в глубине души таившимся опасением, что Лысов, быть может, прав, и Бескуров действительно виноват. Сознать это было очень горько, так горько и обидно, словно Бескуров обманул лично его, Комарова. Да по существу так оно и есть, поскольку он настойчивее всех членов бюро рекомендовал Бескурова в «Восход». Допустим, дело тут не в личностях, и Бескуров подвел не Комарова, а райком, партию, но от этого Василию Васильевичу было еще тяжелее. Стоило бы вспомнить, почему он тогда так поверил в Бескурова, если бы это помогло его оправданию. Нет, его, Комарова, личное мнение ничего сейчас не изменит. Помочь Бескурову может только сам Бескуров. Не сумеет — пусть пеняет на себя. Разные бывают ошибки: одни можно простить, за другие человек должен расплачиваться полной мерой.

И все же Василий Васильевич не верил, что мог так жестоко ошибиться в Бескурове. Это был бы слишком горький и обидный урок...

XXII

В «Восход» Лысов приехал в полдень. В конторе, кроме бухгалтера и счетовода, никого не было. Федор Семенович ничуть не удивился происшедшим здесь переменам, словно знал, что контору отремонтировали и переоборудовали специально в ожидании его приезда. Он одобрительно похлопал ладонью по новым, еще не

покрашенным переборкам и прошел в кабинет председателя. Вызванный туда Давидонов в пять минут отбарабанил нужные сведения: сколько сжато зерновых и вытереблено льна, сколько сдано хлеба, заготовлено сена и силоса, посеяно озимых, надоено молока... Лысов, не вдумываясь, быстро записал все цифры в блокнот и уж затем стал вникать в их суть. Однако гектары, тонны и литры мало что говорили ему — их надо было сравнить хотя бы с прошлогодними данными, но это заняло бы много времени. Зато у Федора Семеновича оказались с собой показатели по другим колхозам, преимущественно передовым, и по ним он легко сориентировался.

Оказалось, дела у Бескурова действительно шли неплохо — во всяком случае, не хуже, чем у других. Уборку зерновых он, пожалуй, на днях завершит, силоса уже заложил около пяти тонн на корову («в прошлом году было, кажется, всего по две тонны»), план сенокосения перевыполнил («ну, тут вопрос ясен: гектары — на счет колхоза, сено — чужому дяде»), лен вытеребил («его и было-то с гулькин нос, стыдно не управиться»). А вот озимых посеяно мало, слишком мало. Хлеба сдано тоже маловато. С надоями молока явное отставание, хотя, конечно, за два месяца Бескуров, да и любой другой на его месте, вряд ли мог при всех усилиях наверстать упущенное раньше.

В общем, по сводкам Бескуров выглядит вполне добропорядочно, а вот каков он на самом деле? Ведь бывает так: захочет человек блеснуть, пыль в глаза пустить — он ничем не брезгует, может решиться даже на противозаконную комбинацию, лишь бы выдвинуться, зарекомендовать себя. А там — хоть трава не расти, он своего добился и ходит чуть ли не в передовиках. Да, были такие случаи... И в моральном отношении Бескуров далеко не безупречен, а это о многом говорит. Комаров хотел бы, чтобы письмо оказалось кляузой, да оно и понятно: Бескуров-то его ставленник, неудобно все-таки... Однако признать ошибку вам придется, уважаемый Василий Васильевич! Признать и впредь повнимательнее прислушиваться к советам и рекомендациям второго секретаря. А то уж слишком много на себя берете, товарищ Комаров. У меня стаж партийной работы побольше, чем у вас, знаний тоже

не занимать. В обкоме это известно, а если там позабыли, то можно и напомнить. Посмотрим, с чем вы приедете оттуда — просто с предупреждением, а может, и с выговором. Минусов-то действительно хватает, а Бескуров, судя по всему, и подавно плюсом не станет...

Федор Семенович очнулся от своих мыслей, закрыл блокнот и, сделав деловито-строгое лицо, велел счетоводу найти и позвать Звонкова. Однако Платон Николаевич, неизвестно как прослышавший о приезде второго секретаря райкома, явился сам, приветствуя Федора Семеновича почтительной улыбкой.

— С прибытием вас, Федор Семенович. Давно, давно ждали, хоть и знаем, что хвалить нас не за что. Слабо беремся за хозяйство, недостатков уйма...

— Ладно, не прибедайся, Платон, — добродушно сказал Лысов и обвел пухлой белой рукой кабинет. — Твоя работа?

— Обидно же, Федор Семенович: в других колхозах контора как контора, а у нас все не как у людей. Бескуров, конечно, сопротивлялся, а сейчас и сам рад, что сидит в приличном кабинете.

— Он, видать, не понимает, что о хозяине судят не только по урожаю, но и по избе. Чего ж ты дела до конца не довел?

— Как? — сразу насторожился Звонков.

— Контору привел в порядок, а вывеску старую оставил. Фанерка вся потрескалась, букв почти не заметно. Срамota, а не вывеска.

— Верно! — всплеснул руками Звонков. — Совсем забыл, закрутился с делами...

— Закажи в городе настоящую, на стекле. Не настолько уж вы бедны.

— Пустяки, Федор Семенович, деньги мы найдем, есть деньги. Ну, как я мог забыть? — искренне огорчился Звонков и опять разводил руки.

— Ну, это дело поправимое, — утешил его Федор Семенович. — Рассказывай, как ты тут разворачиваешься, с председателем как срабатываешься?

Звонков, привстав, плотнее прикрыл дверь, зачем-то заглянул в окно и торопливым полусшепотом заговорил:

— Вы меня знаете давно, Федор Семенович, я чу-

жими идеями не привык жить. Но раз я ответственный работник и к тому же член партии, я соблюдаю дисциплину и себя не выпячиваю. Товарищ Бескуров, конечно, здесь хозяин, но и я свое дело знаю. Он может говорить что угодно, но факты не опровергнешь, они известны колхозникам. Какие же это факты? Очень, я бы сказал, наглядные... Контору вы уже видели. Далее, я заканчиваю строительство крытого тока, возвел фундамент под зерносклад емкостью в 150 тонн, начал механизацию скотного двора. Наконец, я достал пилораму, автомашину, насос, трубы, запчасти. Ничего этого не было. И все это... я хочу сказать — пилорама, машина и мои строители приносят доход, Федор Семенович, Товарищ Бескуров...

— Платон Николаевич, — перебил Лысов небрежным тоном, — за тот тес, который ты в прошлый раз привез без моего ведома (я узнал об этом от жены), сколько с меня следует?

— За кого вы меня считаете, Федор Семенович? — обиделся Звонков. — Из-за каких-то четырех кубометров я бы стал крохоборствовать? Нет, серьезно, вы меня обижаете...

— Ничуть, Платон Николаевич.. Дело, конечно, пустяковое, не спорю, но что полагается — я уплачу.

Оба они в эту минуту испытывали друг перед другом крайнюю неловкость. Звонков, бесцельно обдергивая под ремнем гимнастерку, беспокойно размышлял: «Вот, услужи человеку, а благодарность... когда-то еще ее дождешься. Чего доброго, еще он же считает меня жуликом и пройдохой. А откажи — и подавно жуликом окажешься, потом доказывай, что ты не верблюд». Федор Семенович, словно бы в деловой озабоченности опустив на блокнот глаза, думал: «Уплатить, конечно, надо, но кому? Не могу же я допустить, чтобы в колхозных книгах фигурировала моя фамилия. И откуда он разнюхал, что у меня крыша прохудилась?»

— Так что ты хотел сказать о Бескурове?

— Я, Федор Семенович, одного хочу: чтобы мне не мешали делать то, что я делаю исключительно на пользу колхозу, — снова оживился Звонков. — А Бескуров — я должен сказать это прямо и честно, хоть и не люблю жаловаться на людей, — Бескуров мне мешает... вернее, тормозит осуществление моих планов.

Возможно, — тут Звонков скромно потупил взор, — он завидует мне, но ведь дело-то, я считаю, общее, и стараюсь я не ради какой-то славы. Она мне не нужна, вы хорошо об этом знаете...

— Не понимаю, — пожал плечами Лысов. — Я бы на его месте дал полный простор твоей хозяйственной инициативе. Ведь он здесь председатель, значит, и слава вся его. А она ему вот как сейчас нужна! — энергично полоснул он ладонью по шее. — Я, собственно, за тем и приехал, чтобы разобраться с Бескуровым. Ты должен мне помочь.

— А в чем дело, Федор Семенович? — медленно спросил Звонков.

— На Бескурова поступила в райком жалоба. Автор, к сожалению, неизвестен, да это дела не меняет. Вот, почитай. Но — никому пока ни слова, понял?

— Понял. Ай-яй-яй! — укоризненно покачал головой Звонков, разворачивая письмо. — Впрочем, этого надо было ждать. Только я не предполагал, что так скоро.

Лысов подивился, с какой быстротой прочитал Платон Николаевич письмо. Можно было подумать, что он сам его писал. Прочитав, Звонков медленно сложил исписанный лист по старым сгибам и спокойно сказал:

— Тут все правда.

— Правда? — воскликнул Федор Семенович. — Тогда почему же ты как коммунист до сих пор молчал? Ты обязан был сообщить обо всех этих безобразиях в райком партии немедленно.

— Позвольте, Федор Семенович, — несколько не обескураженный, сказал Звонков. — Во-первых, кроме меня, здесь есть другие члены партии, а потом, я ведь не мог ходить следом за Бескуровым и смотреть, где и как он распоряжается, — у меня у самого дел по горло, с утра до вечера на ногах. Жалобы, как вы знаете, Федор Семенович, не в моих правилах, а тут тем более. Все сразу бы подумали, что я сделал это из личных побуждений...

— Допустим, — в нерешительности проговорил Лысов. — Тогда почему же ты утверждаешь, что все правда?

— А потому, что вам любой колхозник то же са-

мое скажет, да и Бескуров, по-моему, отрицать не будет. Трудно-с отрицать факты.

— Факты? — все еще сомневаясь, спросил Лысов.

— Да, Федор Семенович, — почти торжественно подтвердил Звонков. — Сенокос лесопункту отдал? Отдал. Мы с бригадиром Прохоровым предупреждали Бескурова — не послушал, даже рта не дал раскрыть. Инвалида войны Саватеева гнал на работу? Гнал. Другим колхозникам угрожал? Угрожал. Молодых ребят насильно заставил ночью, под дождем, копать силосную яму, а чтобы они помалкивали — напоил их и выдал им без санкции бухгалтера сто рублей. Ну, насчет жены... тут дело ясное. Ни к чему она тут, коли он живет у молодой вдовушки, как у Христа за пазухой.

— Спит, что ли, с ней? — усмехнулся Федор Семенович. — Договаривай.

— Чего не видел, того не видел, а зря наговаривать на человека грешно, — ответно ухмыльнулся Звонков.

— Так, ясно, — многозначительно побарабанил пальцами по столу Лысов. — Для Василия Васильевича это будет большим сюрпризом. Как, по-твоему, Платон Николаевич, с какой целью Бескуров шел на эти безобразия и даже на прямое беззаконие? Полагал, что все сойдет с рук?

— Может и так, кто его знает, — осторожно сказал Звонков. — Но, по-моему, цель у него другая. Скорей всего, он хочет уйти из колхоза и опять устроиться на тепленькое местечко в торге. Он же не глупый и понимает, что здесь ему воз не по силам, одно беспокойство, а выгод никаких.

— Ну, если он и уйдет отсюда, то не по своей воле и отнюдь не чистеньким, — жестко проговорил Лысов. — Не знаешь, где сейчас председатель?

— Уехал в третью бригаду. Между прочим, Прохорову от него житья нет. Придирается ко всякой мелочи, поневоле опустишь руки. Чем старик не понравился — ума не приложу. Разве тем, что часто голосует против Бескурова. Этак он и меня скоро выживет с замстителей.

— Не он ставил, не ему и распоряжаться. Насчет Прохорова тоже придется выяснить. Пошли-ка мне сейчас бухгалтера, а потом разыщи этого инвалида... как

его... Саватеева и кого-нибудь из тех ребят, что яму копали. Ни о чем с ними не говори, скажи только, чтоб шли сюда, я с ними побеседую.

— Понятно. Это я мигом... Убедительная к вам просьба, Федор Семенович: ночевать ко мне пожалуйста. Как говорится, чем богат, тем и рад...

— Благодарю, но... удобно ли? Пожалуй, не стоит, как-нибудь в другой раз.

— Да, пожалуй, — в первый раз заметно смутившись, согласился Платон Николаевич. — Ладно, подходящую квартирку я найду, вы не беспокойтесь, занимайтесь тут своими делами...

XXIII

Звонков бросился выполнять поручение секретаря райкома. Сердце его трепетало от радостного предчувствия. «Вот оно! Теперь-то уж Бескуров не вывернется. А он-то, чудак, воображал: пришел, увидел, победил... Как бы не так! На придириках да на угрозах хотел выехать. Нынче, брат, не те времена. Отольются ему теперь наши охи да вздохи. А Бескурова не будет — все Платону в ноги поклонятся. Платон себя покажет, дайте срок. То, что он успел сделать — это лишь цветочки, ягодки-то впереди».

Звонков знал, как многие в колхозе только руками разводили, дивясь расторопности завхоза. Еще бы! Всем известно: Бескуров обещал было пилораму достать — и не достал. А Платон Николаевич поехал, двух суток не прошло — и вот она, чудесная машина, стоит за околицей, развевая желтые опилки, до позднего вечера сотрясаясь в лихорадочной работе. Лес везли сюда не только из окрестных деревень, но и из-за Согры — никому не отказывал Платон Николаевич, цену брал справедливую: с кого — со скидкой, а с кого — с накидкой. Спорить с ним не приходилось: нужда в тесе у всех была огромная. До десятка лошадей кинуто на вывозку леса, заготовленного еще прошлой зимой да так и оставленного у пня. Быстро росли штабели колхозного тесу, но так же быстро и рассасывались: на ток, на ремонт ферм, еще куда-то... Своих плотников не хватало — Звонков брал людей и со стороны. Раздобыл он себе и шофера: разбитного шарня

с одним глазом (другой был выбит в драке), веселого и отчаянного лихача. Один был за ним недостаток — любил выпить, а будучи навеселе, болтал иногда лишнее. Ну, ничего, будет у Звонкова власть — он укоротит шоферу язык...

Первым делом Платон Николаевич побежал к Саватееву. Тот в последние дни не вставал с постели, но как только увидел Звонкова в окно — вскочил, засуетился, побежал открывать дверь (теперь она всегда была на запоре). Еще в сенях нетерпеливо, со страхом и надеждой спросил:

— Ну, какие вести?

— Одевайся и иди в контору, — приказал Платон Николаевич. — Лысов приехал. Дошла до них жалоба, понял? Но ты и виду не подавай, будто и ведать ничего не ведаешь. Шарф на шею намотай да костыль и справку не забудь.

— Да может, он и не спросит про справку-то?

— Спросит или нет, а ты покажи, не бойся. Гляди, не проговорись.

— Ладно, — кивнул Саватеев. — Да ты объясни, как он... Куда ветер-то дует?

— Куда надо, туда и дует, — усмехнулся Звонков. — Пожалуй, каюк будет нашему председателю. Ну, ты шевелись, хромай скорей туда, пока Бескуров не приехал.

Выйдя от Саватеева, Платон Николаевич задумался: кого же из тех ребят послать к Лысову? Выбор пал на Толю Утусикова, смиренного и малоразговорчивого парня, работавшего подручным в колхозной кузнице. Многого от него не добьешься, зато и лишнего не скажет. Был такой факт? Был... А больше ничего и не надо. И Звонков решительно направился к кузнице...

Тем временем Лысов, сидя в председательском кабинете, допрашивал Давидонова. Давидонов был напуган неожиданным вызовом, не знал, чего от него хотят, и отвечал односложно, а то и просто ограничивался кивком головы. Федор Семенович скоро отпустил его и уже через пять минут разговаривал с Саватеевым. Потом пришел, как был — в фартуке, с засученными по локоть рукавами — Толя Утусиков... Картина казалась Лысову ясной. Оставалось еще побеседовать с секретарем парторганизации Сухоруковым, но тут Федо-

ру Семеновичу передали, что вернулся Бескуров и сейчас он будет здесь.

Лысов подумал, что все складывается как нельзя лучше. Нет, лично против Бескурова Федор Семенович ничего не имел. Правда, где-то в душе у него сохранился неприятный осадок от первой встречи с Бескуровым в райкоме, но это было давно, и теперь, когда Бескуров так глупо дискредитировал себя, Федор Семенович даже сочувствовал ему. Конечно, если бы Комаров послушался в то время доброго совета и не настаивал на своем предложении рекомендовать Бескурова в «Восход», все было бы иначе. Звонков отлично бы управился здесь без посторонней помощи, у Бескурова был бы чистый послужной список, а у райкома меньше оказалось бы минусов. Хорошо еще, что Комаров поехал в обком до этой скверной истории, но уж на пленуме разговора о ней не избежать. Раз уж это случилось, надо быть до конца объективным и вскрыть истинную подоплеку событий. Разумеется, Комарову это будет очень неприятно, но что же делать... Ошибки надо признавать не только с глазу на глаз, а и всенародно.

...Бескуров узнал о приезде Лысова не позже чем через четверть часа после появления секретаря на территории колхоза. По пути в третью бригаду Антон побывал на картофельном поле, затем у льноводов и тут ему сообщили о Лысове. Первой мыслью было — вернуться, самому рассказать о том, как идут дела, но, поразмыслив, Бескуров отказался от этого намерения. «Зачем? Пусть походит один, с народом поговорит, а то привыкло районное начальство с одними председателями истину выяснять. Нет, не стоит его стеснять».

Откровенно говоря, Антон давно ждал кого-либо из района, слишком много накопилось у него разных вопросов, по которым хотелось бы посоветоваться с более опытными людьми. Лучше всего, если бы приехал сам Комаров или же Атаманов, но раз они заняты — Бескуров был бы рад любому знающему и, главное, понимающему жизнь человеку. Возможно, дела в колхозе идут хуже, чем сам Антон думает. Со стороны всегда видней, а он все эти дни настолько увяз в повседневных заботах, что ему, конечно, трудно

окинуть и критически, трезво оценить общее положение. Во всяком случае, оно представлялось Бескурову далеко не блестящим, хотя он и не мог не видеть, что некоторые сдвиги определенно имеются. Правда, постороннему их не так-то легко будет заметить, ибо выражались они, эти сдвиги, не в гектарах и процентах, а происходили в сознании людей, но именно это и представлялось Бескурову самым ценным из того, что ему удалось сделать за два месяца. Он, конечно, отдавал себе отчет в том, что сделано пока мало, но ведь всякое большое дело имеет свое начало и в данном случае, что бы там ни судачили маловеры и нытики, начало было положено хорошее. Впереди оставалось еще много трудностей, но уже и Овчинников, и Сухоруков, и Клава, и Костя Проскуряков, и сам Бескуров — все они и десятки других колхозников верили, что сумеют преодолеть эти трудности. А это было главное.

Все-таки приезд Лысова несколько смутил Антона. Не потому, что он мог отругать за недостатки (ругать было за что), а потому, что Антон хорошо помнил предыдущие встречи со вторым секретарем и чувствовал какую-то скрытую неприязнь в его отношении к нему, Бескурову. О причинах личного характера не может быть и речи. Лысов воздержался тогда на бюро, значит, он считал Бескурова неподходящей кандидатурой в «Восход» и, очевидно, предпочитал видеть здесь председателем Звонкова. Но ведь окончательно вопрос решали не они, а колхозное собрание. Звонков это сразу понял и, кажется, не имеет сейчас каких-либо претензий к Бескурову. Правда, по некоторым вопросам у них бывали стычки и разногласия, но они вызваны интересами дела, которому оба служат. Смешно было бы, если бы они по всем вопросам думали одинаково. Бескурову приходилось иногда резко поправлять завхоза, отвергать его «прожекты», если они оказывались преждевременными, но и это казалось Бескурову в порядке вещей. Как же иначе? Пока он здесь председателем, его святой обязанностью является следить за всем и строго блюсти интересы колхоза. Вот почему Бескурова беспокоили слухи о кое-каких неблагоприятных комбинациях Звонкова, однако не настолько, чтобы он мог позволить

себе отвлекаться хоть на день от других неотложных и куда более важных дел. Возможно, в дальнейшем серьезного разговора со Звонковым не избежать, но тогда уж пусть он пеняет на себя.

Да, Лысов будет прав, если даст председателю взбучку за отдельные промахи и недоделки, но, черт возьми, неужели все этим и кончится?

Бескуров пришел в контору усталый и несколько подавленный тем, что ему пришлось увидеть и узнать в третьей бригаде. Федор Семенович по-прежнему занимал председательское место, поэтому Антон взял у стенки свободный стул и присел поодаль, как посетитель. Он был без кепки, в белой, с закатанными рукавами, запыленной рубашке с потемневшим от пота воротом. Лицо, как всегда, было выбрито досиня, лишь ямка на подбородке темнела, запорошенная дорожной пылью. Голубые глаза смотрели из-под сдвинутых русых бровей устало и серьезно.

— Ну-с, товарищ Бескуров, как дела? — начал Федор Семенович, открывая блокнот и подчеркивая некоторые цифры карандашом.

— Какие именно? Дел, сами знаете, много, — улыбнулся Антон.

— Могу уточнить, если вы сами не в состоянии выделить главное, — сказал Лысов, желая сразу перейти на официальный тон. — Например, почему вы медлите с севом озимых и тем самым тянете район назад? Позвольте, позвольте, я назову цифры...

— Я их знаю, — ответил Бескуров спокойно. — Никого тянуть назад мы не собираемся, это не в наших интересах. Верно, сроки уходят, но еще не ушли. До пятого сентября сев закончим, задержка получилась из-за поломки трактора. Завтра он будет на ходу.

— Не правда ли, все очень просто по-вашему: подвела техника, а мы-де тут не при чем? — задетый его спокойствием и уверенностью, съязвил Федор Семенович.

— Да, техника частенько нас подводит, потому что распоряжаемся-то ею не мы. Я предлагал бригадирку тракторной бригады пахать участок у Кривой бере-вы, а он говорит: мои ребята там работать не будут, невыгодно... Поехали к Починку и поломались. Но я не оправдываюсь. Нам недостает еще организованности

и оперативности, а это такая штука, которую враз не приобретешь.

Федор Семенович захлопнул блокнот и откинулся на спинку стула. Он был явно возмущен. Подумать только, Бескуров не хочет оправдываться! Он даже не прочь пофилософствовать, словно разговаривает с каким-нибудь репортером. Да и то так рассуждать может лишь руководитель передового колхоза, имеющий за плечами многолетний почет и заслуги. А он-то что о себе воображает?

— Интересно, чем вы объясните тот факт, что колхоз хуже всех в зоне ведет сдачу хлеба? Тоже неорганизованностью? В таком случае разрешите напомнить вам, товарищ Бескуров, что райком затем и рекомендовал вас сюда, чтобы покончить с отставанием и неорганизованностью. И вы даже заверяли бюро, что справитесь с этим, не так ли?

Бескуров провел заторелой ладонью по волосам. Все, что он передумал и пережил за эти трудные дни, вспомнилось ему разом, и оттого, что эти переживания никому не интересны и не нужны, на душе стало горько и пусто. Предстоял никчемный разговор, с которым необходимо было поскорей покончить и отдохнуть, а потом подумать о том, что делать дальше.

— А вы бы хотели, товарищ Лысов, чтобы я за два месяца все вверх дном перевернул? Такого заверения я не давал и не мог дать. Можно подумать, что вы сроду не бывали в «Восходе» и не знаете, какие порядки существовали здесь годами. Но если вы обладаете секретом, как за короткий срок изменить эти порядки, сделать их идеальными,—я с благодарностью воспользуюсь вашими советами.

— Что же, вы так и собираетесь всю жизнь работать по чужим подсказкам? — зло спросил Федор Семенович; он уже почувствовал, что с этим Бескуровым церемониться нечего.

— Иногда это бывает полезно. Итак, я вас слушаю.

— Да, придется послушать! — вскочил со стула Федор Семенович. — За два месяца вы, конечно, не сделали здесь погоды, но отличиться сумели. Райкому известно все о тех безобразиях, которые вы тут натворили. Мне остается выяснить лишь немногое.

— Что вы имеете в виду? — спросил Бескуров.

— Вы прекрасно знаете, что я имею в виду. Не разыгрывайте из себя простачка, товарищ Бескуров. Я говорю с вами как с коммунистом по поручению первого секретаря райкома товарища Комарова. К нему поступила на вас жалоба, и я убедился, что в ней изложены только факты, возможно, даже не все...

— А, жалоба, — равнодушно сказал Бескуров. — Это интересно.

— Это очень печально, товарищ Бескуров, во всяком случае для вас, — внушительно проговорил Лысов. — Скажите, на основании какого Устава и каких законов вы отдали восемьдесят гектаров колхозного сенокоса Северному лесопункту?

— На основании здравого смысла, товарищ Лысов. Эти отдаленные лесные и частично заболоченные участки не выкашивались много лет и пропадали зря. Нынче мы получили с них сотни центнеров сена. Какое же тут преступление? Притом, это сделано по решению правления.

— Многие члены правления были против, но вы их не стали слушать. А гектары вам понадобились для сводки, чтобы вылезти в передовики. Такова подоплека этой незаконной сделки с лесопунктом, товарищ председатель.

В голосе Федора Семеновича слышалось нескрываемое торжество, смешанное с презрением, но Бескуров отнюдь не выглядел виноватым и уничтоженным.

— Мне нужно было сено, чтобы кормить скот, а не гектары. Ваше утверждение — это досужая выдумка. А сено мы будем иметь, — упрямо сказал Антон, чувствуя, однако, что ему становится все труднее сдерживать себя.

— Что ты инвалида войны гнал на работу, угрожал ему и другим урезать приусадебные участки — это тоже выдумка?

— Я не угрожал, а предупредил всех, кто не работает в колхозе, что, кроме прав, у них есть и обязанности. Об этом записано в Уставе артели. О каком инвалиде идет речь? Не о Саватееве ли? Вы говорили с ним?

— Да, и не только с ним.

— Тогда понятно, — усмехнулся Бескуров. — Интересно, показывал он вам документ об инвалидности?

— Конечно. Неужели вы думали, что я поверил бы на слово?

— Документ фальшивый, дата на нем подделана. Вас ввели в заблуждение, товарищ Лысов. Впрочем, я нисколько не удивляюсь — этот Саватеев способен на все. Он здоров не хуже нас с вами, но шкурник закоре-нелый. И главное, на него смотрят другие. Его жена и дочь выходят на работу, когда вздумается, остальное время заготавливают грибы и ягоды. Как прикажете поступить с этой семьей?

— Это дело правления. Как бы там ни было, угрозы — не метод руководства. Вы совершенно забыли о воспитательной работе с людьми.

— Разных людей надо воспитывать по-разному. Шаблона тут быть не может.

— Как раз вы и следуете этой прописной истине. Одним угрожаете, других без причин одергиваете, третьих спаиваете. Довольно разнообразные у вас приемы, ничего не скажешь.

— Все это ерунда, выдуманная каким-то злопыхателем, — раздраженно сказал Бескуров. — Я считаю, что райком, рекомендовавший меня сюда, обязан не только критиковать и поправлять меня, как коммуниста, но и защищать от явной клеветы и извращения фактов. А вы как будто рады, что на меня поступила вздорная жалоба. Это не по-партийному...

— Вон как! — зловеще процедил сквозь зубы Федор Семенович. — Вы еще осмеливаетесь учить райком, как ему следует поступать? Ну, знаете, это уж слишком! Будьте уверены, на бюро мы дадим достойную оценку вашему поведению. Отрицать очевидные факты, всячески выкручиваться и...

— Вот что, Федор Семенович, — холодно перебил Бескуров, — давайте лучше кончать. Вы хотите, чтобы я признал факты? Пожалуй-да, вот они. Да, я настаивал на том, чтобы отдать лесопункту заброшенные участки сенокоса и получить сено, да, я предупреждал злого лодыря и нарушителя Устава Саватеева, что он будет лишен привилегий и прав колхозника, если не станет честно работать в колхозе. Все это было. Был и такой случай, когда я угостил ребят рюмкой водки, потому что они работали ночью под дождем, устали и продрогли по дороге.

— Вы прекрасно знаете, что я имею в виду. Не разыгрывайте из себя простачка, товарищ Бескуров. Я говорю с вами как с коммунистом по поручению первого секретаря райкома товарища Комарова. К нему поступила на вас жалоба, и я убедился, что в ней изложены только факты, возможно, даже не все...

— А, жалоба, — равнодушно сказал Бескуров. — Это интересно.

— Это очень печально, товарищ Бескуров, во всяком случае для вас, — внушительно проговорил Лысов. — Скажите, на основании какого Устава и каких законов вы отдали восемьдесят гектаров колхозного сенокоса Северному лесопункту?

— На основании здравого смысла, товарищ Лысов. Эти отдаленные лесные и частично заболоченные участки не выкашивались много лет и пропадали зря. Нынче мы получили с них сотни центнеров сена. Какое же тут преступление? Притом, это сделано по решению правления.

— Многие члены правления были против, но вы их не стали слушать. А гектары вам понадобились для сводки, чтобы вылезти в передовики. Такова подоплека этой незаконной сделки с лесопунктом, товарищ председатель.

В голосе Федора Семеновича слышалось нескрываемое торжество, смешанное с презрением, но Бескуров отнюдь не выглядел виноватым и уничтоженным.

— Мне нужно было сено, чтобы кормить скот, а не гектары. Ваше утверждение — это досужая выдумка. А сено мы будем иметь, — упрямо сказал Антон, чувствуя, однако, что ему становится все труднее сдерживать себя.

— Что ты инвалида войны гнал на работу, угрожал ему и другим урезать приусадебные участки — это тоже выдумка?

— Я не угрожал, а предупредил всех, кто не работает в колхозе, что, кроме прав, у них есть и обязанности. Об этом записано в Уставе артели. О каком инвалиде идет речь? Не о Саватееве ли? Вы говорили с ним?

— Да, и не только с ним.

— Тогда понятно, — усмехнулся Бескуров. — Интересно, показывал он вам документ об инвалидности?

— Конечно. Неужели вы думали, что я поверил бы на слово?

— Документ фальшивый, дата на нем подделана. Вас ввели в заблуждение, товарищ Лысов. Впрочем, я несколько не удивляюсь — этот Саватеев способен на все. Он здоров не хуже нас с вами, но шкурник закоренелый. И главное, на него смотрят другие. Его жена и дочь выходят на работу, когда вздумается, остальное время заготавливают грибы и ягоды. Как прикажете поступить с этой семьей?

— Это дело управления. Как бы там ни было, угрозы — не метод Руководства. Вы совершенно забыли о воспитательной работе с людьми.

— Разных людей надо воспитывать по-разному. Шаблона тут быть не может.

— Как раз вы и следуете этой прописной истине. Одним угрожаете, других без причин одергиваете, третьих спаиваете. Довольно разнообразные у вас приемы, ничего не скажешь.

— Все это ерунда, выдуманная каким-то злопыхателем, — раздраженно сказал Бескуров. — Я считаю, что райком, рекомендовавший меня сюда, обязан не только критиковать и поправлять меня, как коммуниста, но и защищать от явной клеветы и извращения фактов. А вы как будто рады, что на меня поступила вздорная жалоба. Это не по-партийному...

— Вон как! — зловеще процедил сквозь зубы Федор Семенович. — Вы еще осмеливаетесь учить райком, как ему следует поступать? Ну, знаете, это уж слишком! Будьте уверены, на бюро мы дадим достойную оценку вашему поведению. Отрицать очевидные факты, всячески выкручиваться и...

— Вот что, Федор Семенович, — холодно перебил Бескуров, — давайте лучше кончать. Вы хотите, чтобы я признал факты? Пожалуйста, вот они. Да, я настаивал на том, чтобы отдать лесопункту заброшенные участки сенокоса и получить сено, да, я предупреждал злого лодыря и нарушителя Устава Саватеева, что он будет лишен привилегий и прав колхозника, если не станет честно работать в колхозе. Все это было. Был и такой случай, когда я угостил ребят рюмкой водки, потому что они работали ночью под дождем, устали и продрогли по дороге.

— А потом выдали им самовольно сотню рублей? — напомнил Лысов.

— Да, выдал и считаю, что они их честно заработали.

— А как обстоит дело с бригадиром третьей бригады?

— Прохоровым? Его придется снимать.

— Вот, вот! — подхватил Лысов, уже ничему не удивляясь. — На каком основании?

— Оснований более чем достаточно. Сегодня я обнаружил скирду хлеба, которую Прохоров попросту пытался скрыть. Поставки хлеба сдерживает сознательно и не первый год. Бригаду превратил в свою вотчину, общественным добром распоряжается, как бог на душу положит. Весной разбазарили полсотни поросят, но в книгах нашей бухгалтерии об этом ни слова. Часть молока с фермы исчезает неизвестно куда. До сих пор все как-то сходило с рук, хотя Звонков, оказывается, знал о некоторых махинациях Прохорова...

— Если бы знал, он принял бы меры, будьте спокойны. Нечего впутывать в эти дела других. Дай бог расхлебаться с тем, что вы сами успели натворить. Ведь вы рассказали не все. Последний вопрос: почему вы, товарищ Бескуров, до сих пор не перевезли и, кажется, не собираетесь перевозить сюда жену?

— Жену? — Бескуров посмотрел прямо в лицо Лысову и закончил: — Об этом я с вами не буду говорить, Федор Семенович.

— Можешь не говорить, я и без того все знаю. Что ж, на этом, пожалуй, кончим. Остальное выяснится завтра на партийном собрании. Будьте добры, пошлите кого-нибудь за Сухоруковым.

XXIV

Над деревней тихо, незаметно опускался вечер. Солнце село за дальним леском, но еще долго его лучи просвечивали и золотили верхушки елей, неподвижно устремленных ввысь. На противоположной стороне неба дыбом вставали темно-серые, светлые по краям, облака. От них тянуло холодком, и приятная свежесть постепенно наполняла еще недавно знойный воздух. В проулке разноголоса мычали коровы — стадо возвра-

щалось домой. У пожарного сарая ребятишки гонялись друг за другом, вздымая босыми ногами истрошенную в пыль землю. У колодца стояли и разговаривали две женщины, а рядом, наклонив морды к обомшелой, наполненной ледяной водой колоде, утоляли жажду жеребят. Вспугнутые звоном упавшего ведра, они бросились врассыпную по улице, и дробный перестук их копыт скоро затих за поворотом.

Бескуров шел навстречу дыбившимся на западе облакам и ни о чем не думал. Вернее, он думал о многих вещах сразу и не мог и не пытался остановиться на чем-либо одном. То он вспоминал Зою, то Прохорова, то Лысова, затем Костю Проскурякова и Клаву, снова Лысова и тут же пробовал угадать, о чем разговаривают две женщины у колодца... Единственное, что ему хотелось сейчас — это отдохнуть, а потом уж не спеша «переварить» то, что он услышал. Глупо, что он не спросил у Лысова, кто писал жалобу. Впрочем, не все ли равно?

Ивана Ивановича он застал дома. Сухоруков только что пришел с фермы, разгоряченный, с ржавыми пятнами на рубашке, со свежими царапинами на единственной руке. Не успев поздороваться и не переставая что-то разыскивать по углам избы, заговорил:

— А ведь, пожалуй, мы не зря Платона в завхозы произвели, ей-богу. Там слесаря с завода пришли, а у него и трубы, и железо, и насос — все под рукой. Где раздобыл — неизвестно, а только не в сельхозснабе. Ну, это ясно, у него полгорода друзей, завсегда выручат. Столбы мы завтра закончим ставить, а там дело пойдет, ребята пришли шаговитые. Эх, одна затрудность — денег у нас маловато, а то бы мы развернулись... Постой, ты чего это такой... глаза какие-то чужие? Потерял что?

— Я-то нет, а вот ты чего ищешь, по избе мечешь? — без улыбки спросил Бескуров.

— Мочалка куда-то запропастилась, никак не найду. Да нет, в самом деле, чего ты такой кислый? Разморило, небось, на солнышке? Вот что, пойдём-ка со мной в баню, эх, и попаримся! Как рукой устаток снимет, у меня это верное средство.

Он, наконец, обнаружил мочалку и мыло на запечке, быстро завернул их в газету и засунул в карман.

— Мочалку взял, а белье почему не берешь? — усмехнулся Антон.

— Черта с два его у бабы найдешь, — весело проговорил Иван Иванович. — Перероешь у нее все, потом шуму не оберешься. Да у меня же это вне очереди баня, Егора Пестова жена истопила. Мне бы только попариться, очень люблю. Завсегда с Егором наслаждаемся.

Бескуров знал эту его слабость. Как бы ни умаялся Иван Иванович за день — не о еде вспомнит, а о бане, где бы и кем бы она ни была истоплена. И, конечно, белье он не брал не потому, что трудно его найти, а чтобы жену от лишней нагрузки избавить. При его работе ежели через день белье менять — жене только и дела останется, что мужа обстирывать. А ведь у нее еще трое ребятишек.

— Придется тебе, Иван Иванович, сегодня в другой баньке попариться, — сказал Бескуров с улыбкой. — Иди-ка в контору, Лысов срочно требует.

— Лысов? Эка досада! Чего он приехал? Ты-то видел его?

— Видел, наговорился досыта. Иди, иди, он тебя ждет.

— Нет, ты погоди, не толкай меня. То-то, замечаю, на тебе лица нет. Говори толком, что там стряслось? Поругались, что ли?

— С начальством ругаться не полагается, забыл? Смотри, не вздумай спорить, признавайся во всем, а то худо будет.

— Да ну тебя, в самом деле! — обиделся Иван Иванович, кладя обратно мочалку и мыло. — В чем я должен признаваться, ежели у меня ни сзади, ни спереду... Серьезно, Антон Иванович, зачем Лысов приехал? Поглядеть, как с уборкой управляемся? Так ты меня введи в курс, я, знаешь, все эти дни с топором возжился, на полях-то почти не бывал.

— Не бойся, об этом он спрашивать не будет... — И Бескуров неохотно и коротко рассказал Сухорукову о жалобе и о происшедшей у него с Лысовым довольно невежливой беседе.

Иван Иванович сразу помрачнел, зачем-то снял с гвоздя ремень и, ловко орудуя одной рукой, туго подпоясался, а выслушав, недоуменно спросил:

— Как же это понимать, Антон Иванович? Кому же все это нужно? Оно, конечно, все это факты, да ведь этак любой факт можно так повернуть, что выйдет уже не факт, а прямое беззаконье. Ну, скажем, сенокос... Пропадал этот сенокос зазя сколько лет — и никто виноват не был, а тут нате вам... О Саватееве я и говорить не хочу, это такая зараза, что и слов тратить жалко. Остальное тоже сбоку-сприпеку приклеено. Кто же всю эту дрязгу мог написать, а?

— Я не спрашивал, да не все ли равно?

— Ну, а ты сам как думаешь — кто? — допытывался Иван Иванович.

— Не знаю. Может быть, тот же Саватеев...

— Нет, одному ему не сообразить, — решительно заявил Сухоруков. — Лаяться он мастак, а бумагу составить у него ума не хватит. Ну, ладно, я все это выясню и Лысову растолкую, а ежели не поверит — соберем коммунистов.

— Завтра партийное собрание, Лысов сам будет проводить.

— Ну и мы тоже слова пока не лишены. Скажем, что думаем. А здорово, видать, кому-то ты насолил, раз уж до райкома дошло. Ну и ну. Однако ты, парень, голову не вешай, правда на твоей стороне, понял?

— Пока правда обнаружится, Лысов немало дров наломает. Если б он хотел ее увидеть — сразу увидел бы, а он не хочет. Ну, я пошел, устал что-то очень. До свидания.

— Ладно, ты только не волнуйся, все будет в порядке, — растерянно сказал Иван Иванович, выходя вслед за Бескуровым на крыльцо. У калитки они расстались...

«Нет, дорогой Иван Иванович, вряд ли теперь все будет в порядке. Ты думаешь, это просто: расскажешь Лысову все, как было, и делу конец. Так просто не бывает, когда человека обвиняют в злом умысле и факты косвенно подтверждают это. Лысов даст им соответствующую политическую оценку, он, как дважды два — четыре, докажет тебе, что Бескуров не должен был, не имел права так поступать, а ты, секретарь парторганизации, проявил близорукость, не воспрепятствовав неправильным действиям. Ты, конечно, честный человек, дисциплинированный член партии,

но тебе трудно с той грамотой, какая у тебя есть, спорить с Лысовым, хотя внутренне ты и убежден, что тут что-то не так. И ты, возможно, совсем растеряешься, когда тебе скажут, что Бескуров карьерист и демагог, не оправдавший доверия партии, что он уже не любит свою жену и не хочет ее видеть...»

Вот что примерно хотел сказать Антон Ивану Ивановичу, когда тот заявил, что все растолкует Лысову и выяснит истину. Но он не сказал ничего этого, потому что Иван Иванович страшно удивился бы и ответил, что все это чепуха и этого не может быть. Однако, как бы там ни было, Сухоруков уверен в честных намерениях Бескурова и не отвернется от него. Вот только хватит ли у Ивана Ивановича сил бороться до конца? Хватит ли этих сил у него, Бескурова? Ведь если дело дойдет до бюро — а Лысов теперь, после резкого разговора в конторе, обязательно настаит на этом — оправдаться будет нелегко. Его, Лысова, объяснение некоторых фактов многим покажется вполне правдоподобным, а тут еще Зоя... Да, это самое тяжелое из того, что вообще могло случиться...

Бескуров добрался до квартиры, но не вошел в дом, а присел на крыльце. Можно было бы сразу лечь спать, благо Татьяны Андреевны дома не оказалось, и он был избавлен от лишних расспросов и обязательного вечернего чая, однако уснуть вряд ли бы удалось. К тому же в избе, Антон знал, было душно, а на улице становилось все свежее, пахло листвой и еще чем-то с огорода, кажется, укропом. Сумерки сгустились быстро, и Антон впервые подумал о том, что уже наступает осень — пора, когда над опустевшими полями господствует тишина, с деревьев опадают листья, лишь на рябине зреют тяжелые гроздья, когда человек отдыхает от летних тревог и забот, а природа бушует всю дождями и ветрами, словно вознаграждая себя за долгую сдержанность.

Бескуров медленно, как бы в нерешительности, спустил рукава рубашки, застегнул манжеты и, оглянувшись на окно, уже освещенное лампой (мать Татьяны Андреевны боялась темноты), направился по улице. Да, теперь уже не стоило обманывать себя: он шел в надежде, что удастся увидеть Клаву. Странные бывают вещи на свете... Думал ли когда-нибудь

Антон, что эти два месяца, промелькнувшие как две недели, окажутся такими переломными в его жизни. Ведь все уже, казалось, утряслось, определилось, позади остались и война, и скитания, и трудные поиски своего места под солнцем — и вот все приходится начинать сначала. Но теперь Антон стал другим. Еще недавно Антон думал, что он любим и потому счастлив — это оказалось ошибкой; он наивно предполагал, что самые трудные испытания уже миновали, а они еще были впереди; он воображал, что умудрен опытом, но эти два месяца доказали — опыт приобретает всю жизнь и все-таки человек не гарантирован от ошибок. Антон боялся ошибиться еще раз, поэтому **то он и раздумывал сейчас над тем, почему его так властно и неудержимо тянет к Клаве.**

Они встречались часто, иногда несколько раз в день, но это были короткие деловые встречи на людях, только и всего. Но Антон замечал за собой, что он говорит и смотрит на нее иначе, чем на остальных, ему всегда хотелось задержать ее, ощутить на себе ее взгляд, увидеть улыбку, сказать ей что-нибудь не относящееся к делу, узнать, как она живет и что думает о том-то или о том-то; и чем сильнее было это желание, тем сдержаннее становился он с ней, боясь выдать себя. Но глаза все равно выдавали его, он это чувствовал по тому, что Клава быстро смущалась, торопилась закончить разговор и уходила, бросив на него непонятный грустно умоляющий, робкий взгляд.

Полное душевное смятение и замешательство охватили Антона после его разговора с Любой Мальцевой. Он не сразу решился на этот разговор. Действительно, неудобно было расспрашивать постороннего человека о жене, но Антон успокаивал себя тем, что он и не собирается говорить только о Зое. Люба особенно запомнилась тогда, на вечеринке, Антону, и ему просто интересно узнать, что она за человек. Его, правда, удивила растерянность Любы, когда они, наконец, остались наедине, и только позже он понял, чем была вызвана эта растерянность. Люба заранее готовилась и боялась, что он спросит ее о Зое. Вот почему, не успел Антон рта раскрыть, как Люба, отводя в сторону глаза и от волнения глотая слова, сказала ему все... Он, кажется, глупо улыбнулся, ког-

да Люба кончила, сказал с наигранной беспечностью: «Да, так вот, значит, какие новости...», но тут же отвернулся, кусая губы. И после, придя домой, Антон всю ночь не сомкнул глаз.

С того дня Бескуров думал о жене с жалостью, к которой примешивалось презрение. Потом осталось только презрение. В самом деле, Зою нечего было жалеть: она отлично знала, что делала, к этому она и стремилась, раз Антон не захотел бросить все и вернуться к ней. Она, пожалуй, сделала бы это и при нем — рано или поздно. Ей хочется нравиться всем, такова уж у нее натура. Просто непостижимо, как она решилась выйти за него замуж. Возможно, она считает сейчас этот свой шаг роковой ошибкой, а возможно, и не считает. Ведь Антон нисколько не мешает ей. Она вольна жить, как ей хочется, а больше ничего и не требуется — вот ее философия. Как он был глуп! Но, наконец, это кончилось. Нет, не совсем: теперь Лысов этого дела так не оставит. Оно, несомненно, получит в его толковании неприглядную окраску.

Что ж, пусть так, Бескуров все равно не станет объяснять ему, как это все случилось. Но Клаве он должен объяснить, это решено. Да, Клава (мысленно он не называл ее иначе) должна знать все. Тогда он будет спокоен.

Деревню уже начинала окутывать серая вязкая мгла. В домах зажглись огни. Стало совсем прохладно, но Бескуров не чувствовал этого. Где-то на западе погромыхивал гром, за лесом изредка сверкали молнии. Сердце Бескурова вдруг забилось чаще — он увидел огонек в доме Хватовых. Один-единственный огонек, как раз в комнатке Клавы — желтый и трепетный, словно горела свеча. Неужели Серафимы Полиектовны нет? Впрочем, если бы она и была, Бескуров все равно зашел бы в дом. Он должен увидеть Клаву, вот и всё. Какое ему дело до других, в том числе и до Серафимы Полиектовны?

Бескуров с решимостью отчаяния толкнул калитку и зашагал по знакомой дорожке к крыльцу. Где-то загремело ведро (Бескуров притаил дыхание и невольно замедлил шаг), потом раздался добродушный голос Лены: «Ешь, ешь, черномазый, еще принесу...»

Она вышла из сарая, когда Бескуров уже был на второй ступеньке крыльца, испуганно вскрикнула:

— Ой, кто это?

— Лена, это я, Бескуров, — сказал Антон как можно спокойнее. — Клавдия Васильевна дома?

— Антон Иванович! — обрадовалась Лена. — Дома, дома Клава, проходите, пожалуйста.

Она засуетилась, взбежала на крыльцо, на ходу отодвинула с дороги пустой ящик, в сенях зажгла спичку, чтобы Бескуров не наткнулся в темноте на какой-нибудь предмет. Можно было подумать, что она давно ждала Бескурова и хотела, чтобы он так и понял ее предупредительность. Войдя в кухню, Лена сказала:

— Мамаша к Сушковым ушла, я тут одна обряжаюсь. Клава, ты не спишь? — крикнула она. — Проходите вот сюда, Антон Иванович.

Шпильки выпали из рук Клавы, и она застыла на месте. Волосы, рассыпавшись, прикрыли лицо, она отбросила их назад и, полуобернувшись к дверям, ждала, что будет дальше. Ей казалось, что сейчас, вот сию минуту, произойдет что-то необычайное и страшное.

Но ничего страшного не произошло. Антон остановился перед Клавой, смущенно улыбаясь, ища, куда бы присесть, и стать незаметным в этой маленькой уютной комнатке, слабо освещенной повернутой настольной лампой с закоптевшим стеклом. Однако второго свободного стула не оказалось, и Бескуров сказал:

— Извините, Клавдия Васильевна, что являюсь так поздно, но мне надо с вами поговорить. Буквально несколько минут...

— Пожалуйста, садитесь, Антон Иванович. — Она подала ему свой стул, а сама пересела на покрытую клетчатым легким одеялом кровать. — Я рада, что вы зашли.

Он пристально взглянул на нее, как видно, усомнившись в искренности ее слов. Она залилась румянцем, но при тусклом свете Бескуров вряд ли заметил ее минутную растерянность.

— Клава, — громко сказала за перегородкой Лена, — я пошла к Кате, присмотри тут за домом...

— Хорошо, Лена. — Клава услышала, как за Леной хлопнула дверь, и повторила спокойно: — Я рада, что вы пришли. Что-нибудь случилось?

— Нет, ничего особенного... Просто мне захотелось поговорить с вами. Вы не сердитесь?

— Нет, зачем же? Но я вижу, что-то случилось. Я слышала — приехал секретарь райкома Лысов. Ждала, что он зайдет на ферму, а у нас там.. Он еще не уехал?

— Нет. Завтра он будет на нашем партийном собрании. — Бескуров извиняюще улыбнулся, как-то по-домашнему, доверчиво развел руки. — Знаете, Клава, у меня серьезные неприятности, вот я и зашел к вам отвести душу. Отлично сознаю, что это по меньшей мере эгоистично — надоедать вам своими жалобами, но... мне, собственно, больше некуда было пойти.

— О, я понимаю! — сказала она взволнованно. — Что-нибудь с женой?

— И с женой... — Ему было тяжело говорить об этом, но, собравшись с мыслями, он негромко продолжал: — Помните мою «знакомую» — Любу с завода? Я ее почти не знаю, видел лишь один раз на вечеринке у жены. Там были и мужчины. Правда, я их выпроводил, но это к делу не относится... Так вот, Люба рассказала мне, что жена открыто связалась с одним из этих парней — Будахиным, которого, между прочим, я считал кавалером самой Любы. Он ходит к жене на квартиру, хотя и побаивается, как бы я не намял ему бока. Ну, до этого я еще не дошел, тем более, что Будахин, я уверен, у нее не первый и не последний фаворит. Вот, кажется, и все...

— Но это ужасно, — тихо отозвалась Клава, опуская на колени руки. — Как же она могла? Разве нельзя было иначе?

— Нет, — коротко ответил Антон. — Не стоит это объяснять, Клава. Я был глупцом, раз не сумел предвидеть этого раньше.

— Вы и не могли предвидеть, ведь вы любили ее.

— Не знаю, что это было — любовь или слепое увлечение. Может быть, и любовь, но теперь я сомневаюсь. Все пролетело, как в дурном сне. И я рад, что пролетело, позже было бы хуже.

— Ну и как же теперь? Вы подадите на развод?

— У вас можно закурить?.. Я приоткрою форточку и буду пускать дым на улицу. — Клава улыбнулась, но промолчала, с любопытством и с затаенным волнением наблюдая за ним. — Да, конечно, жить с ней я не могу и не буду, это ясно. А вот с разводом придется пока подождать. Понимаете, Клава, Лысов обвинил меня сегодня в семи смертных грехах, а если я еще затею этот развод — мне и подавно не сдобровать. Впрочем, Лысов, кажется, и без того информирован достаточно подробно, так что пункт «бытовое разложение» мне все равно обеспечен...

Клава была возмущена.

— Кто же может приклеивать какие-то пункты, если вы не виноваты? Вы же рассказали товарищу Лысову, как именно обстоит дело?

— Нет, не рассказав, — улыбнулся Антон. — Я рассказал это только вам, Клава.

— Да, конечно, — опять вспыхнула она, — но ведь я не секретарь райкома. И я ничем не могу вам помочь.

— А мне и не надо помогать, — мятко сказал он. — Я попробую бороться сам. Лысов — это еще не весь райком, там найдутся умные и чуткие люди. Загрудность, как выразился Иван Иванович, в том, что я действительно в некоторых случаях поступил неосмотрительно. Мне-то, понятно, казалось, что я поступаю правильно, а вот Лысов и еще кое-кто квалифицируют мои действия иначе. И если посмотреть со стороны, покажется, что правы они, а не я.

— Но какие же это действия? В чем вас обвиняют, Антон Иванович? — с недоумением и тревогой, которую она не могла да и не хотела скрывать, спрашивала Клава.

Бескуров, по возможности смягчая слова и выражения, передал ей содержание своего разговора с Лысовым. Сначала он описал внешность самого Лысова, упомянул о прежних встречах с ним и только потом перешел к беседе в конторе — все для того, чтобы продлить свое пребывание в этой уютной, окутанной полумраком комнатке, еще и еще смотреть в глаза сидевшей напротив девушки, без конца повторять ее имя и слушать ее то удивленные, то возмущенные или одобрительные восклицания и реплики. Бескурова неско-

занно радовало, что Клава приняла его огорчения близко к сердцу, что она понимает его с полуслова и уже не отводит взгляда, когда он ласково и благодарно смотрел на нее. Ему даже совестно стало от мысли, что он перекладывает на ее девичьи плечи часть собственной душевной тяжести, зато насколько ближе и роднее показалась она Антону, когда воскликнула:

— Я пойду и расскажу Лысову все сама! Это ложь! Тот, кто писал в райком, двуличный и низкий человек. Почему же он не выступил открыто?

— Возможно, он еще выступит, — успокоил ее Бескуров. — А с Лысовым говорить бесполезно. Представьте себе, что кто-нибудь видел, как я зашел к вам. Ну и пожалуйста: сразу подумают, что я подговорил вас.

— Да, верно, — рассмеялась она и вдруг тряхнула головой так, что волосы опять рассыпались и почти закрыли все лицо. — Ну и пусть думают, а я все равно завтра поговорю с Лысовым.

— Не стоит, Клава. — Он протянул руку, взял ее за согнутый локоть. Она сразу встала, но Антон, тоже поднявшись, не отпустил ее руки. Так они несколько секунд стояли друг против друга, словно прислушиваясь к биению своих сердец, потом он притянул ее к себе и прижался щекой к ее теплым, мягким волосам.

— Не надо, Антон Иванович, — чуть слышно говорила она и отошла за столик, на котором едва, добирая последний керосин, горела лампа.

Антон неловко опустил на стул. Что бы ни случилось с ним дальше — сейчас он был счастлив.

— А знаете, Антон Иванович, — стараясь сгладить наступившую неловкость, заговорила после паузы Клава, — ребят вы угостили водкой, по-моему, зря. В первых, лишние разговоры, а во-вторых, зачем их вообще было угощать?

— Да, я тогда об этом не подумал, — согласился Антон. — Но видели бы вы, как они работали! Сперва то они было совсем раскисли, ну, я и говорю: «На фронте никто из вас не был? Такие ли там джиди хлебтали, однако мы и окопы рыли, и ватаку шли, никто не хныкал. А комсомольцы на целине? Они ведь на голом месте совхозы создавали, всякого пришлось хлебнуть, а все-таки целину освоили. Неужели мы одни

такие слабяки?...» Ну и пошло дело. А потом, когда кончили, захотелось мне с ними поближе познакомиться, кое-что им рассказать. А какой же душевный разговор может быть между мужчинами без рюмки? Тем более, что на нас сухой нитки не было. Ну, выпили, потолковали и расстались друзьями. Я теперь за этих ребят где уютно поручусь — не подведут, — с гордостью сказал Антон и усмехнулся: — А тут вон что получилось. Целая история...

Он, сморщив высокий с зальсынами лоб, опять развел руками. Клаве снова стало легко и просто с ним, словно она знала его давно и заранее могла сказать, как он поступит в том или ином случае.

— Да, неприятная история, и вам за нее придется отвечать, — с шутливой строгостью сказала она.

— Ладно, отвечу, а ребята все-таки хорошие, — в тон ей ответил Антон. Он понял, что она не сердится на него и тоже повеселел. Он как-то уж привык к ее серьезному, грустно задумчивому взгляду, а теперь Клава опять была другой: глаза ее лукаво посмеивались, да и вся она в этом домашнем штапельном халатике, с распущенными светлыми волосами казалась Антону совсем новой, незнакомо далекой и близкой одновременно.

— Завтра воскресенье и завтра собрание. Значит, вы не пойдете завтра в город? — спросила Клава.

— Нет, — покачал головой Бескуров. — Собственно, мне там нечего делать. Я отправлюсь туда только по вызову. А вы обязательно идите, навестите семью. Вы так и не были дома ни разу?

— Была, — опустив глаза, ответила Клава. — Как вы советовали, помните: вечером туда, утром обратно.

— Ну, это зря, — искренне упрекнул он. — На этот раз побудьте не меньше двух дней, понятно? Пока председатель здесь я, так что извольте слушаться.

— Спасибо, но... я бы хотела знать, чем кончится завтра собрание, — тихо проговорила Клава.

— Я потом вам расскажу. Вот так приду и все расскажу, если вы позволите, — ласково и настойчиво сказал Бескуров. — Зачем вам терять время?

— Ну, хорошо, — после короткого раздумья согласилась Клава. — Только пожалуйста, Антон Иванович, будьте благоразумны. Не горячитесь и не спорьте

зря, вообще не лезьте на рожон. Ведь наши коммунисты знают правду, значит, все уладится. Нужна только выдержка, понимаете?

— Да, да, я понимаю, — восторженно глядя на нее и не думая о том, что он говорит и что надо сказать, пробормотал Антон. — Я вам все расскажу, как только вы вернетесь. Непременно...

Она никогда не видела его таким, и ей, как в первую минуту встречи, опять стало страшно. Она испуганно сказала:

— Ой, лампа совсем догорает! Наверно, совсем уж поздно. Куда это девались мои хозяйки? Вам надо домой, Антон Иванович...

— Верно! — спохватился он, но в его голосе явно слышалось огорчение. — Извините, Клавдия Васильевна. Спокойной ночи.

Он протянул ей руку.

— Подождите, я вас выведу, а то темно...

Взяв его за руку, Клава пошла вперед. Антон ощутил пальцами, как часто-часто трепещет у нее на запястьи теплая тоненькая жилка, и ему показалось, что он отчетливо слышит перестук Клавиного сердца. Антон легонько сжал пальцы, словно желая успокоить Клаву, и торопливо сбежал с крыльца...

* * *

Клава вернулась в комнату и, не раздеваясь, лицом в подушку бросилась на постель. «Да, да, — лихорадочно думала она, ужасаясь и не смея радоваться тому, что произошло, — да, он хороший, я ему верю, верю... И он, наверно, мне верит. Но как я могла допустить до этого? Почему я сразу не сказала ему о ребенке? И если я скажу теперь, что он может подумать?..»

Ее жгла стыдом мысль, что Бескуров может подумать, будто она умолчала о ребенке нарочно. Она проклинала сейчас собственную робость, свое прошлое, все, что помешало ей быть такой же откровенной, как он. Но с другой стороны, с какой стати она принялась бы рассказывать все о себе? Быть может, это Бескурову совершенно не интересно. А она-то, дуручка, позволила себе надеяться. Столько лет сдерживаться, жить

затворницей, всего и всех бояться — и вдруг так глупо, только потому, что хороший человек пришел и поделился с ней своими огорчениями, поддаться несбыточным мечтам! Пусть Клава ни в чем не виновата — все равно она не имела права так непростительно забыться. К чему это привело бы? К новому, еще более горькому разочарованию? Нет, нет, это было бы ужасно!

«Да, я сама во всем виновата, — в отчаянии думала Клава. — Если бы я сразу сказала ему про Женю, ничего этого не было бы. Он поговорил и ушел бы, только и всего. Он, конечно, думает, что я одна... Что ж, завтра я ему все объясню. Я должна это сделать. И тогда на душе опять будет спокойно. Спокойно... и пусто. Я уже к этому привыкла».

Однако Клава сама не верила тому, в чем пыталась убедить себя. Как она хотела быть счастливой!

XXV

Еще до экзаменов, исподволь, Борис Белимов начал прощупывать почву насчет предстоящего назначения. Ему не хотелось после окончания совпартшколы попасть в другой район — там его могли не знать, все пришлось бы начинать сначала. А в своем Бориса хорошо помнили, с некоторыми старыми друзьями он переписывался. В школу его направили из газеты, туда он и мечтал снова устроиться — пусть не редактором, то хотя бы заместителем. Теперь-то, после школы, он имел полное право претендовать на повышение.

И еще было одно обстоятельство, почему его тянуло домой... С Клавой Борис порвал три года тому назад и до последнего времени редко вспоминал о ней. Однако в душе у него сохранилась своеобразная благодарность к ней за то, что их разрыв произошел тихо, без скандала и лишних упреков. Этого он опасался тогда больше всего. В самом деле, вздумай Клава жаловаться, написать в райком — и его репутация оказалась бы испорченной, школы ему бы не видать. Правда, Борис хорошо изучил Клаву, узнал ее слабости и действовал наверняка. Он ушел от нее еще до своего отъезда, а когда написал из школы, чтобы она не ждала его, Клаву, по-видимому, это не очень огорчило. К то-

му же они не были зарегистрированы. Она просила лишь помочь окончить техникум, вот и все. Несмотря на то, что у Клавы вскоре появился ребенок, Бориса не мучили угрызения совести. Ну, чем он виноват, что разлюбил Клаву? Конечно, было бы гораздо лучше, если бы ребенка не было, но тут уж ничего не исправишь. Борису предстояло пробить дорогу в жизни, а Клава не только не помогла бы ему — напротив, она всегда его стесняла. Самым мрачным и роковым в своей жизни Борис считал тот день, когда решил взять Клаву с собой в город. Ведь потребовалось всего несколько месяцев, чтобы убедиться, что он совершил ошибку. Хорошо еще, что у него хватило ума вовремя исправить ее.

Чувствуя себя свободным, полный радужных надежд на будущее, Борис со свойственной ему педантичностью взялся за учебу. Конспектируя какой-нибудь труд классиков марксизма-ленинизма, он уже мысленно прикидывал, где и при каких обстоятельствах применит в качестве непререкаемого авторитета ту или иную цитату. Это вдохновляло его, и он неутоlimо заполнял различными выписками тетрадь за тетрадью. На втором году учебы Белимов решил, что зря забросил журналистику. Поскольку фактического материала у него не было, он взялся за рассказы и стихи. Два или три рассказа ему удалось поместить в областной газете, стихи тоже увидели свет, правда, порядком сокращенные и исправленные. В результате Борис получил от знакомых письма, в которых они восхищались его талантом. Значит, там, дома, рассказы читали, о них говорили и восхищались, а ничего другого Борису и не требовалось. Подождите, друзья, то ли еще будет — хотелось ему ответить, но он благоразумно удержался и написал только, что считает эти опыты всего-навсего пробой пера.

Белимов был разборчив в выборе знакомых, старался сойтись с теми курсантами, кто имел вес и мог рассчитывать на хорошее назначение. Впрочем, его знали все: он выступал на собраниях, участвовал в дискуссиях, писал в стенгазету статьи и эпиграммы. Вспоминая иногда свое прошлое — работу в сельсовете, а потом в МТС, Борис насмешливо говорил о себе: каким же я тогда был неотесанным! Но уже и в те времена он

был высокого мнения о своих дарованиях и не сомневался, что добьется успеха. Так оно и случилось. Да, Клава молодец, что не пошла никуда жаловаться, а он правильно поступил, что поддержал ее намерение учиться в техникуме. Это отвлекло ее от бесполезных переживаний, а его избавило от лишних упреков. Теперь Клава снова в деревне. Что ж, она ведь и не мечтала о большем. Они избрали разные пути в жизни и могут не обижаться друг на друга. Но, черт возьми, интересно взглянуть, какой Клава стала сейчас?

Как всегда, Белимову повезло: его направили в родной район. Он даже не стал допытываться в обкоме, на какую должность он может там рассчитывать, так как был уверен, что сумеет с помощью друзей устроиться сообразно своим способностям. Теперь он знал себе цену!

И вот он сидит в вагоне поезда, бегущего на север... Странно устроен человек! Сколько бы раз он ни уезжал и ни возвращался в родные места, всегда он волнуется так, словно дома его ждет что-то необыкновенно новое и радостное, хотя все там было знакомо и заранее известно. Самое удивительное состояло в том, что в дороге Борис много думал о Клавье. Что же это было такое? Любовь, жалость, проснувшееся чувство к сыну или просто любопытство? Ну да, ему хочется посмотреть, какой он, сын, а заодно поговорить с Клавьей о ее новой жизни. Конечно, она будет рада, если он навестит ее. Пожалуй, если бы ей дать телеграмму, она встретила бы его на станции.

Дорога от станции до райцентра показалась Белимову длинной и скучной. Однако окраина города поразила его происшедшими переменами. На пустыре, где раньше торчали редкие худосочные сосенки, вырос целый поселок из сборных стандартных домов. А рядом возвышались кирпичные стены ремонтных мастерских лесозаготовительного комбината. Оглядевшись, Борис подумал: «Да, город растет, тут есть где развернуться».

С автобусной остановки он сразу направился к сестре, которую, будучи председателем сельсовета, отправил в город «искать счастья» на год раньше, чем приехал сюда сам. Сейчас она работала мастером в «Швейпроме». В деревне оставалась одна мать, не по

желавшая покидать родной угол и по-прежнему трудившаяся в колхозе.

Был выходной день, и Борис не сомневался, что застанет сестру дома. Но ее не оказалось. Ключ от квартиры ему передали соседи, сообщившие, что Паша скоро придет. Борис даже обрадовался этому случаю. Он быстро снял запыленную одежду, умылся, надел все лучшее, что у него было — рубашку, галстук, песочного цвета костюм. Когда Паша появилась на пороге и увидела разодетого брата, она всплеснула руками и совсем не по-родственному, робко и неуклюже, поцеловала его в щеку. Хотя сестра была на три года старше Бориса, она издавна признавала его превосходство и робела перед ним.

— Я думала, ты к вечеру приедешь. Ну, ничего, я сейчас.

Она засуетилась, собирая на стол.

— Все одна? Замуж не собираешься? — спросил Борис, искоса оглядывая себя в зеркале.

— Куда мне! — махнула рукой Паша. — Раньше не вышла, теперь уж поздно.

— Ничего не поздно, девка ты видная, зарабатываешь порядочно. Подожди, я присмотрю тебе жениха, довольна будешь.

— Нет уж, я как-нибудь сама. Ты свою жизнь устраивай.

— Устрою, не беспокойся. Второй раз не ошибусь.

Паша вздохнула и достала из-за комода пол-литра.

— Выпьешь с дороги? — вопросительно посмотрела она на брата.

— Давай, — согласился Борис. — В школе у нас насчет этого строго было. Как там наша мать живет-может?

— Все так же. Приходила недавно, просила помочь картошку выкопать.

— Меня, пожалуйста, от этого увольте, не могу.

— Я отпуск возьму, схожу. Одной ей все равно не сделать.

Борис вышел одну, затем вторую рюмку, но закусывал вяло, на вопросы сестры отвечал рассеянно, коротко.

— Трудно было учиться?

— Смотря для кого. Для меня нетрудно.

— Куда ж теперь тебя назначат? Многих за это время в колхозы послали, может, и тебя туда? Ты ведь недавно из деревни, дело, скажут, знакомое.

— Мало ли что! — раздраженно сказал Борис. — Я им не для того учился, чтобы в деревне все знания растерять. Ежели бы я захотел, мог бы в областной газете остаться, да не захотел из принципа, поняла?

— Да мне-то что? — смешалась она. — Тебе виднее... Налить еще?

— Нет, хватит, — вдруг отказался Борис, хотя перед тем намеревался выпить третью рюмку. — Ты, случайно, Клаву не встречала? Не заходила она к тебе?

— Что ты, разве она пойдет? Видела как-то на улице, так она и не поздоровалась. А я-то тут при чем?

— Конечно, не при чем, да тебя никто и не обвиняет... Ладно, сестра, спасибо за угощение, хочу по городу пройтись, посмотреть, что и как... Может, в парке задержусь, так ты не жди, ложись.

— Клавка-то сама в колхозе, а Женя с бабушкой здесь, — как бы между прочим сказала Паша.

— Чего же она их в деревню не берет?

— Возьмет, как только обживется. Ясно, не станет там одна жить.

— Да, я так и знал, что она этим кончит. Таким, как она, и образование не поможет. Ну, я пошел.

— Зайдешь к ним?

— Не знаю. Вряд ли...

Борис соврал: его бушевало нетерпение посмотреть на сына. Клаву он не рассчитывал застать дома, и это радовало его. Главное — увидеть сына, а потом и с Клавой разговаривать будет легче. Правда, перед ней Борис не испытывал особой неловкости и был уверен, что она не станет ворошить старое, но все-таки встреча с Клавой волновала его. Что ни говори, а она, наверное, переменялась за эти годы. Той, прежней Клавой, Борис не боялся, а этой, новой, еще не знал.

Он зашел в ближайший магазин и купил конфет и плитку шоколаду. Затем свернул с проспекта в переулок, миновал Комсомольский сквер и очутился на тихой, уставленной деревянными одноэтажными домиками улице. Здесь каждый отрезок тротуара и каждый дом были знакомы ему. А вот и длинное, барачного типа, здание с многочисленными окнами и узкими про-

стенками. Во дворе играли ребяташки. Борис издал несколько минут смотрел на них, надеясь узнать среди играющих сына, но потом сообразил, что вряд ли бабка отпустила бы маленького Женю без присмотра. Ведь ему шел всего третий год... Самым трудным для Бориса было пройти мимо окон и не встретиться с теми, кто знал его. До второго крыльца было метров тридцать, не больше, и Борис, нагнув голову, не оглядываясь, почти пробежал это расстояние. В тамбуре он перевел дух, осторожно заглянул в полутемный коридор. Кажется, никого. Налево, в конце коридора, располагалась общая кухня, там какая-то женщина стирала белье, стоя спиной к Борису. Он незаметно прошмыгнул мимо. Наконец-то знакомая дверь. Не дождавись на свой стук ответа, Борис в нетерпении взялся за ручку и переступил порог.

В комнате никого не было. Но это не смутило Бориса. Теперь, когда посторонние не могли его увидеть, он почувствовал себя гораздо увереннее. Да, это была та самая комната — все осталось в ней так же, как и два с половиной года назад. Стол в простенке, между окнами раздвижная ширма, за которой стояла кровать Клавы, этажерка с книгами, фотографии на стенах. Вот тут висела его карточка в рамке — теперь ее нет. Зато чуть повыше бросался в глаза увеличенный снимок Жени, как видно, недавно сделанный, потому что он сидел за маленьким столиком, чинно опершись подбородком на маленькую ладошку и смотря на мир строго и серьезно, будто взрослый. Сердце Бориса дрогнуло, когда он уловил в лице ребенка что-то свое, отцовское. Но все же больше было в нем материнского, особенно разительно напоминали Клаву глаза и подбородок. Борис долго не мог оторвать взгляда от снимка, потом спохватился: хозяев нет, он должен выйти. Но раз комната не была заперта, значит, бабушка где-то поблизости и скоро придет. В конце концов, он не чужой здесь, имеет право посидеть, пока она явится. Вот было бы здорово, если бы сейчас вбежал сынишка и этак строго спросил: «Вам, дяденька, кого?» Наверное, он на дворе и можно ожидать, что не в меру услужливые соседи сообщат ему, что пришел папа. Не может быть, чтобы Бориса никто не видел, когда он проходил мимо окон.

Дверь открылась, но в комнату вошел не Женя, а Клава. Она стирала на кухне и скорей почувствовала, чем заметила, что кто-то прошел с улицы в коридор. А так как она знала, что бабушки нет, то решила на всякий случай замкнуть комнату на замок. Увидев Бориса, Клава инстинктивно притворила поплотнее дверь и обессиленно прислонилась к косяку. С минуты они молча смотрели друг на друга. Вдруг чьи-то детские голоса раздались в коридоре, и Клава, побледнев, быстро заперла дверь на внутренний крючок. Борис понял этот жест по-своему.

— Здравствуй, Клава. Я не знал, что это ты стирала на кухне. Мне просто повезло, что застал тебя дома.

Он улыбался, протягивая ей руку, но в общем чувствовал себя неуверенно и досадовал, что Клава может заметить это. Она, все так же прислонившись спиной к косяку, принялась вытирать палец за пальцем мокрые руки, но, вспомнив, что сюда в любую минуту может постучаться сын, неприязненно спросила:

— Зачем ты пришел? Что тебе от нас нужно?

Но Борис уже овладел собой. Черт возьми, вот как она разговаривает с ним! Это она-то, боявшаяся слово против сказать! Ну, его не так-то просто сбить с толку. Во всяком случае, можно поговорить спокойно, они же взрослые люди.

— Мне, конечно, ничего от тебя не нужно, — сказал он примиряюще, — но разве я не могу зайти к тебе? Ведь мы столько времени не виделись.

— Вот поэтому-то и незачем было приходить, — приглушенно проговорила Клава, холодно смотря на него. — Помнишь, ты сам ушел отсюда, никто тебя не гнал. И обратно тоже никто не зовет.

— Не будем вспоминать старое, Клава... хотя бы при первой встрече. Расскажи лучше, как живешь, работаешь.

— Как видишь. И живу, и работаю. — Она нетерпеливо пожала плечами, как бы давая понять, что считает его вопрос не относящимся к делу.

— Тебе неприятно, что я пришел?

— Да, неприятно. И потом, мне просто некогда.

— Ах да, стирка. Ты разве редко бываешь дома?

— Редко.

Нет, он положительно не узнавал Клаву. Как она переменялась — и внешне, и душевно. Ничего подобного Борис не замечал в ней раньше. Сейчас он даже в какой-то степени гордился ею. И даже то, что его появление неприятно Клаве, почти не оскорбило Бориса. Он не верил, что она сказала это искренне...

— Ну, расскажи, по крайней мере, как тебе нравится работа? Кстати, ты могла бы попроситься в свой колхоз, все-таки было бы легче.

— Работа как работа. Мне очень нравится. Я ухажу, Борис, вода стынет.

Клава откинула крючок, прислушалась. В коридоре тихо. Наверно, бабушка увела Женю с собой. Но они могли в любой момент вернуться. Клава хотела открыть дверь, но Борис удержал ее.

— Ну, а как Женя? Как бы мне увидеть его?

— Зачем? — вспыхнула Клава. — Он знает, что отец уехал насовсем, он тебя не ждет. Ты ему не нужен, понимаешь? Он ведь даже не носит твоей фамилии. И незачем ему знать, что у него такой отец. Мало того, что ты бросил ребенка, ты еще хочешь, чтобы он всю жизнь чувствовал себя брошенным? Нет, нет и нет! Уходи и больше не приходи к нам, слышишь?

— Подожди, Клава, — нахмурился Борис, растерянный и озлобленный. — Я давал деньги на его воспитание. И буду давать, хотя по закону не обязан этого делать. Но главное не в этом. Я часто вспоминал о нем и о тебе там, в школе. И вот видишь, как только вернулся, я сразу пришел к тебе. Почему ты не хочешь поговорить со мной по-человечески? Раньше ты была другой. На что ты надеешься? Рассчитываешь найти Жене второго отца? Вряд ли тебе это удастся, поверь мне...

— Я сказала: ты его не увидишь, — ледяным тоном повторила Клава. — Надо было об этом раньше думать, теперь поздно. И я не верю тебе. Ты остался таким же эгоистом, каким и был. Деньги твои мне больше не нужны, я сама теперь зарабатываю достаточно. Слишком поздно ты пришел, вот и все. А сейчас уходи.

— Я не могу и не хочу уходить, — упрямо проговорил Борис. — Я имею право видеть сына и увижу его. Ему уже сказали, что я здесь.

— Кто сказал? — Клава испуганно схватилась за крючок.

— Соседи, — усмехнулся он.

— Все равно! Нет, нет... Ты не должен с ним встречаться, Борис, — почти с мольбой обратилась она к нему. — Ни ему, ни тебе это не нужно, это просто твоя прихоть.

Его злило это неожиданное сопротивление. Нет, не о такой встрече мечтал он, сидя в вагоне. Ему захотелось во что бы то ни стало подавить это сопротивление, эту ненависть, которую он, кажется, ничем не заслужил. Но как? Пообещать Клаве, что он еще подумает и, может быть, совсем вернется к ней и сыну? Нет, слишком рискованно. Во-первых, неизвестно, где он будет работать и какие перспективы перед ним откроются, во-вторых, и без обещания Клава никуда не денется, если он вдруг решит с ней сойтись. Когда он увидит сына и подружится с ним, тогда она наверняка станет мягче. Какая мать оттолкнет отца своего ребенка? Но, с другой стороны, настаивая на встрече с сыном, он уже тем самым дает Клаве повод надеяться. Пожалуй, это тоже не совсем разумно. Пока вполне достаточно, если он просто издали поглядит на Женю. Можно даже и на руках подержать, не признаваясь, что он отец. А там видно будет.

Хладнокровно обдумав все это, Борис сказал:

— Ты ошибаешься, Клава. Это не прихоть. Пусть я не увижу сына сегодня, если уж ты так этого боишься, но я приду завтра, послезавтра, когда уютно. И ты не имеешь права мне запретить.

— Нет, я имею право, — снова твердо ответила она. — Ты его не увидишь. Завтра я увезу его с собой в деревню.

— Вот как! Что ж, можешь везти, я приеду и туда, — спокойно заявил он.

— Попробуй только, и я всем расскажу, какой ты отец, — угрожающе сказала Клава.

— Ну, ну, не горячись, — смутился Борис. — Какая тебе от этого польза? Это же дело семейное, зачем давать повод для сплетен. Ладно, мы еще поговорим, сейчас ты просто не в духе. Да, Клава, не о такой я встрече мечтал, ты меня удивляешь.

Клава молча открыла дверь. Она шла по коридору,

не оборачиваясь, а Борис шагал сзади и с безотчетным волнением ласкал взглядом ее волосы, плечи, бедра — всю фигуру, такую знакомую и в то же время с трудом узнаваемую. Клава как будто стала выше, стройнее, иной Борису показалась и походка — легкая, уверенно-спокойная.

На пороге кухни она остановилась, хотела кивнуть ему, но раздумала и прошла дальше. Борис вышел на крыльцо. Постоял с минуту, в нерешительности опустив глаза. Вокруг никого. Ступая на носки, вернулся в коридор и осторожно заглянул в полуприкрытую дверь кухни. Клава стояла к нему в профиль, черпая воду из большого оцинкованного бака. Тяжелое раздумье тенью лежало на ее лице. Борис и хотел, чтобы она заметила его, и боялся этого. «Лучше в другой раз, — решил он. — Все это вышло слишком уж неожиданно для нее...»

XXVI

Конечно, Клава не взяла сына с собой. Без бабушки он бы связал ее по рукам. К тому же Клава была уверена, что Борис теперь не осуществит своей угрозы — побоится скандала. А через неделю она увезет и бабушку и Женю в деревню. Сюда-то Борис, понятно, не сунется.

Хотя Клава и знала, что он должен приехать, встреча с ним оказалась действительно неожиданной для нее. Если еще полгода назад она таила в душе надежду вновь сойтись с Борисом, веря, что ребенок привяжет его к семье, то сейчас одна мысль об этом была ей противна. Единственное, что смущало ее, это Женя, который в недалеком будущем наверняка станет допытываться, где его папа. Допустим, она расскажет ему всю правду, но разве ребенку будет легче от этого? Однако даже ради сына Клава не могла простить Борису его вины. Нет, нет! Живя с ним, она так и не могла понять, что он за человек, какие внутренние пружины двигают его поступками, да по правде говоря, и не пыталась понять. Лишь после разрыва, вспоминая и сопоставляя его слова и взгляды на тот или иной вопрос, Клава составила о Борисе определенное мнение. По сути, что бы он ни делал, он делал только для себя, о чем бы ни думал — все его мысли своди-

лись к собственной персоне. Другие люди, в том числе и жена, существовали для Бориса постольку, поскольку могли содействовать или препятствовать его служебной карьере. Да, он считал Клаву неподходящей парой и в душе считает такой и сейчас, сколько бы ни притворялся. Она не верила ни одному его слову. Возможно, желание увидеть сына могло быть у него искренним, но что же дальше? Зачем травмировать детскую душу, если Клава заранее знает, что жить она с Борисом не будет? Да и он, конечно, всерьез не задумывался об этом. Его приход не больше чем прихоть, только и всего. Нет, сына он не увидит ни при каких обстоятельствах.

Странно, приезд Бориса и даже те переживания, которые вызвал этот приезд, ни в коей мере не отвлекли Клаву от мыслей о Бескурове. Напротив, если бы она сказала ему тогда и о ребенке, и о Борисе... Да, да, и о Борисе. Если б Бескуров знал все, ей сейчас не пришлось бы так мучительно и в сотый раз припоминать весь их разговор и гадать, какое значение имели те или иные слова Бескурова. Все было бы ясно и ему, и ей, и они остались бы, по крайней мере, хорошими друзьями. Что ж, она расскажет обо всем при первой же встрече, возможно, даже сегодня. Интересно, как прошло партийное собрание? Чем вообще кончится это дело? Неужели Бескурова вызовут на бюро райкома? А ведь он, по существу, ни в чем не виноват. Кому же это нужно, чтобы он был обвинен и, может быть, наказан? Уж, конечно, не колхозникам. Они-то видят, сколько он сделал и делает, чтобы колхоз поднимался в гору. Но, видно, не всем это нравится. А он хоть и бодрится, однако все эти дразги не могут не волновать его. Еще бы! И так ему не легко, а тут еще новые неприятности.

В деревню Клава пришла рано утром. У калитки Хватовых стоял Матвей Сидорович Овчинников и, не входя во двор, говорил хозяйке:

— Собирайся, Серафима, картошку копать. Хотел вчера предупредить, да некогда было.

Серафима Полиектовна, в переднике и с ведром в руке, нехотя подняла голову, по привычке хотела отрызнуться, но, увидев нахмуренно-озабоченное лицо бригадира, глухо ответила:

— У самой картошка не копана, да ладно уж... Вот управлюсь, приду.

— Гляди, не задерживайся, бабы уже собрались.

— Ну-ну, отцепись, сказала — приду, значит — приду.

Овчинников проследовал дальше, а Серафима Полиектовна, сухо кивнув Клаве, поднялась на крыльцо. Клава улыбнулась ей в спину, молча прошла в свою комнату. Минут через пять прибежала с сеновала заспанная Лена.

— Ой, как ты рано! А я, знаешь, ничегошеньки не высыпалась.

— Прогуляла опять до петухов, вот и не высыпалась, — с легким упреком сказала Клава.

— Да нет, какие там петухи... Просто не спалось от разных мыслей. Знаешь, — Лена перешла на шепот, — позавчера я вернулась ночью, захожу к тебе, а ты как была в платье и во всем, так и уснула. И лицо вроде бы зареванное. Ты мне скажи, Клавочка, обидел тебя Антон Иванович, да?

— Что ты! — испугалась Клава. — Чем же он мог бы обидеть? С чего это ты вздумала?

— Да нет, как раз я и не думала, что обидел, он же хороший человек, ну, а о чем же он с тобой говорил?

— У него неприятности по работе, — тоже переходя на шепот, сказала Клава, — да и с семьей неладно.

— Ага, понимаю, — кивнула Лена, смотря на подругу изумленно-радостным и взволнованным взглядом. — Ты за него переживаешь, да? А про Женьку ты ему сказала?

— Нет, — покраснела Клава.

— Ну, неважно, потом скажешь, — успокоила ее Лена. — Ой, Клава, как я рада за тебя! Ты, главное, ничего не бойся, он же все, все поймет, я знаю.

И она обняла растерянную Клаву, никак не ожидавшую от подруги подобной проникательности. Впрочем, Клава скоро успокоилась и рассказала, в каком сейчас положении находится Бескуров. Да и кому же еще, кроме Лены, единственному здесь человеку, знавшему ее тайну, могла Клава довериться? Когда она упомянула о встрече с Борисом, Лена нахмурилась и прямо спросила:

— Ты собираешься к нему вернуться?

— Нет, ни за что! — горячо ответила Клава. — Лучше всю жизнь прожить одной, чем снова перед ним унижаться. Он ведь будет считать, что осчастливил меня...

— Точно, — авторитетно подтвердила Лена. — А Бескуров все поймет, я чувствую. По-моему, он любит тебя.

— Что ты, я и мысли такой не держу, — со всей, как ей казалось, искренностью сказала Клава. — Ни о чем таком у нас и намека не было. Конечно, он хороший человек, и я его уважаю, но это совсем не то, не то... Пожалуйста, Лена, не говори об этом. Не знаешь, как вчера прошло собрание?

— Не знаю. Я ведь не член партии, откуда мне знать? Вчера вечером иду с поля, а Антон Иванович возле скотного двора с Захаром — пастухом беседует. Увидел меня, догнал, спрашивает, откуда, мол, и куда... Веселый такой, мне и в голову не пришло, что у него неприятности. Потом говорит: «Клавдия Васильевна ушла?» Я говорю — да, ушла, а сама думаю: зачем это он? Потом спрашивает: «Вы дружите с ней?.. Это хорошо, обе вы славные девушки». Я, конечно, смеюсь, говорю ему — таких, дескать, поискать, вот только женихов подходящих нет, а он мне: «Женихи-то есть, да уж очень вы невесты разборчивые».

— Это после собрания было? — с величайшим вниманием выслушав рассказ, спросила Клава.

— Конечно, после. Ведь совсем уж поздно было.

— Значит, все хорошо обошлось, — с облегчением сказала Клава. — Да ведь он и в самом деле ни в чем не виноват, если вдуматься.

— Конечно, не виноват, — охотно согласилась Лена. — Только, знаешь, у нас иногда и не виноватым достается, на себе испытала.

— Как же это? — спросила Клава, но тут же рассмееалась. — Ах, да, я и забыла совсем, извини. Ты давно его не видела?

— Да я каждый день его вижу, а что толку? — упавшим голосом ответила Лена. — Так, пройдем мимо и все... Ребята рассказывали, будто он в другой колхоз просился, а я бригадира спрашивала, он говорит — ничего подобного. Конечно, я понимаю, ему

обидно за критику, а я-то при чем? Зачем он так с Мишкой поступил? Самому же, небось, стыдно, а на меня злится.

— Да он, может, вовсе не злится, а просто ему стыдно перед тобой, вот он и сторонится. Думаешь, ему легко было переживать? По-моему, как раз стыд, а совсем не гордость мешает Володе подойти к тебе. А это другое дело. Ведь с Любой-то у него все кончилось?

— Кто его знает. Когда она уезжала, Володи не было, да ведь за ним не уследишь.

— Хочешь, я поговорю с ним? — движимая тем же чувством, с каким Лена уверяла ее, что Бескуров любит, предложила Клава.

— Ладно, поговори, мне-то что? — с деланным безразличием сказала Лена, хотя глаза ее, отражавшие малейшее движение души, сразу просияли.

— Сегодня же постараюсь его увидеть. Ну, заговорились, а время-то бежит. Надо бы мне сразу на ферму идти, а потом уж домой.

— Не спеши, успеешь еще набегаться. Подожди, я умоюсь, вместе пойдем.

— Нет, побегу. Вечером увидимся, обо всем переговорим...

* * *

Центральная ферма в эти дни превратилась в своеобразный строительный объект. Трое слесарей с завода вместе с механиком из МТС и колхозными плотниками устанавливали водоснабжение и подвесную дорогу для вывозки навоза. Пока, однако, дояркам приходилось убирать двор и носить воду вручную. За этим и застала их Клава. Стадо паслось теперь на богатой отаве и хорошо наедалось, но заведенный еще летом порядок — подкармливать коров, пока имелась зелень, неукоснительно соблюдался. Для этого использовались та же отава, корнеплоды, отходы овощеводства, отчасти концентраты, которые удавалось приобрести в райпотребсоюзе за проданное в госзакупки молоко. Хлопот у доярок было много, но жалоб стало меньше. Даже толстушка Дуся ворчала вполголоса и на замечания отгрызалась реже, да оно и не удивительно: она надаивала от коров своей группы почти столько же, сколько и черноглазая старательная Аня Сушкова.

Азарт соревнования захватил и Дусю, хотя вслух она называла все это не иначе как «мурой» и демонстративно отворачивалась от доски показателей, которую аккуратно заполняла Татьяна Андреевна. Самым неприятным было для Дуси расписываться в авансовой ведомости, так как получала она пока меньше всех. Это уязвляло ее самолюбие, но и вызывало хорошую злость на работу, выполнять которую она считала себя способной не хуже других. Все дело было в том, что Дуся не хотела на виду у всех проявлять особого рвения и «лезть», как она выражалась, в передовики, подобно Ане.

Клава, приглядывавшаяся к Дусе больше, чем к другим дояркам, скоро раскусила упрямцу и, чтобы не смущать зря девушку, перестала обращать на нее внимание. Те или иные советы она давала в присутствии всех доярок, а те и виду не подавали, что многие замечания относятся специально к Дусе. Если бы замечания были обращены прямо к ней, Дуся наверняка обиделась бы, как это и бывало раньше, а так она чувствовала себя чуть ли не равной с самой Анной Михайловной, не говоря уже об Ане. Так оно и шло, пока Дуся не стала догонять свою соперницу. А та ее постоянно подзадоривала: то о надоях спросит, то расскажет, как у нее Белянка хорошо отдает молоко, то вдруг начнет охать и ахать, говоря, что Дуся хитрая, дает своим коровам больше подкормки и непременно обгонит ее, хотя и притворяется неопытной.

Доярки уже заканчивали уборку и собирались ехать косить отаву, когда на ферму неожиданно пришел Бескуров. Клава услышала его голос из молокоприемной, где она с Татьяной Андреевной подводила итоги работы доярок за август. Сначала он разговаривал со слесарями, и она думала, что он уйдет, но вдруг Бескуров очутился у самых дверей молокоприемной и громко сказал:

— Здравствуйте, товарищи. Попрошу всех ко мне, у меня есть для вас хорошая новость.

Доярки моментально сгрудились вокруг председателя. Татьяна Андреевна открыла дверь, и все они во главе с Бескуровым ввалились в молокоприемную. Заметив Клаву, он кивнул ей и весело продолжал:

— Только что принесли из сельсовета телефонограм-

му: через неделю состоится районное совещание животноводов. Приятная новость, а?

— Кто же от нас поедет? — робко спросила Аня.

— Все поедете, только придется в две очереди, чтобы стадо без присмотра не осталось. Как, товарищи, не стыдно нам будет там? Я думаю, что не стыдно, надои-то ведь растут. А раз так, то правление решило каждую из вас премировать за честную работу ценным подарком. Вот, пожалуй, и вся новость. Ну, само собой, лучших доярок райком и райисполком премирует особо, как и раньше было.

— Да у нас и лучших-то нет, все пока серединка-наполовинку, — улыбнулась Анна Михайловна. — Хватит нам и того, чем колхоз порадует. И то честь большая.

— Ладно, ладно, не прибежняйтесь, Анна Михайловна, — мягко сказал Бескуров. — Было бы желание работать, а успехи придут, верно, Дуся?

— Я не знаю, Антон Иванович, — прячась за Аню, пробормотала та.

— Зато я знаю, — улыбнулся Бескуров. — Какой, однако, у вас скромный народ, Клавдия Васильевна. А ведь какое дело делают — огромное дело! Спасибо вам за ваш труд, товарищи.

Доярки потупились, смущенные и радостные, лишь Анна Михайловна негромко ответила:

— И вам спасибо за внимание да за честь, какую нам оказываете.

— Да, надо бы нам договориться, кто из вас на совещании выступит. Там ведь люди обязательства будут брать, неудобно, если мы промолчим. Как вы считаете?

— Конечно, неудобно, — оглядываясь на подруг, сказала Аня.

— Пусть Анна Михайловна выступит, она сумеет, — предложила одна из доярок.

— Что ж, если надо, выступлю, — неожиданно для всех согласилась Анна Михайловна. — Клавдия Васильевна подучит, коли что...

— Зачем? — возразил Бескуров. — Вы лучше посоветуйтесь между собой, а сказать вы и сами сможете, я уверен. О своей работе, о планах... Как, по-вашему, сумеем мы к концу года получить по две тысячи литров молока от каждой коровы?

Доярки переглянулись, лица их стали серьезными. Никто не решался заговорить первой, и невольно все взгляды вновь обратились на Анну Михайловну. Та, помолчав, сказала:

— Трудно, Антон Иванович, но можно. С кормами теперь у нас лучше будет, желание у нас есть. Конечно, страшновато поначалу да и времени мало осталось. Это не шутка — две тысячи-то. По полторы раньше не надаивали, а тут этакое дело. Как вы, девушки?

— Ой, больно уж много, Анна Михайловна, не осилить, — тряхнула черными косичками Аня, а у самой глаза так и загорелись от отчаянного желания осилить такую необыкновенную задачу. — Вы-то как, Анна Михайловна, смогли бы?

— Возьмешься — и ты сможешь, — скупой улыбнулся Анна Михайловна. — Но уж стараться надо по-настоящему, девушки. Конечно, Антон Иванович, — повернулась она к председателю, — всем этой цифры не одолеть, но близко к двум тысячам большинство будет. Эх, кабы нам пораньше спохватиться, с января бы сразу, тогда и разговору бы не было.

— Ну, с января мы другой разговор поведем, — по-серьезнев, сказал Бескуров. — За две с половиной тысячи будем бороться, не меньше. Все возможности для этого есть, а каких еще нет — создадим, можете не сомневаться. Все в наших руках.

— Тогда, конечно, другой разговор.

— Кормов бы только побольше.

— Вот механизация будет, опять-таки облегчение.

— Нас не забывают, а мы уж отблагодарим.

Доярки еще долго переговаривались и, наконец, решили, что 1800 литров они сумеют надоить в среднем от каждой коровы. Так они и велели сказать Анне Михайловне на совещании.

Прощаясь, Бескуров пошутил:

— За такое решение стоило бы вам сообщить, какие кому подарки будут, да рано еще, не скажу. Одно могу пообещать: самым красивым из вас — Дусе и Ане — обязательно по хорошему платью преподнесем. Чтоб не стыдно было и на свадьбе надеть.

Обе девушки зарделись и замахали руками. Их тормозили до тех пор, пока они не выбежали из молокоприемной. Бескуров смеялся вместе со всеми и вышел

последним. Но через минуту вернулся и, приоткрыв дверь, сказал:

— Клавдия Васильевна, прошу вас, объявите о совещании на других фермах. Я пойду во вторую бригаду.

XXVII

Клава догнала его по дороге на Пеньки... Она не знала, велел ли ей Бескуров идти за ним, будет ли ее ждать и захочет ли вообще рассказывать о вчерашнем собрании, но терпеть неизвестности она больше не могла. Судя по тому, что сообщила ей Лена, а главное — по тому, как он вел себя на ферме, Клава не сомневалась, что все кончилось хорошо, а значит, и тревожиться за него не было оснований. Но Клава теперь тревожилась за себя и решила не откладывать тяжелого объяснения, которое бы разом покончило со всеми ее мучительными раздумьями и иллюзорными надеждами. Правда, она не представляла себе, как начнет этот неприятный и, может быть, ненужный разговор, однако что-то подсказывало ей, что повод обязательно найдется. А там будь что будет...

Клава хорошо изучила дорогу во вторую бригаду. Это была, собственно, не дорога, а пешеходная тропинка, которой пользовались, чтобы сократить путь из Погорелова в Пеньки. Настоящая дорога шла низом, через Согру, но Бескуров, конечно, отправился тропкой. Клава торопливо перебежала лужайку, ту самую, где недавно работали на силосовании шефы, спустилась в овраг, поросший мелколесьем, а дальше тропка тянулась по краю оврага, никуда не сворачивая, и Клава сразу увидела медленно шагавшего Бескурова. Вскоре он оглянулся, и сердце Клавды дрогнуло: значит, он ждал ее.

— Я не знал, что вы вернулись и уже на ферме. Почему так рано? — спросил Бескуров, пожимая ее руки, которые она машинально протянула к нему.

— Я же обещала прийти утром, вот и пришла. Ну, что собрание? Кто выступал, чем все кончилось? — нетерпеливо заговорила она, желая поскорее удостовериться, что ему ничто не грозит.

— А, собрание, — неохотно проговорил он. — Пой-

демте, тут есть место, где можно присесть, а то везде сыро. Да, неприятная штука — осень...

Он сошел с тропки и опустился по склону оврага шагов на десять. Охваченная недобрým предчувствием, Клава шла следом. Он остановился возле продолговатого, похожего на перевернутое днище лодки, серого камня, пригретого выплывшими из облаков солнцем. Клава тоже остановилась, но Бескуров опять взял ее за руки и попросил присесть на камень.

— Я обещал вам все рассказать, но рассказывать-то, собственно, нечего. Мне объявили строгий выговор. Незаконные действия, недостойное поведение в быту и так далее...

— Но это же все неправда, Антон!

— И тем не менее многое, в чем Лысов обвинил меня, выглядит вполне правдоподобно, — продолжал Бескуров, взглядом благодаря ее за то, что она в порыве возмущения и одновременно горячего сочувствия к нему впервые назвала его Антоном. — В этом все дело, Клава... Лысов выступил со всем апломбом, на какой только способен. Почему я разрешил лесопункту косить колхозные участки? Да только потому, что хотел иметь на счету лишние гектары и пролезть в передовики... Мой метод руководства основан, с одной стороны, на угрозах, а с другой — на пустых обещаниях и подкупе своих сторонников. В то же время инициативу других руководителей (как потом выяснилось, он имел в виду Звонкова) я всячески торможу и скоываю. И я же, дескать, упрашивал Лысова прикрыть все мои грехи авторитетом райкома. Жену я не везу сюда потому, что она якобы помешала бы моим шашням с Татьяной Андреевной...

— С Татьяной Андреевной? — как эхо, отозвалась Клава.

— За эти слова он мне еще ответит, — скрипнул зубами Бескуров. — Да, так вот... В общем, он обвинил всю парторганизацию и особенно Сухорукова в политической близорукости и укрывательстве. Потом говорил я. Я даже не помню, что говорил, потому что был слишком взвинчен... Потом выступал Иван Иванович. Он хоть и растерялся вначале, но защищал меня довольно горячо, хотя и не совсем последовательно. Ну, безусловно, где ему сравниться с Лысовым? Егор Пестов

прямо заявил, что все это клевета, чьих-то грязных рук дело, и на этом поставил точку. Зато Звонков и Ярыгин целиком поддерживали Лысова. Давидонов обиделся, что я выдал этим ребятам сто рублей без его санкции, и тоже голосовал за выговор. Вот и все.

Клава потерянню молчала. Бескуров устало присел рядом.

— Но кто же мог написать эту ужасную клевету? — спросила она, так как этот вопрос все время занимал ее.

— Иван Иванович утверждает, что Звонков, больше никому. Почерк, говорит, не его, но это ничего не значит — под диктовку любой напишет. Тот же Саватеев или его дочка постарались, не иначе... Сказал бы он это до собрания, я бы ни за что не поверил, а теперь... — Бескуров покачал головой. — Впрочем, в душе я Звонкову и раньше не доверял, но чтобы он способен был на такую подлость — никак не предполагал.

— Всякие бывают люди, Антон Иванович, — вздохнула Клава, вспомнив о Борисе и о своем намерении рассказать все Бескурову. Однако теперь она совершенно не знала, как и подступиться к этому. Лучше в другой раз, когда Бескуров немного успокоится и сам заговорит на близкую тему, например, о жене. Боже мой, сколько еще тяжелых минут предстоит ему пережить. Клава была просто в отчаянии, что ничем не может ему помочь.

Бескуров закурил и прежним спокойно-ласковым тоном, который Клава так хорошо запомнила с того памятного вечера, спросил:

— Ну, как там дома? Все в порядке?

— Да, — чуть слышно проговорила она.

— Вам, наверно, покажется странным, что я даже на собрании думал о вас, Клава. Ведь вы-то не считаете меня пропащим, верно?

— Ни капельки, — от всего сердца сказала она.

— Ну, вот... это для меня много значит. — Бескуров, наклонившись, не решался взглянуть на нее, мямл в пальцах недокуренную папиросу, потом бросил ее и то же самое стал проделывать с увядшим стебельком дикого клевера. — Да, очень много, и я хочу, чтобы вы это знали.

— Но ведь вы меня почти совсем не знаете, — с

тоской проговорила Клава, готовая заплакать от нахлынувших на нее разноречивых чувств.

Бескуров поднял голову, убежденно сказал:

— Нет, я вас хорошо знаю, Клава. Главное в человеке — чуткость, а у вас ее много. Чуткий человек не может быть плохим. Разве этого мало?

— Я не знаю сама, какая я... наверно, плохая. Я ведь была замужем, и у меня есть ребенок.

Она закрыла лицо руками и замерла, как под ударом.

Бескуров в изумлении поднял брови, но сейчас же, стараясь сохранить хладнокровие, спросил:

— Замужем?.. Как же это случилось?

Клава не отрывала ладоней от лица и молчала. Бескуров беспокойно огляделся вокруг, встал, затем снова присел и мягко отнял руки от ее лица.

— Зачем же плакать? — глухо произнес он. — Если вам тяжело, можете ни о чем не рассказывать. Но... я считаю, будет лучше, если вы расскажете.

— Да, я скажу, я должна рассказать... Я хотела это сделать тогда, вечером, но подумала, что это вам будет не интересно. А сейчас я хочу, чтобы вы все, все знали, так будет лучше, вы правы...

И она, сначала всклипывая, глотая слова, а потом уже с сухими глазами, зло и беспощадно, словно наказывая себя за прошлое, рассказала Бескурову всю свою бесхитростную и короткую жизнь, в неудачах которой винила столько же Бориса, сколько и самое себя. Он слушал ее, не проронив ни слова, сосредоточенно и печально, как будто одновременно прислушивался и к тому, что происходило в его душе. Клаву и пугало, и радовало это, ибо она чувствовала, что сейчас он заново проверяет себя и, значит, как только она закончит свой рассказ, все сразу решится. Наконец, она замолчала и опустила голову, боясь взглянуть на него.

Бескуров некоторое время тоже молчал, собираясь с мыслями.

— Да, судя по всему, этот Белимов — холодный и расчетливый эгоист, — медленно проговорил он. — Но ведь любовь иногда слепа, а ребенку нужен родной отец, ему-то нет дела до наших переживаний...

— Я знаю, Женя поймет, почему у него нет отца, — поспешно и горячо сказала Клава.

— Он поймет, если будет счастлив, а если не будет? — в раздумье сказал Бескуров, обращаясь не столько к Клаве, сколько к себе.

— О, я люблю его больше жизни! — воскликнула Клава. — Я думаю, при отце я любила бы его меньше, может быть, как-то иначе.

— Да, конечно, — согласился Бескуров, — Так вы окончательно решили не сходиться с Белимовым, Клава?

— Нет, нет, ни за что! Да он и сам не захочет...

— А если бы он захотел? Ради ребенка?

— Все равно. Даже ради ребенка я не могу пойти на это. У меня не осталось к нему ничего, никакого чувства, кроме презрения. Я его ненавижу за одно то, что сейчас мне приходится переживать из-за него...

Бескуров неловко положил руку на ее вздрагивавшие плечи. Она сразу притихла, даже дыхание притаила, ожидая, что он скажет.

— Клава, от того, что вы мне рассказали, вы не стали для меня другой. Ни капельки! — вспомнил он ее словечко и улыбнулся. — Естественно, все это было для меня очень неожиданным, ведь я ни разу не задумывался о таких вещах. Очевидно, мне потребуется некоторое время, чтобы хорошенько все обдумать. К тому же официально я еще связан узами брака. Боюсь что-либо вам советовать, но хотел бы, чтобы вы поскорее привезли сына и бабушку сюда. Наверно, мы подружались бы с Женей, как ты думаешь, а?

— Я не знаю, Антон... Если бы ты захотел подружиться... — Клава грустно улыбнулась сквозь слезы, не решаясь продолжать.

— Конечно, я хочу с ним подружиться, — весело сказал он. — Как же иначе? Только он-то захочет ли, вот вопрос.

— Он доверчивый, ласковый мальчик, очень любит мужчин, гораздо больше, чем женщин, — серьезно сказала Клава; она хотела добавить: «Он тебе обязательно понравится, я уверена», — но вовремя спохватилась, что этого сейчас не надо говорить.

— Только не надо, чтобы Белимов с ним встречался, раз ты не собираешься с ним жить. Пойди к Егору Пестову, у него пустует половина дома, и он охотно ее уступит. А потом возьмешь машину и перевезешь вещи.

— Хорошо, — коротко кивнула она.

Он привлек Клаву к себе и, уверенный, что не оскорбит ее этим, крепко поцеловал в губы. У нее опять выступили на глазах слезы, но она улыбалась и не вытирала их. Бескуров вдруг нахмурился.

— Черт возьми, я совсем забыл о Лысове, — сказал он. — А если бюро райкома не только утвердит выговор, но и сочтет невозможным мое пребывание здесь?

— Этого не может быть, Антон, — испуганно сказала Клава, беря его за руку.

— Я тоже думаю, что не может быть. Это было бы слишком обидно и несправедливо. Если меня не будет, значит, останется Звонков. Я слышал кое от кого, что он давно мечтает иметь свободу рук. А, теперь мне понятно. Иван Иванович прав: кляузу писал Звонков или кто-то другой по его наущению. Ну, как же, бывший директор десятка разных контор, когда-то сослуживец Лысова, удачливый хозяйственник — и вдруг оказался каким-то заместителем! Разве для этого он приехал сюда? Как бы не так! Но как ловко он маскировался! Ладно, теперь я за него возьмусь. Я знаю, он готов вбухать все средства на строительство, остальное его не интересует, но разве с этого надо начинать? Конечно, строить мы будем, но сперва надо создать базу, поднять животноводство и льноводство, а без конца занимать деньги у государства, чтобы только строить — это и дурак может. Да и не строительство Звонкову нужно, а возможность комбинировать и наживаться на этом строительстве. Об этом мне тоже говорили, пора разобраться в его махинациях. Бюро состоится в конце недели, время еще есть. Я не уйду отсюда, пока не развяжу этот грязный клубок...

— Антон, что ты говоришь? Как ты можешь уйти? — с дрожью в голосе сказала Клава.

— Да нет, я не собираюсь уходить, — успокоил ее Бескуров. — Действительно, это было бы малодушием. Я чувствую, что правда на моей стороне, и я постараюсь доказать это. А пока все должно идти своим чередом. Сегодня я соберу правление и добьюсь снятия этого удельного князька Прохорова. Спросим отчет и со Звонкова. Ну и, конечно, решим вопрос о выделении средств на премирование доярок.

— А разве это не решено? — удивилась Клава. — Ты же пообещал девочкам по платью.

— Обещал и сдержу свое слово. Не булавки же мы им будем дарить, — рассмеялся Бескуров. — Деньги найдем, а за покупками тебя пошлем, выберешь платье на свой вкус. Думаю, доярки в обиде не останутся.

— Еще бы! Они очень рады, что ты принес им такую новость.

— Да я бы не пошел, если бы знал, что ты там. Нет, вру, — снова обнял он ее, — прибежал бы еще раньше. Знаешь, мне теперь всегда будет тебя не хватать.

— И мне тоже, — призналась Клава, не опуская перед ним сияющих преданных глаз.

Они посидели еще недолго. Клаве пора было идти обратно. Он помог ей выбраться по склону на тропинку. Она торопливо побежала, часто оглядываясь и махая ему рукой. Бескуров смотрел ей вслед и в десятый раз спрашивал себя: «Смогу ли я искренне, всей душой полюбить ее сына, как люблю ее?..»

XXVIII

Дня через три к Бескурову приехал сосед — председатель колхоза «Нива» — Василий Фомич Лобанцев. До этого они встречались всего несколько раз, да и то накоротке, мельком, хотя ревниво следили за делами друг друга. Лобанцев был «старый», уже опытный председатель, умный и добродушный толстяк, любивший острое словцо и шутку. В свое время ему пришлось немало попортить крови из-за разногласий с бывшими председателями (а их скопилось в «Ниве» целых пять человек), пока он не заставил их признать свою, как он говорил, «линию к коммунизму». Это была, по сути, линия рачительного и дальновидного хозяйствования, а не выжидания всяческих благ и помощи свыше, которой придерживались прежние руководители артели. «Нива» уверенно становилась на ноги, и Бескуров невольно в некоторых вопросах равнялся на нее, как на своего ближайшего соседа.

Антон искренне обрадовался Лобанцеву, когда тот, неуклюже слезши с седла и привязав лошадь к периль-

цам, шумно ввалился в контору. Все эти дни он находился в таком нервном напряжении, что встреча с человеком, с которым он мог отвести душу, отвлечься хоть ненадолго от одолевавших его мыслей, была просто необходима. Конечно, с Клавой Бескуров делился всем, но то было совсем другое.

Лобанцев, хорошо помнивший старую контору, остановился у порога и изумленно чмокнул языком.

— Вот это хоромы! Ну и ну! Сразу видать — богато живете, недаром у соседей перестали бывать. Нет уж, я лучше дальше поеду, вон у меня сапоги какие грязные. Ведь думал в луже сполоснуть, да с лошади не захотелось слезать...

— Проходи, проходи, Василий Фомич, потом посмеешься, — несколько смутившись, сказал Бескуров.

— Да уж пройду, назло пол испачкаю, чтоб не так мне завидно было, — добродушно прогудел Лобанцев, протягивая Бескурову руку. — Здорово, Антон Иванович, давненько мы не виделись. Пойдем-ка к тебе в кабинет, потолкуем о житье-бытье.

В кабинете Василий Фомич снял с бритой головы потертую, из черного хрома, фуражку, распахнул на обе стороны телогрейку, обнаружив преждевременно округлившийся живот, попросил:

— Махорочка есть? Ах, да, ты же папиросы предпочитаешь. Ну, давай папиросу, коли так. Забыл, принимаешь, кисет дома.

— Каким же ветром тебя к нам занесло? — улыбнулся Бескуров.

— Да вот, дай, думаю, съезжу, посмотрю, как у соседа самочувствие. Лысов-то, говорят, здорово тебя пощипал, а?

— Было такое дело, — охотно ответил Бескуров, присаживаясь на край стола.

— Он, брат, и мне страху нагнал, а ты как думал? Нас ежели только по головке гладить, так мы, пожалуй, плесенью обрастем и мурлыкать с теплой печки научимся. Нет, шевелить нашего брата почаще надо, а то ведь иной председатель сидит себе в конторе и далее своего носа ничего не видит.

— А Лысов, по-твоему, видит?

— Э, вон ты куда! — лукаво прищурился Василий Фомич, грозя Бескурову обкуренным пальцем. — Ко-

нечто, Лысов-то видит, только точка зрения у него, как бы тебе сказать... однопупая, что ли. Ну, вот, когда человек дальше носа видит, а уж дальше своего пупа — ни-ни. Я его давно знаю, Лысова-то, еще до райкома, вроде ничего был парень, а теперь разных слов нахватался — не подступишься. Приезжает он позавчера прямехонько от тебя ко мне и давай читать: это надо сделать, то решить, десятое завершить и закончить... Ну, я человек опытный — слушаю и молчу, пока он выговорится. Потом этак бодро отвечаю: «Все будет выполнено, Федор Семенович, в лучшем виде, не извольте беспокоиться...»

— Ну и как — выполняешь? — смеясь, спросил Бескуров.

— А как же! — невозмутимо сказал Василий Фомич. — Все, что у меня было намечено, я обязательно выполняю, такое уж у меня правило. Ну, а что от лукавого — то подождет... Ты вот недавно в колхозе, а небось, лучше Лысова свое хозяйство знаешь, так? Ну, и я тоже не без головы, понимаю, когда мне сеять, когда жать или молотить. Уж если ты мне помочь хочешь или на путь истинный наставить, так по-настоящему разберись, в чем я ошибся, что мне надо сделать, какие силы привести в действие, чтобы, значит, все было в порядке. А сил у нас теперь много, есть на кого опереться... Ну, ясное дело, ежели я добрых советов из амбиции не хочу принимать и продолжаю гнуть свою неправильную линию, тогда, понятно, надо меня убрать, чтоб другим поперек дороги не стоял. Так я понимаю всю эту политику...

— Я согласен с тобой, Василий Фомич, — взволнованно сказал Бескуров, рассказывая по кабинету. — Но вот Лысов обвинил меня в карьеризме, в подрыве артельной экономики и прочих грехах, даже не потрудившись здраво разобраться, что побудило меня поступить так, а не иначе. А ведь я действовал из чистых побуждений, даю тебе честное слово коммуниста.

Лобанцев резко двинулся всем туловищем, словно хотел поудобнее усесться на стуле, полез было за креслом, но, вспомнив, отдернул руку, как от горячего.

— Ты мне не клянись, я-то тебе верю, понятно? Мне Сухоруков все рассказал, а его я как облупленного знаю, этот не соврет..

— Когда же он успел? — крайне удивленный, спросил Бескуров.

— Так, случайно встретились... Ты тут еще новый человек, а я местный уроженец, каждого человека не только в лицо, а и в спину узнаю. Ну и, конечно, дела в «Восходе» мне тоже отлично известны. Давненько сюда настоящий хозяин требовался, и ты правильно начал тут порядок наводить, прямо скажу. Петьку Саватеева еще не выгнал из колхоза?.. Зря, таких надо гнать, чтоб другим неповадно было. А Звонков?.. — Лобанцев крикнул, почесал всей пятерней коричнево-морщинистую кожу на виске и сердито продолжал: — Он тебе дом воздвигнуть собирается — знаешь, за чей счет?

— За счет колхоза. Это мы уже выяснили.

— А что он тесом торгует — выяснили? Счета фиктивные в бухгалтерию подсовывает, автомашину использует направо и налево — об этом тебе тоже известно?

— Кое-что стало известно, но, видимо, далеко не все.

— Вот именно! — резко выбросил руку вперед Лобанцев. — Этот шофер ваш, одноглазый-то, вчера в Березняках, где сельпо, кутил с нашими ребятами, всех угощал, ну, и расхвастался. Мы, дескать, с Платоном жили и жить будем, а кто нас продаст — тот трех дней не проживет. Скоро, мол, Платон председателем станет, тогда я «Победой» закручивать буду, сам Звонков обещал... Понял теперь? Я тебе вот что посоветую: собери завтра ревизионную комиссию, вызови этого шофера и заставь его рассказать все как есть. Жулики, они народ хлипкий на расплату, а одноглазый-то и подавно струсит, если ему про вчерашнюю пьяную похвальбу напомнить.

— Я так и сделаю, — кивнул Бескуров. — Собственно, ревизионная комиссия уже работает, мы обсуждали этот вопрос на правлении. Звонков, конечно, все отрицает и расценивает это, как месть с моей стороны.

— Тем более нужны факты, — подчеркнуто сказал Лобанцев. — Пусть шофер сообщит о некоторых сделках и назовет фамилии, а дальше уж ревизия сама доберется до корня.

— Я сам поговорю с ним, — с силой придавливая окурок в пепельнице, коротко ответил Бескуров.

Василий Фомич, с шумом выдохнув из широкой груди воздух, навалился на спинку стула и прежним добродушно ироническим тоном заговорил:

— Да, дела... Не сладкая она, председательская жизнь, верно? А ты, небось, когда ехал сюда, думал: раз-два и в дамки. Признайся, были такие думки?

— Нет, когда ехал, таких мыслей не было, а вот раньше были. Казалось, как же это так: директива есть, указания тоже, все расписано и разжевано, а отстающие колхозы еще не вывелись. Чем там председатели думают? Уж, кажется, теперь у них все есть — и права, и огромная помощь государства, и современная техника. Ну, а теперь я понял: есть-то оно есть, да надо с умом всем этим воспользоваться. А это — ох, как не просто.

— В том-то и суть, браток, — тряхнул бритой головой Василий Фомич. — Иной туда-сюда мечется, сна ему нет, на вид будто уж деловитее председателя не бывало, а глянешь кругом — прорех полно. Знавал я одного такого. И заботливый, и дело любил, и честный на все сто, а чего-то ему не хватало. А все потому, что за всякую мелочь хватался сам, вперед заглядывать не умел. Да и то сказать, Антон Иванович, хоть и простым кажется наше крестьянское дело, а фактически оно очень даже сложное. Завод, к примеру, под крышей находится, гудок у него есть, машины на ходу, продукция известная — следи, чтоб все в норме шло, а ежели заминка случилась — сейчас же тебе звонок и тут уж не зевай...

— Все это, конечно, тоже не просто, Василий Фомич, — возразил Бескуров. — Даже куда сложнее, чем у нас. Недаром там трудятся люди с высшим образованием и высококвалифицированные рабочие.

— Неплохо бы и нам с тобой иметь высшее образование, да так оно и будет в скором времени, — уверенно сказал Лобанцев. — Я не говорю, что на заводе легко, да уж больно много разных каверз в нашем-то деле, прямо беда. Скажем, ты планируешь пшеницу к такому-то числу посеять, а тут тебе бац! — ливень на три дня, Или трактор поломался... А то придешь в контору, и тут тебе сразу сто вопросов надо решить —

со льном, с хлебом, с авансами, с кредиторами да с дебиторами, а иногда и с коровой, у которой роды неправильные. Но и это еще не беда, а вот беда, когда твои указания не выполняются... Ведь как у нас иногда бывает? Приезжает, допустим, Комаров и спрашивает у председателя: почему, дескать, то-то и то-то до сих пор не сделано? А он этак спокойненько отвечает: так, мол, и так, указания мною давались, решение правления было, да вот бригадиры у нас, знаете, такие.., опять подвели... Ох, и дает Василий Васильевич жару за подобные «указания». Не дай и не приведи...

Василий Фомич, словно вспомнив, как ему в свое время давали «жару», прикрыл глаза мохнатыми, тронутыми сединой бровями и восхищенно хлопнул ладонями по коленям.

— Да, люди — это основное, — сказал Бескуров, мысленно прикидывая, на кого он сейчас может твердо положиться. — Конечно, я еще не могу утверждать, что все мои указания выполняются точно и в срок, но, так или иначе, с разболтанностью мы скоро покончим.

— Так, так, — кивнул Василий Фомич, — это уже неплохо. А дальше?

Бескуров в недоумении посмотрел на улыбающееся лицо Лобанцева, на котором был выражен тот же вопрос: «Что же дальше?», пожал плечами, пытаясь угадать, что имеет в виду его хитрый и многоопытный собеседник.

— Что же, так всю жизнь и будут твои бригадиры и специалисты работать только по председательским указаниям? Заранее скажу — толку не будет, — строго проговорил Лобанцев и потянулся за фуражкой.

Бескуров просиял.

— Василий Фомич, я понял. Ну, как я сразу не догадался, я же думал об этом, целые ночи думал. Да, ты прав, тысячу раз прав. Конечно же, успех придет тогда, когда люди будут знать свое дело и трудиться без дополнительных указаний и напоминаний. Самостоятельности, инициативы — вот чего еще не хватает многим. Но это придет, обязательно придет, к этому я и стремлюсь, Василий Фомич.

— Да я и так вижу, что стремишься, только мне хотелось дать один совет. Дело это кропотливое и тонкое, так что хорошенько изучай людей, будь терпелив

и настойчив. Ну, вот, кажется, и все. Да, чуть не забыл. В райком я тоже с тобой поеду, мне Комарова вот так надо повидать. — Он выразительно провел ладонью по шее и подмигнул Бескурову. — Дельце одно есть, очень уж щекотливое... Ну, всего доброго.

— До свиданья, Василий Фомич, — с чувством сказал Бескуров и крепко пожал его большую, сильную, с шероховатой кожей, руку.

XXIX

Комаров вернулся из обкома почти в хорошем настроении. Правда, это хорошее настроение пришло не сразу. На бюро, когда обсуждался его отчет, он чувствовал себя настолько скверно, что иногда не понимал, о чем, собственно, идет речь. Но, оказывается, его память, помимо воли, в силу особого рефлекса, приобретенного за годы беспокойной партийной работы, прочно удержала все замечания и советы выступавших на бюро товарищей, и как только Василий Васильевич очутился в гостинице, он с полной ясностью представил всю картину обсуждения. В первую минуту ему показалось, что положение с подбором и воспитанием колхозных кадров в районе крайне безотрадное и что теперь это дело, по существу, придется начинать сначала. Однако дальнейшие размышления и трезвое сопоставление фактов постепенно заставили его отказаться от первоначального поспешного вывода. Тут, кстати, Комаров припомнил, что и бюро обкома такого вывода тоже не сделало. Зато оно помогло Комарову взглянуть на работу райкома как бы со стороны, глубже понять причины недостатков, подсказало пути их устранения.

Как это бывало и раньше, поездка в обком явилась хорошей зарядкой, и Василий Васильевич вернулся домой внутренне возбужденный, полный энергии и уверенности, хотя внешне это было почти незаметно. Он, как всегда, выглядел строгим, серьезным и пунктуальным даже в мелочах, и только те, кто знал его близко, могли заметить повышенный интерес первого секретаря к людям, словно он искал среди них какого-то позабывтого, но крайне нужного человека. Иногда он расспрашивал о работнике, о котором в райкоме ничего не знали. В таких случаях Комаров говорил: «На-

до узнать, познакомиться с ним. Любопытно, что он за человек. Может, у него имеются такие таланты, о которых мы и не подозреваем».

Естественно, что сразу по приезде Комаров вспомнил о Бескурове и, вызвав Лысова, попросил информировать, как обстоит дело. Они беседовали полчаса, причем говорил почти один Федор Семенович. Для Комарова это был серьезный удар, тем более неожиданный, что он до последней минуты верил, что обвинения против Бескурова сильно преувеличены и искажены. Ему даже не пришлось уточнять детали — настолько подробно и всесторонне обрисовал Лысов весь непритялдый облик председателя «Восхода». Не был забыт и тот факт, что Бескуров, по-видимому, порвал с женой, она будто бы наотрез отказалась переехать в колхоз. В то же время сам он уже давно не бывал дома...

Выслушав, Комаров коротко сказал:

— Хорошо, разберемся на бюро. Вы передали в орготдел материалы?

— Да, конечно, Василий Васильевич.

А в пятницу, накануне бюро, в райком приехал Василий Фомич Лобанцев. Он долго, кряхтя и отплевываясь, счищал у входа грязь с сапог, потом с шумом поднялся по лестнице, радушно, как со старой знакомой, поздоровался с дежурной и громко спросил:

— Василий Васильевич у себя?

— У себя, но он сейчас занят, придется подождать.

— Ага, подожду, мне не к слеху. — И он, раздевшись, прочно уселся на стуле возле столика дежурной, на котором стояла огромная пепельница для посетителей.

Вскоре от Комарова вышли двое — судя по одежде — речники. Они оживленно разговаривали, стоя у вешалки. Василий Фомич ткнул в пепельницу недокурную сигарку и грузно поднялся со стула.

Он пробыл у первого секретаря полтора часа, так что Комарову самому пришлось дважды выходить в коридор и извиняться перед ожидавшими посетителями. Дежурная, знавшая пунктуальность секретаря в этих делах, удивленно качала головой. Она еще больше удивилась, когда Комаров, провожая Лобанцева до самой вешалки и пожимая ему руку, сурово сказал:

— Итак, до завтра. Твое присутствие необходимо.

Заседание бюро началось ровно в двенадцать. Бескуров познакомился с повесткой дня и узнал, что разбор персональных дел начнется не раньше четырех часов. Он бы не поехал так рано, но Иван Иванович, которому надо было кое-что купить, упросил его. Они пошли по магазинам.

Если бы речь шла о покупках для себя, Иван Иванович покончил бы с ними в два счета, но угодить же не оказалось не так-то просто. Названия разных предметов детской одежды, их размеры и цены перепутались в голове Ивана Ивановича сразу же, как только он переступил порог дома, а в городе и вовсе выветрились из памяти. Однако Иван Иванович не растерялся и нашел единственно правильный выход: он брал для детишек все, что лежало на прилавках, а пригодность обновок определял на глазок.

— Как, по-твоему, налезут эти штанишки на Витьку, а? — спрашивал он совета у Бескурова, но тот обычно пожимал плечами или коротко говорил:

— По-моему, нет.

— Ну, тогда Васе как раз будут. Беру.

Когда в кармане остался один червонец, Иван Иванович спохватился:

— Мать честная! Чуть без рубля не остался, а ведь нам пообедать надо, с голодухи-то этот узел, чего доброго, до дому не дотяну.

Узел образовался порядочный. Иван Иванович с опаской оглядел его и безнадежно проговорил:

— Винегрет да и только. Если что не по нраву будет бабе — конфликта не миновать. Ну, а ежели бы я помнил эти размеры, думаешь, убоготворил бы ее? Черта с два! Это у нее порядок такой: как приезжаю из города — обязательно ей шум надо поднять, иначе она и спать не ляжет. Как-то раз велит мне купить железную ванну — младшего купать. Ох и не возрадовался я! Эта ванна, оказывается, во какая, как бы я ее с одной рукой потащил столько верст? Посмотрел я ее в хозмаге, пощупал и решил: чем мне с этакой огромной посудиною возиться, возьму-ка я корыто, его хоть под мышкой можно унести. Моя мать сроду в корыте детишек купала, а ей, чертовке, ванна понадоби-

лась. Я и корыто-то едва донес, в пяти местах помял, потому что не один был и с ребятами пришлось маленько выпить. Ну и катавасия тогда дома разгорелась — хоть святых выноси. Потом она корыто под стирку приспособила, деревянное-то выбросила, а ванну-таки пришлось купить, только тогда я уж с лошастью был, довез благополучно. Вот какие дела случаются, а ты ходишь вот со мной и нос повесил. Что же, по-твоему, на бюро нас так расскажут, что и костей не соберешь?.. Ну, чего ты молчишь, как немой? Я, если хочешь знать, теперь рад, что нас на бюро вызвали, по-крайней мере, ясность будет, как и что дальше делать.

— Я тоже так думаю, — сказал Бескуров. — А молчу потому, что мы уж, кажется, обо всем раньше переговорили. Да и отвлекать тебя от важного поручения не хотелось.

— Подумаешь, поручение... Если бы я трактор или автомашину для колхоза покупал, а то тряпки разные. Ну, вот она столовая, чуешь, как борщом пахнет? По тарелке навернем и в райком.

Они действительно оказались возле столовой, что очень удивило Бескурова. Он вовсе не хотел идти сюда, где мог встретиться не только с Зоей, но и с бывшими сослуживцами. Видеть их и, быть может, отвечать на их праздные вопросы было выше его сил. К тому же Иван Иванович, которого Бескуров по дороге в город посвятил в свои семейные неурядицы, мог снова завести разговор о примирении, бесполезный вообще и тем более ненужный сейчас. Уж не с этой ли целью он и стремился в столовую, таща за собой его, Бескурова? По доброте своей Иван Иванович не считал дело непоправимым и искренне хотел помочь товарищу. По-видимому, в душе он верил, что Зоя не такой уж плохой человек, как о том наговорили Бескурову. Его бескитростный ум не уловил всей горечи и глубины разочарования в словах Бескурова, когда тот рассказывал о крушении своих заветных надежд. Впрочем, Антон и не вдавался в подробности, а хотел лишь поставить Ивана Ивановича в известность, почему он не может привезти жену в колхоз.

— Нет, пообедать мы определенно не успеем, уже четвертый час, — сказал Бескуров, решительно оста-

навливаясь. — Да и есть не хочется, ей-богу. Давай уж лучше после бюро.

— А? После бюро? — переспросил Сухоруков и пристально посмотрел на Бескурова. — Ну что ж, после, так после, можно и потерпеть. Я-то привычный, а ты как хочешь. Но уж потом одной тарелкой не отделаешься, имей в виду.

— Согласен на любое меню, — пообещал Бескуров.

Они вернулись в райком. В прихожей толпилось человек шесть. Одни одевались, другие приходили и, раздевшись, садились рядом с теми, кто ждал вызова на бюро. Иван Иванович приметил, что все почти беспрерывно курили и переговаривались друг с другом почему-то вполголоса.

Внезапно из кабинета первого секретаря вышел Василий Фомич Лобанцев и еще издали приветствовал Бескурова и Ивана Ивановича широкой улыбкой. Бескуров был приятно удивлен: он думал, что Лобанцев не приехал, позабыв о своем обещании.

— Здорово, земляки. Я тут два раза выбегал, смотрю — нету и нету. Куда, думаю, девались? Тебе, Иван Иванович, как секретарю, полагалось с самого начала присутствовать на бюро, а ты где-то бегаешь. Нехорошо.

— Да, видишь ли, дела были срочные, — смущенно оправдывался Сухоруков, косясь на свой узел, положенный вместе с кепкой на полку. — Небось, без меня обошлись.

— Понятно, дожидаться не стали, — рассмеялся Василий Фомич. — Ну, как самочувствие?

— Нормально, — бодро ответил Сухоруков.

— Главное, не тушуйтесь, люди там сидят грамотные, им самая суть дела требуется, а не словеса да обиды разные.

Бескуров кивнул. Они потолковали о предстоящем завтра совещании первой группы животноводов, затем Лобанцев сообщил, что через неделю намечено созвать пленум райкома, а в ноябре — районную партконференцию. Комаров, по его словам, приехал из обкома довольно «сердитый», но в общем-то критиковали его правильно, и теперь многое стало «яснее». Что именно стало яснее, Василий Фомич не успел рассказать, так как в это время их позвали на заседание бюро.

Просторный кабинет первого секретаря на сей раз оказался Бескурову тесноватым. Почти все стулья были заняты, так что Лобанцеву, Ивану Ивановичу и Бескурову пришлось сесть порознь, где нашлось свободное место. Впрочем, Бескурова сейчас же пригласили подвинуться поближе к столу, за которым сидели члены бюро. Председательствовал Комаров. Вдоль длинного стола разместились в разных позах румяный, оживленный председатель райисполкома Атаманов, хмурый, с решительным выражением на лице Лысов, секретарь райкома по идеологической работе Братцев, заведующий орготделом Ступаков и другие. Со всеми этими людьми, в разное время и по разным поводам, Бескурову приходилось разговаривать и решать те или иные вопросы, но сейчас они казались ему совершенно незнакомыми и какими-то далекими, словно невидимая преграда отделяла его от них. Это острое ощущение отчужденности продолжалось недолго. Вскоре Бескуров полностью овладел собой.

— Пожалуйста, товарищ Ступаков, — сказал Комаров, приглашая заведующего орготделом познакомиться присутствующих с решением колхозной парторганизации.

Ступаков, худощавый, чуть сутулый, с приподнятыми угловатыми плечами, встал, раскрыл папку и глуховатым, но напористым баском заговорил:

— Персональное дело коммуниста Бескурова, председателя колхоза «Восход», возникло, собственно, из анонимной жалобы, поступившей в райком. Поскольку жалоба расследовалась секретарем райкома товарищем Лысовым и затем обсуждалась на партийном собрании, я считаю, нет необходимости зачитывать ее здесь. Вот постановление коммунистов колхоза по поводу действий товарища Бескурова...

И заворот в полной тишине зачитал постановление. Атаманов тотчас спросил:

— А в чем конкретно выразились его незаконные действия?

Ступаков рассказал то, что ему было известно из жалобы и из сообщения Лысова. Неугомонный Атаманов, оглянувшись на первого секретаря, снова спросил:

— Какое мнение орготдела? Утверждать или не утверждать Бескурову строгий выговор?

— Пока нет, — внезапно улыбнулся Ступаков. — Давайте сначала выслушаем мнение другой стороны.

Комаров бегло просматривал какие-то бумаги и ни разу не взглянул на Бескурова. Сейчас он поднял голову и коротко сказал:

— Давайте, товарищ Бескуров.

Бескуров, чувствуя на себе настороженно любопытные взгляды, медленно поднялся, переставил стул вперед, оперся о его спинку руками. Где-то за спиной беспокойно покашливал Иван Иванович. Лобанцев, широко расставив ноги и положив на колени большие темные ладони, приготовился слушать. На полных губах Лысова то появлялась, то исчезала ироническая усмешка. Атаманов, повернувшись всем корпусом к Бескурову, ободряюще кивнул и сейчас же потянулся за стаканом с водой, словно выступать предстояло не Бескурову, а ему самому. Комаров, собиравшийся закурить, отложил папиросу и посмотрел на лежащие перед ним часы, как бы напоминая Бескурову, чтоб он говорил покороче.

— Как вы знаете, товарищи, я молодой председатель, солидным опытом еще не успел обзавестись. Возможно, я работал не в полную силу, в чем-то ошибался. Но я искал.. — Бескуров остановился, почувствовав, что такое начало завело бы его слишком далеко; недовольный собой, он незаметно для себя повысил голос. — Когда товарищ Лысов разбирал жалобу, ему следовало бы спросить у честных колхозников, что думают они о тех незаконных действиях, которые я совершил...

— Я разговаривал с коммунистами — этого вам мало? — удивленно сказал Лысов. — Ну, знаете, подобного самомнения я еще не встречал.

— Вы приехали в колхоз с готовым решением, вот в чем дело, — в упор бросил Бескуров. — Честные коммунисты говорили вам, что вся эта жалоба состряпана нечистыми руками, но вы их не хотели слушать. Я готов понести любое наказание, если меня и колхозников убедят, что сено, которое мы получили с заброшенных и годами неиспользуемых участков, принесет не пользу, а вред колхозу и государству. Возможно, формально я эти участки не имел права отдавать, но по совести и здравому смыслу обязан был это сделать. В

будущем году нам уже не придется обращаться за помощью к лесопункту, сделаем все своими руками. Теперь насчет угроз и превышения власти... Жаль, что товарищ Лысов не захватил с собой медицинскую справку так называемого «инвалида» Саватеева. Очень легко было бы доказать, что она фальшивая. Но даже и этому злостному «шабашнику» я не угрожал, а просто действовал в рамках нового Устава сельхозартели. Беда наша в том, что мы еще плохо выполняем Устав, а этим пользуются лодыри и прочие люди, ищущие легкой жизни. К сожалению, во всех этих сложных вопросах товарищ Лысов разобраться и помочь нам не захотел, он подошел к делу формально и, должен сказать, оскорбительно...

— То есть, как это оскорбительно? Поясните, — попросил Комаров.

— В личной беседе и затем на собрании он отозвался обо мне как о бесчестном карьеристе и демагоге. Он даже заявил, что я будто бы в близких отношениях со своей квартирной хозяйкой и поэтому не хочу везти в деревню жену.

— Возмутительно! — хлопнул ладонью по столу Атаманов.

Лысов лишь холодно взглянул на него и промолчал.

— Так, — хмуро сказал Комаров. — А все же почему вы до сих пор не перевезли семью в колхоз?

— Потому, что жена категорически отказалась переезжать.

— Странно, — пробормотал Атаманов. — Чем же это вызвано? Разлюбила она тебя, что ли?

— Вернее сказать, она и не любила меня, — тихо, но твердо ответил Бескуров.

— Странно, странно, — покачал головой Дмитрий Егорович. — Такие вещи, конечно, бывают в жизни, но все же... Так-таки и отказалась наотрез? — снова спросил он, все еще не веря.

— Да.

— Понимаете, Василий Васильевич, в таких случаях даже и посоветовать не знаешь что, — как бы извиняясь и в то же время давая понять, что этот деликатный вопрос не стоит сейчас обсуждать, сказал Атаманов.

— Сам разберется, не маленький, — скупно улыбнулся Комаров. — У вас все, товарищ Бескуров?

— Как будто все, — облегченно сказал Бескуров и хотел уже сесть, но тут ему задали вопрос:

— А как насчет коллективной выпивки?

— Какая же это выпивка, да еще коллективная? — смущенно произнес он. — Просто выпили, чтобы согреться и поговорить с ребятами по душам. Возможно, не надо было этого делать, но тогда мне в голову не пришло, что меня могут обвинить в совращении молодежи. Таких ребят рюмкой не совратишь. Чудесный народ, ей-богу.

Даже Комаров не смог удержать улыбки. В кабинете зашупукались. Один Лысов сидел неподвижно, саркастически скривив губы.

— Вопросов больше нет? Кто желает говорить?

— Разрешите, Василий Васильевич, — приподняв руку, громко, четко, требовательно произнес Лысов. Он отодвинул подальше стул, выпрямился во весь свой рост, помолчал секунду, словно собираясь с мыслями, и веско заговорил, обращаясь в основном к одному Комарову. — Как выглядит, товарищи члены бюро, поведение молодого, недавно рекомендованного райкомом на ответственный пост товарища Бескурова в свете тех требований, которые предъявляет сейчас наша партия к колхозным кадрам? Весьма и весьма незавидно. Это, по-моему, ясно всем присутствующим, за исключением самого Бескурова. И это очень печально, товарищи. Бескуров пытался уверить нас, будто все, за что его резко и справедливо осудили колхозные коммунисты, это пустяки, о которых даже и говорить не стоит. Дескать, все, что он творил единолично и самовольно, шло только на пользу колхозу. Посмотрим, так ли это на самом деле. — Тут Лысов сделал короткую паузу, приготовляя слушателей к дальнейшему. — К великому сожалению, далеко не так. И утверждаю это не я, а факты, многие свидетели этих фактов. Возьмем сенокосные участки, якобы заброшенные и неиспользуемые. По чьей вине неиспользуемые? По вине тех же бесхозяйственных руководителей колхоза. Бескуров, конечно, знал, что в этом году с него потребуют отчета за каждый невыкошенный клочок сенокоса. В частности, я лично предупреждал его об этом. И какой же он нашел

выход? Самый легкий, хотя и незаконный. Он отдал восемьдесят гектаров лесных сенокосов предприятию, которое...

— Шестьдесят процентов сена пошло колхозу, — глухо перебил с места Иван Иванович.

— Это не имеет значения, — даже не повернув головы, продолжал Лысов. — Бескуров думал: и взятки с него гладки, и гектары в сводке прибавились. Понятно, он рассчитывал скрыть эту сделку, но шила в мешке не утаишь. Мне не ясно, Василий Васильевич, почему наш прокурор до сих пор не заинтересовался этим делом...

— Он интересовался, — сухо ответил Комаров. — Продолжайте.

Лысов, вопросительно глянув на Комарова, пожал плечами и продолжал:

— Бескуров не так прост, как хочет здесь показаться, товарищи. Он действительно угрожал многим колхозникам, которые по разным причинам плохо работали в колхозе. В том числе и инвалиду войны Саватееву. Не знаю, фальшивая или нет у него справка, дело не в бумажке, а в том, что человек лежит сейчас в постели и передвигается с костылями. А вот на воспитательную работу среди масс Бескуров смотрит с недоверием. Это ли, товарищи, не забвение уставных обязанностей члена партии? Он ни разу не выступил перед колхозниками с докладом или лекцией. Зато молодежи, как мы уже слышали, он показывает «достойный» пример, пьянствуя с нею. Он не доверяет членам правления, например, своему заместителю товарищу Звонкову, из чувства зависти сдерживает его инициативу. Далее, Бескуров собирается снять с работы опытного, с двадцатипятилетним стажем, бригадира Прохорова...

— Мы уже сняли его, — снова вставил Иван Иванович, сидевший как на иголках.

— Вот видите... Так воспитывает товарищ Бескуров свои кадры. Я должен сказать, товарищи, хотя это и не нравится Бескурову, что он не вполне чистоплотен и в быту. Не знаю, любит ли его жена, зато известно, что он и не пытался воздействовать на нее, как коммунист. Разговоры о квартирной хозяйке не я выдумал, об этом говорят многие в колхозе.

— Это неправда. Об этом болтает один Звонков, — в бессильной ярости сказал Бескуров.

— Спокойно, товарищ Бескуров, — предупредил Комаров, не замечая, что у него у самого желваки нервно двигаются под кожей, а карандаш, зажатый в руке, давно уже выбивает по столу частую дробь.

— Я кончаю, товарищи. Хочу лишь добавить последний штрих, который один лучше характеризует Бескурова, чем все остальные факты. В личной беседе со мной он не постеснялся заявить и даже потребовать, чтобы райком не только не наказывал, но и взял бы его под свою защиту. Дальше, как говорится, ехать некуда. У меня все.

Лысов не спеша сел. С минуту длилось неловкое молчание.

— Уф! Ну и картина, — вздохнул Атаманов, бесцельно передвигая бумаги перед собой. — Боюсь, перехватил ты, Федор Семенович.

— При чем тут я? Мы обсуждаем решение собрания первичной парторганизации.

— А ты и там в таком же духе выступал? Или еще похуже? — уже не скрывая неприязни, спросил Дмитрий Егорович.

— Если тебя это интересует, почитай протокол, — отпарировал Лысов. — Я всегда говорю то, что думаю.

— Товарищи, к порядку. Кто хочет выступить? — Комаров обвел взглядом присутствующих. — Дмитрий Егорович, вы?

— Нет, по-моему, надо дать слово секретарю парторганизации.

— Товарищ Сухоруков, пожалуйста.

Иван Иванович, потный от волнения, долго готовившийся к выступлению и сейчас разом потерявший все приготовленные слова, долго переминался с ноги на ногу, пытаясь вспомнить хотя бы главное. Так и не вспомнив, сердито махнул единственной рукой и выпалил:

— Что тут Федор Семенович наговорил, это, извиняюсь за грубое слово, хреновина... — он поднял голову и, испугавшись, что ему больше не дадут говорить, заторопился. — А почему хреновина? Да очень просто. Никогда Антон Иванович таким двуличным или там карьеристом не был и не будет, точно вам говорю.

Ведь это что получается? Человек сил не жалеет, старается, чтоб польза колхозу и колхозникам была, а ему вроде ножку подставляют. И кто подставляет-то? Добро бы один Петька Саватеев, от него и не такой пакости можно ждать, а ведь солидные, грамотные люди, вот что обидно. Мы после вас, Федор Семенович, кое в чем разобрались и жалеем, что вы Звонкову на удочку попались. Подвел вас Звонков да и прочие, кои вокруг него увивались. Казнокрадом Платон-то Николаевич выявился, мы его под суд скоро отдадим, а вы ему верили. Пока не доказано, а только я не Сухоруков буду, ежели не Звонков с Саватеевым клязу-то сочинили. Правда наружу выплывет, испокон веку известно...

— Насчет Звонкова — это верно? — спросил Атаманов.

— Верно, Дмитрий Егорович, — за Сухорукова ответил Лобанцев. — Жуликом оказался. Он и жалобу мог написать затем, чтобы Бескурова убрать и сделать все шито-крыто.

— Ясное дело, — энергично подтвердил Иван Иванович, тем более ненавидевший сейчас Звонкова, что еще недавно сам восхищался им. — Вот уж двуличный человек — это да. А Бескуров весь на виду, что на сердце, то и на словах. Вы вот, Федор Семенович, Саватеева пожалели, хоть я вам и рассказывал про него, а не поинтересовались, какие у нас в колхозе порядки стали заводиться. Таких-то Саватеевых меньше стало, это факт. Люди стали охотнее работать, дела лучше пошли — тоже факт. А что председателя колхозники уважают — об этом и говорить нечего. Вот чем вам надо бы поинтересоваться, а вы за клязу ухватились. Верно, выговор мы Бескурову вынесли, да кто за выговор-то голосовал? Звонков да Давидонов, а Ярыгин, тот совсем малограмотный, испугался ваших страшных ученых слов, ну и поднял руку на всякий случай. Вы нашу парторганизацию раскритиковали правильно, слабовата она, но вы-то ведь не помогли нам сильнее стать. Только я так думаю, что через год мы во как окрепнем, достойных людей у нас много. Ну и, конечно, умнее будем, разным Звонковым, ежели они плюяются, сами укорот дадим.

— Правильно! — одобрительно отозвался Атаманов.

Лысов сидел внешне невозмутимый, изредка кривя губы и что-то записывая в блокнот, но прежней решительности в лице уже не было.

Потом говорил Василий Фомич. Он заявил, что Бескуров с душой взялся за дело и ведет правильную линию, следовательно, его надо не шельмовать, а помочь и предупредить от возможных ошибок в дальнейшем.

— Сбить человека с панталыку легко, а вот влезть ему в душу, понять, чем он живет и ради чего живет, — это потруднее. Этого-то как раз и не хватает товарищу Лысову, — сказал в заключение Лобанцев.

— Да и многим из нас, — серьезно заметил Ступаков.

— Беда даже не в том, что не хватает, — сказал Дмитрий Егорович Атаманов, — а в том, что приобретать это умение иные не хотят. Заучили разные слова и цитаты и думают, будто они поняли линию партии. Партия требует от нас не только ума, но и сердца. С цитатой, брат, в душу человека не влезешь.

Обсуждение затянулось, но Комаров не только никого не останавливал, но даже и на часы перестал смотреть. Он внимательно выслушивал каждого, вопросов не задавал, однако взглядом подбадривал тех, кто почему-либо тушевался и спешил поскорее «закруглиться». Так было со Ступаковым, который заявил, что он с самого начала усомнился в «преступности» Бескурова и хотел даже послать в колхоз инструктора, чтобы уточнить некоторые факты. Не послал потому, что опасался противодействия Федора Семеновича...

Когда все желающие выступили, Комаров сказал:

— Как видим, товарищи, персональное дело Бескурова — надуманное дело, хотя на первый взгляд в нем имеются факты, явно показывающие против Бескурова. Оно поучительно, прежде всего, в том смысле, что наглядно показывает, в чем основная причина наших недостатков в работе с колхозными кадрами. Это — формализм, увлечение второстепенными мелочами (среди мелочей есть и такие), неумение, а иногда и нежелание видеть главное — живого человека, будь это председатель, бригадир или рядовой колхозник. Всем, конечно, известна истина, что успех любого дела решают люди, но всегда ли мы любознательны и внимательны к ним? Далеко не всегда. Отсюда и ошибки. Нельзя даже к за-

ядлому тунеядцу подходить с предубеждением, потому что в нем могут, при определенных условиях, обнаружиться новые качества. К сожалению, товарищ Лысов поехал в «Восход» с явным предубеждением против Бескурова, при этом проявил черствость и странную пристрастность в проверке фактов. Он апеллировал здесь к прокурору. К счастью, прокурор у нас — не бездушный буквоед и формалист, хотя Бескурову, должен его предупредить, придется побеседовать с ним. Это пойдет только на пользу общему делу. Считаю, что Бескуров правильно понимает стоящую перед ним задачу по подъему артельной экономики и добьется успеха. А мы ему поможем. Предлагаю выговор, объявленный первичной организацией, отменить. Есть другие предложения?

Других предложений не было. Лысов, стиснув зубы и опустив голову, молчал. Он один голосовал против отмены.

Выходя из кабинета, Василий Фомич толкнул Сухокурова локтем в бок и негромко сказал:

— Понял? А ты боялся. По всему видно, Лысову на партконференции тутو придется.

— Ясное дело, — коротко кивнул довольный Иван Иванович.

XXX

Осень, пугнувшая людей в начале сентября дождями и ненастьем, к концу месяца утихомирилась, снова корошо припекало солнце, пообсохли дороги, только вечера наступали рано, да голые, словно осиротевшие деревья, не шумевшие теперь даже под сильным ветром, напоминали о том, что хмурая осень вернется и установится надолго.

Но пока об этом не хотелось да и некогда было думать. Для Лены эти осенние потогие дни стали словно второй весной в этом году, и она наслаждалась ими со свойственной ей безудержной горячностью. Но даже если бы день и ночь хлестали пронизывающие дожди, дул ветер и дороги расползались бы в грязи, все равно настроение у Лены было бы праздничным, потому что она любила и была любима. Прошло всего два дня с того незабываемого часа, когда Володя впервые после ссоры заговорил с ней и признался, что любит ее, и вот

Лена нетерпеливо рассказывает по заветной тропке вдоль обрыва, смотрит то в сторону деревни, то на проселок, пересекающий Согринский луг, и сердце у нее до краев полно счастьем — за себя и за Клаву, которая приезжает сегодня из города вместе с сыном и матерью. Лена для того и пришла на обрыв, чтобы первой увидеть машину и встретить подругу. Конечно, она пришла еще и потому, что сюда же придет и Володя, убежавший переодеться после смены. Лена ничего не сказала про Володю матери и поэтому им пока неудобно встречаться дома. Но она скоро скажет и уж тогда, как бы ни посмотрела мать на Володю, Лена приведет его в дом. О, теперь ей не страшны никакие препятствия!

Володя, как всегда, появляется неожиданно, обнимает ее сзади, и она молча, чуть прикрыв глаза, запрокидывает голову и подставляет ему губы.

— Ну, как, не видно еще? — кивает он в низину.

— Пока нет. Но уже третий час, а машина ушла за ними с утра. Скоро появятся. Давай сядем.

Они выбирают укромное место на спуске, прикрывшее сверху голыми редкими кустиками. Солнце уже ушло за Двину, оно почти не греет, но им тепло, Лена даже распахнула теплый жакет и обняла Володю, чтобы он мог ощутить, как радостно и покойно бьется ее сердце.

— А признайся, Володя, ты из-за меня хотел в другой колхоз уйти? — между поцелуями спрашивает Лена, потому что ей хочется еще и еще раз слышать из его уст хотя бы косвенные признания в любви.

— Понятно, из-за тебя, — бормочет Володя, которому все еще стыдно за старое. — А тут еще нового трактора не давали. Такая была обида, что все бы бросил.

— Ну и чудак, — ласково смеется она. — Ведь сам же во всем виноват, на кого же было обижаться?

— Теперь-то я вижу, что сам, а тогда не до этого было. Если хочешь знать, это ты меня к Любке толкнула, а иначе я бы и говорить с ней не стал.

— А если б она позвала тебя, ты уехал бы, да? — ревниво спросила Лена.

— Она не звала, да я и сам понял, что уехать отсюда не смог бы... Знаешь, Ленуська, вчера я читал в

газете статью, и там говорится, что некоторые колхозы на юге сами приобретают тракторы и ими распоряжаются. Вот это было бы здорово. А то хозяев над нами, трактористами, много, а толку иногда мало. Бригадир нам одно приказывает, председатель — другое, а мы смекаем: где бы побольше мягких тектаров нахватать. Не по-хозяйски получается. А машины станут колхозными — и мы с тобой колхозниками будем, куда ж тогда уезжать? Хочешь, не хочешь, а придется мне у вас застрять, — с деланным недовольством, сказал Володя, заранее угадывая, что ответит Лена.

— Никто тебя неволить не будет, хоть сейчас смекайся. Ежели у колхоза появятся свои машины, ему плохих трактористов невыгодно держать, — съязвила она.

— Верно, плохих невыгодно, а меня Бескуров с лапочками возьмет, — добродушно сказал он. — Я и тебя водить трактор научу, хочешь?

— Правда, научишь? — просяла Лена. — Ой, как хорошо было бы. На работу вместе, с работы вместе. Ну, как муж и жена, понимаешь?

— Ну, а если ты неспособная и целый год не научишься, так и будем год ждать? Мне это не подходит, — категорически заявил Володя, притворно хмурясь.

— Чудачок ты мой, — обвив обеими руками его шею, зашептала она, — я скоро все, все маме скажу. Может, даже сегодня.

— Боюсь я что-то твоей мамыши, неизвестно, как она на это дело посмотрит.

— Очень даже хорошо посмотрит. Она только с виду строгая, а так она добрая, уж я-то знаю. Да ты ведь не с мамой будешь жить, а со мной, понял? Я за тобой хоть куда кинусь.

Они опять горячо поцеловались. Потом Лена озабоченно сказала:

— Приедет Клавдия Васильевна — надо ей помочь, ну, там вещи выгрузить и вообще устроиться. Может, Антон Иванович сперва постесняется прийти, а ей одной не справиться.

— Какой может быть разговор! Конечно, поможем. А что, — понизив голос, спросил Володя, — он в самом деле разошелся с женой?

— Она сама от него ушла. Клава рассказывала, что Антон Иванович был недавно у жены, ну, и она, значит, сама ему призналась, что сошлась с другим. Видишь ли, ей в деревню ни за что не хочется, как будто здесь и не люди живут. А по мне — где бы ни жить, лишь бы с любимым, верно?

— Так я же вчера это говорил, помнишь?

Они снова поцеловались, позабыв в эту минуту обо всем, даже о Клаве, которую они ждали...

* * *

Машина пришла уже в сумерки. Бескуров тотчас узнал об этом, так как весь день пребывал в напряженном ожидании, почти не занимаясь делами и несколько раз выходил из конторы поглядеть на дорогу. То он думал, что Клава раздумала ехать, то опасался, не случилось ли чего с машиной, ибо все сроки ее возвращения уже прошли. Но когда Лена, будто бы мимоходом заглянув в контору, сообщила, что Клава приехала, Антон ничем не выдал своего волнения. Он скавал, что очень рад и попозже зайдет узнать, как Клавдия Васильевна устроилась. Не мог же он сломя голову бежать вслед за возбужденно радостной Леной (он-то знал, чем вызвана эта радость) и обнимать Клаву на глазах посторонних людей. Слишком необычным и прямо-таки непонятым показалось бы это людям, хотя сам он считал вполне естественным и даже необходимым встретить Клаву как ее муж. Да, он имел на это право, поскольку Зоя отказалась от него. А с другой стороны, он мог теперь и не спешить, чтобы не вызвать лишних кривотолков — все равно Клава любит его, и он женится на ней, как бы потом ни судили его поступок так называемые «добропорядочные», а на самом деле черствые, с ханжеским душком, люди.

Бескуров заставил себя просидеть не менее часа в конторе, прежде чем отправиться к дому Егора Пестова, в котором поселилась Клава. Было уже темно, но Бескурову казалось, что каждый встречный знает, куда и зачем он идет, и видит, как он взволнован. Поэтому Бескуров намеренно замедлял шаг и пытался спокойно представить, какой выйдет его встреча с сыном и матерью Клавы. Но представить никак не удавалось, и

он опять начинал думать о Клаве, любовь к которой должна помочь ему преодолеть все трудности — не только теперь, но и в будущем. Это было единственное, в чем он не сомневался...

Машина еще не ушла, и на крыльце Бескуров встретился с одноглазым шофером. Тот сразу узнал председателя и, прикрыв ладонью рот, живо прошмыгнул мимо. После того, как Звонков отошел от дел, лихой водитель чуждался людей, выпивал в одиночестве и только Косте Проскурякову в минуту пьяной откровенности заявил, что ему надоело «бродяжить» и с этих пор он станет порядочным человеком. Заменить его пока было некем, и Бескуров надеялся, что, может быть, и не придется заменять. Костя тоже был такого же мнения. Сейчас, заподозрив, что шофер навеселе, Бескуров даже и не подумал сделать ему замечание: ведь он привез Клаву. Возможно даже, что она сама угостила его по случаю новоселья.

Просторный пятистенки Егора Пестова был ярко освещен большими висячими лампами. В той половине, которую хозяин уступил квартирантам, сустились люди. Бескуров подумал, что, несмотря на поздний час, в избу набились любопытствующие, но, войдя, увидел лишь Лену и Володю Шишкина, устанавливающих гардероб. Клава помогала им, а Манефа Григорьевна (ее имя Бескуров узнал заранее) невысокая, с выбившимися из-под теплого платка седоватыми прядями, топталась возле, давая указания. Но Бескуров едва взглянул на них — его взгляд приковал мальчуган в плисевой курточке, достававший из открытого сундука лошадку. Лошадка застряла в других вещах, и Женя никак не мог ее вытащить, хотя брался обеими руками то за голову, то за льняной хвост. На Бескурова он даже не оглянулся. Первой заметила его Клава и тотчас вспыхнула, не зная, что сказать. Она каждую минуту ждала его и все-таки растерялась. Бескуров, скрывая волнение, нарочито громко произнес:

— Здравствуйте, Манефа Григорьевна. С прибытием вас.

Старушка живо обернулась, на мгновение сузила глаза, взглядываясь, потом распустила морщинки на лице и почтительно ответила:

— Здравствуйте, товарищ председатель. Уж прос-

тите, что не управились, вот сюда присаживайтесь, а то разбросано все, не знаем, за что и ухватиться.

— Не беспокойтесь, я ведь на минутку. Хорошо доехали?

— Да хорошо, ничего будто не потеряли и не поломали. Шофер-то хоть и одноглазый, да уж больно вострый, каждую кочку углядит. Внучек вон так и загнул на руках, а уж как ему на автомобиле покатавшись хотелось. Женя, поздоровайся с дядей, что же ты в сундук прячешься?

— Бабушка, это лошадка не вылезает, а я не прячусь, — сказал мальчик и осторожно посмотрел на Бескурова.

— Дай-ка я помогу, — сказал Бескуров и наклонился над сундуком. Выручив деревянного коня, он поставил его на пол. — Ну, вот, теперь можно и ехать.

— Он не ехает, ему спать хочется, — наставительно проговорил Женя. — Бабушка, а где он будет спать?

— А вот поставим тебе кроватку, тогда и лошадке место найдется. Ты покатайся пока.

— Ладно, ставьте скорей.

Бескуров смотрел во все глаза на мальчика, искал в его лице Клавины черты и не находил их. Он видел круглое рямяное личико, вздернутый маленький носик, большие синие глаза — и все это, взятое в отдельности, нисколько не напоминало мать. Это был просто Женя, собственной персоной, со своим неповторимым обликом, с непонятым Бескурову внутренним миром, в котором Бескурову, так или иначе, предстояло занять какое-то место. И странное дело, Бескуров уже не думал о том, сможет ли он полюбить этого мальчика, его интересовало сейчас другое — как отнесется ребенок к нему, примет ли его в свой внутренний мир, станут ли они друзьями.

Отталкиваясь ногами, Женя попробовал проехать на коне, но колесики крутились с таким пронзительным визгом, что бабушка тут же ссадила внука и попросила его помочь разобрать какой-то узел. В избе был полный беспорядок, хотя вещей Клава привезла не так уж много. Лена ревностно помогала в расстановке кроватей, комода, стола, бегала по избе с тряпкой и веником, давала указания Володе. Бескуров тоже принял участие в работе, хотя Манефа Григорьев-

на и просила его не беспокоиться. Клава так устала, что, случайно присев на что-нибудь, едва находила силы, чтобы вновь подняться. Но она была счастлива, и глаза ее, поминутно останавливавшиеся на Бескурове, сияли. Это замечали все, в том числе и мать, и для нее, матери, прежние рассказы дочери о председателе сразу обрели особый смысл. «Дай-то бог, если он хороший человек», — с тревогой думала Манефа Григорьевна и, не переставая занимать внука и возиться с вещами, рассказывала Бескурову, ему одному, что она рада очутиться снова в деревне, так как стосковалась и по ржаному полю, и по русской печке, и по всему деревенскому укладу жизни, к которому привыкла с детства.

— А жеребенки здесь есть, бабушка? — спросил Женья, прислушивавшийся к разговору, и опять осторожно посмотрел на Бескурова, видимо, догадавшись, что он здесь «главный».

— И жеребята, и телята маленькие есть, — ответил Антон, присаживаясь перед ребенком на корточки. — Вот ты приходи завтра с мамой на скотный двор, и она тебе их покажет. А захочешь, я покатаю тебя на взаправдашней лошадке, ладно?

— Мама, можно на лошадке покататься? — спросил Женья.

— Можно, можно, дядя Антон тебя не уронит, — сказала Клава. — У него лошадка смиренная.

— А сейчас нельзя, дяденька?

— Нет, конечно, — улыбнулся Антон. — Лошадка же спит, да и тебе вот кровать готова. А завтра обязательно.

— А скоро она выспится? — допытывался Женья.

— Ну, как только ты выспишься, так и она встанет.

— Тогда я тоже спать пойду, — заявил Женья. — Как будет светло, бабушка меня разбудит.

И он решительно стал расстегивать курточку. Бабушка подхватила его на руки, посадила на колени и, бормоча что-то такое, что было понятно лишь ей и ребенку, стала его раздевать.

К тому времени нежидая, с голыми бревенчатыми стенами, изба приняла уже вполне жилой вид, и Клава от души поблагодарила уставших Лену и Володю

за помощь. Лена еще раз критически оглядела расставленные предметы и сказала Клаве:

— Нет, ты не беспокойся, очень уютно будет, вот увидишь. Я завтра приду, мы тут кое-что переставим, стены оклеим, занавески навесим. — И прижавшись губами к ее уху, прошептала: — Какой я тебе подарок к свадьбе преподнесу — ни за что не угадаешь!

— Не надо, Лена, — только и ответила Клава, окончательно смешавшись и испуганно взглянув на Бескурова.

— Ладно, пошли, Володя. Спокойной ночи.

Тотчас же стал прощаться и Антон. Манефа Григорьевна подала ему руку, и он с чувством пожал ее, испытывая искреннюю симпатию к неутомимой старушке.

Клава вышла вслед за Бескуровым на крыльцо. Он ждал ее. Молча обнял, поцеловал в лоб, потом в губы, тихо спросил:

— Намучилась?.. Ну, ничего, отдохнешь, теперь ты дома. Очень уж я волновался, когда шел сюда, сейчас все хорошо, верно, родная?

— Да, Антон, я счастлива, — сказала она просто. — До того счастлива, что даже не верится. Но... — Она запнулась, подняла на него глаза и сейчас же опустила их. Плечи ее дрогнули, и Антон еще крепче прижал Клаву к себе.

— Я привыкну к нему, не бойся, — глухо сказал он. — Мы с ним станем друзьями, я уверен. Ведь я люблю тебя, а он твой сын. Главное, чтоб ты тоже всегда любила меня, и Женя это сразу почувствует и будет доверять мне. Он мне понравился, я именно таким и представлял его.

— О, Антон! Я всегда буду любить тебя. Что бы ни случилось, я буду с тобой, с тобой мне ничего не страшно. Только бы ты любил меня.

— Кого же мне еще любить? — ласково улыбнулся Бескуров. — Лишь теперь я понял, какой бывает настоящая любовь. Да, когда любишь, не страшны никакие трудности. И мы их преодолеем, можешь не сомневаться...

50 3

4 р. 70 к.